

ISSN 1817-7115 (Print)
ISSN 2541-898X (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Филология. Журналистика

2023

Том 23

Выпуск 2

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
PHILOLOGY. JOURNALISM

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2023 Том 23

ISSN 1817-7115 (Print)
ISSN 2541-898X (Online)

Издается с 2005 года

Серия Филология. Журналистика, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Лингвистика

Тарасова И. А. Концепт (не)возвращения в поэзии Г. Иванова и Г. Адамовича (к 100-летию эмиграции) 102

Соколова М. Г. Реализация традиционных образов сравнения компаративных тропов с диминутивными дендронимами в русской поэзии XIX–XXI веков 108

Жулидов С. Б., Золотова М. В., Иванов С. С. Роль интралингвистических факторов в воссоздании стилистических эквивалентов в художественном переводе (на материале американской прозы) 115

Орлова Д. Г. Новые суффиксальные глаголы и формирование новых глагольных словообразовательных типов в русском языке XVIII века 122

Сычалина Е. В. Лингвистическое наследие А. П. Дульзона как источник изучения немецкой топонимии Поволжья 129

Литературоведение

Петрушков И. В. Интертекстуальные включения как средство создания комического эффекта (на материале смеховой литературы Древней Руси XVII в.) 136

Дорофеева Ю. Г. Гастрономические зарисовки Древнего Рима в поэме В. С. Филимонова «Обед» (1837) 141

Воронина Ю. В. «Быть» и «казаться»: смысловое измерение жизни в пьесе А. П. Чехова «Иванов» 148

Тырышкина Е. В. «Когда над полем зеленеет...» В. Хлебникова: память жанра vs. эксперимент 154

Хрусталева А. В. История Саратовской ассоциации пролетарских писателей: от периода формирования к конфликту 159

Журналистика

Агнестикова О. И. Отражение стратегического нарратива противостояния в негосударственных онлайн-медиа 166

Vatletsov S. G. Media prank: For nobody to trust anyone [Ватлецов С. Г. Медиа-пранк: Чтобы никто никому не верил] 172

Мухина О. С. Психологические вызовы внештатной журналистики цифровой эпохи 179

Критика и библиография

Представляем книгу

Крючкова О. Ю., Старостина Е. В. Научное наследие профессора В. Е. Гольдина: о книге избранных работ ученого 186

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика»» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76639 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 5.9.1; 5.9.2; 5.9.5; 5.9.6; 5.9.8; 5.9.9)

Подписной индекс издания 36011. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (bonjour.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Дударева Светлана Сергеевна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Дударева Светлана Сергеевна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2)51-29-94, 51-45-49, 52-26-89
E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 22.05.2023.

Подписано в свет 31.05.2023.

Формат 60×84 1/8.

Усл. печ. л. 11,38 (12,25).

Тираж 100 экз. Заказ 54-Т

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2023

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи по направлениям: Лингвистика, Литературоведение, Журналистика, а также материалы в разделы Представляем книгу и Хроника (научной жизни). Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – 20 000–30 000 знаков с пробелами.

Статья должна содержать аннотацию (200–250 слов), ключевые слова (не более 15 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках.

Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями: левое – 3,5 см, правое – 1,5 см, верхнее и нижнее – 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <https://bonjour.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. С правилами рецензирования можно ознакомиться по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегию серии в электронном виде по адресу: iiyu@mail.ru, телефон для справок (8452) 21-06-48. Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Институт филологии и журналистики, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика».

После выхода в свет номер журнала размещается на сайте по адресу: <https://bonjour.sgu.ru/>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Linguistics

- Tarasova I. A.** The concept of (non)return in the poetry of G. Ivanov and G. Adamovich (to the 100th anniversary of emigration) 102
- Sokolova M. G.** Realization of traditional images of comparative tropes with diminutive dendronyms in the Russian poetry of the 19–21st centuries 108
- Zhulidov S. B., Zolotova M. V., Ivanov S. S.** The role of intralinguistic factors in recreating stylistic equivalents in literary translation (exemplified by American fiction) 115
- Orlova D. G.** New suffixal verbs and the formation of new verbal derivational types in the Russian language of the 18th century 122
- Sychalina E. V.** The linguistic heritage of A. P. Dulzon as a source for studying the German toponymy of the Volga region 129

Literary Criticism

- Petrushkov I. V.** Intertextual elements as a means of creating a comic effect (based on the 17th century Russian satires) 136
- Dorofeeva Yu. G.** Gastronomic accounts of the Ancient Rome in the poem *Dinner* by V. S. Filimonov (1837) 141
- Voronina Yu. V.** “To be” and “to seem”: The semantic dimension of life in the play *Ivanov* by A. P. Chekhov 148
- Tyryshkina E. V.** “When over the field glow green...” by V. Khlebnikov: The memory of the genre vs. experiment 154
- Khrustalyova A. V.** The history of Saratov Association of Proletarian Writers: From the period of formation to the conflict 159

Journalism

- Agnistikova O. I.** Reflection of the strategic narrative of confrontation in non-governmental online media 166
- Vatletsov S. G.** Media prank: For nobody to trust anyone 172
- Mukhina O. S.** Psychological challenges of freelance journalism of the digital age 179

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Kryuchkova O. Yu, Starostina E. V.** Scientific legacy of Professor V. E. Goldin: About the book of the scientist’s selected works 186

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА»**

Главный редактор

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Павлова Светлана Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аликаев Рашид Султанович, доктор филол. наук, профессор (Нальчик, Россия)
Алташина Вероника Дмитриевна, доктор филол. наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Анцыферова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Байкулова Алла Николаевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Вартанова Елена Леонидовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Горбунов Юрий Иванович, доктор филол. наук, доцент (Тольятти, Россия)
Горошко Елена Игоревна, доктор филол. наук, доктор социол. наук, профессор (Харьков, Украина)
Деметьев Вадим Викторович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Долнин Александр Алексеевич, Ph.D. (Мэдисон, штат Висконсин, США)
Елина Елена Генриховна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кабанова Ирина Валерьевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Клоков Василий Тихонович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Котелевская Вера Владимировна, кандидат филол. наук (Ростов-на-Дону, Россия)
Крысин Леонид Петрович, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Крючкова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Майга Абубакр Абдулвахиду, кандидат филол. наук (Бамако, Мали)
Маслова Валентина Авраамовна, доктор филол. наук, профессор (Витебск, Беларусь)
Мних Роман Владимирович, доктор гуманитар. наук (славянские литературы), доцент (Варшава, Польша)
Норман Борис Юстинович, доктор филол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Панова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Москва, Россия)
Пахсарьян Наталья Тиграновна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Разумова Лина Васильевна, доктор филол. наук, доцент (Москва, Россия)
Ратмайр Ренате Фелисите, Ph.D. (Вена, Австрия)
Се Чуньянь, доктор филол. наук (Харбин, КНР)
Сиротинина Ольга Борисовна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Тарасова Ирина Анатольевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Харламова Татьяна Валериевна, кандидат филол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Хуан Мэй, доктор филол. наук, профессор (Пекин, КНР)
Чекалов Кирилл Александрович, доктор филол. наук (Москва, Россия)
Шамне Николай Леонидович, доктор филол. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Шевченко Вячеслав Дмитриевич, доктор филол. наук, доцент (Самара, Россия)
Щепилова Галина Германовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
“IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
PHILOLOGY. JOURNALISM”**

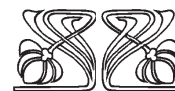
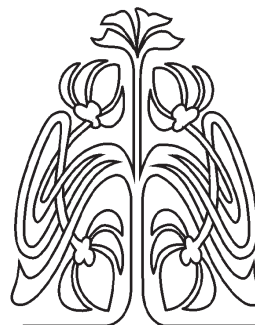
Editor-in-Chief – Valeriy V. Prozorov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Irina Yu. Ivanyushina (Saratov, Russia)

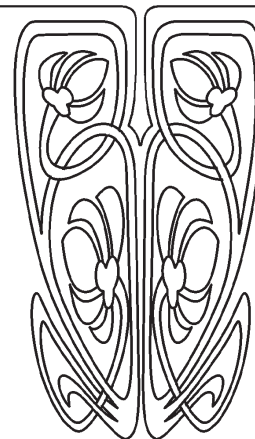
Executive Secretary – Svetlana Yu. Pavlova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Rashid S. Alikaev (Nalchik, Russia)	Valentina A. Maslova (Vitebsk, Belarus)
Veronika D. Altashina (St. Petersburg, Russia)	Roman V. Mnich (Warsaw, Poland)
Olga Yu. Anzyferova (St. Petersburg, Russia)	Boris Yu. Norman (Minsk, Belarus)
Alla N. Baikulova (Saratov, Russia)	Olga Yu. Panova (Moscow, Russia)
Elena L. Vartanova (Moscow, Russia)	Natalia T. Pakhsaryan (Moscow, Russia)
Yuri I. Gorbunov (Togliatti, Russia)	Lina V. Razumova (Moscow, Russia)
Elena I. Goroshko (Kharkiv, Ukraine)	Renate F. Rathmayr (Vienna, Austria)
Vadim V. Dementiev (Saratov, Russia)	Xie Chunyan (Harbin, People's Republic of China)
Alexandr A. Dolinin (Madison, Wisconsin, USA)	Olga B. Sirotnina (Saratov, Russia)
Elena G. Elina (Saratov, Russia)	Irina A. Tarasova (Saratov, Russia)
Irina V. Kabanova (Saratov, Russia)	Tatyana V. Kharlamova (Saratov, Russia)
Vasily T. Klokov (Saratov, Russia)	Huan May (Beijing, People's Republic of China)
Vera V. Kotelevskaya (Rostov-on-Don, Russia)	Kirill A. Chekalov (Moscow, Russia)
Leonid P. Krysin (Moscow, Russia)	Nikolay L. Shamne (Volgograd, Russia)
Olga Yu. Kryuchkova (Saratov, Russia)	Vyacheslav D. Shevchenko (Samara, Russia)
Aboubacar Abdoulwahidou Maiga (Bamako, Mali)	Galina G. Schepilova (Moscow, Russia)

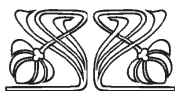
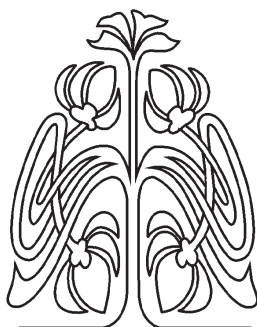

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

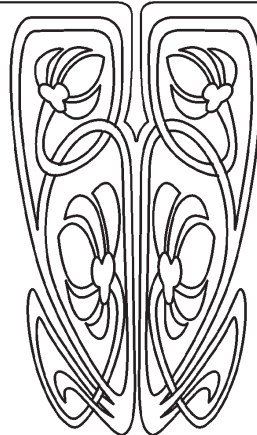

ЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 102–107

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 102–107

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-102-107>

EDN: TNCLMU

Научная статья

УДК 821.161.1.09-1+929[Иванов+Адамович]

Концепт (не)возвращения в поэзии Г. Иванова и Г. Адамовича (к 100-летию эмиграции)

И. А. Тарасова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 4100012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Тарасова Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры начального языкового и литературного образования, tarasovaia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3188-215X>

Аннотация. Статья посвящена реконструкции концепта (не)возвращения в лирике Г. Адамовича и Г. Иванова. Концепт рассматривается двояко: как образ в пространстве культуры и как методологическая формула анализа образов художественного сознания. Основными лексическими средствами репрезентации концепта являются однокоренные глагольные формы, наиболее частотная из которых – глагол «вернуться». Предполагается, что ядром концепта (не)возвращения является топологическая схема движения, включающая субъекта перемещения, маршрут, среду, средство перемещения и оценку результата движения. Показывается, как варьируется базовая схема в текстах двух поэтов. Отличия в перепрофилировании базовой схемы движения состоят в концептуализации способа и среды перемещения в текстах Г. Адамовича, разветвленной образной интерпретации начальной и конечной точек пути в лирике Г. Иванова. В поэзии Г. Иванова валентность локатива при глаголе *вернуться* заполняется тремя лексемами: *в Россию, в Петербург, домой*. Образы России и дома внутренне антиномичны. Россия объединяет три ментальных пространства художественного мира: Россию-империю, советскую Россию и воображаемую родину. Образные репрезентации дома варьируются от представлений о покинутой родине до последнего приюта в вечности. Для петербургских поэтов Г. Иванова и Г. Адамовича мысль о возвращении в Россию неизменно связывалась с образом Петербурга, обуславливала появление элементов петербургского текста. Пространство возвращения – это пространство их общей памяти. Антиномичный характер концепта подтверждается как его лексическими репрезентациями, так и амбивалентностью оценки самой идеи и возможности возвращения на родину.

Ключевые слова: эмиграция первой волны, Г. Иванов, Г. Адамович, концепт

Для цитирования: Тарасова И. А. Концепт (не)возвращения в поэзии Г. Иванова и Г. Адамовича (к 100-летию эмиграции) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 102–107. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-102-107>, EDN: TNCLMU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**The concept of (non)return in the poetry of G. Ivanov and G. Adamovich
(to the 100th anniversary of emigration)**

I. A. Tarasova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Irina A. Tarasova, tarasovaia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3188-215X>

Abstract. The article deals with the reconstruction of the concept of (non)return in the lyrical poetry of G. Adamovich and G. Ivanov. The concept is considered in two ways: as an image in the space of culture and as a methodological formula for the analysis of images of the artistic consciousness. The main lexical means of representing the concept are cognate verb forms, the most frequent of which is the verb "return". It is assumed that the core of the concept of (non)return is the topological scheme of movement, including the subject of movement, the route, the environment, the means of movement, and the assessment of the result of movement. It is shown how the basic scheme varies in the texts of the two poets. The adaptations of the basic scheme of movement differ in the conceptualization of the method and environment of movement in the texts of G. Adamovich, in manifold figurative interpretation of the starting and ending points of the path in the poetry of G. Ivanov. In the poetry of G. Ivanov, the valency of the locative with the verb *to return* is filled with three lexemes: *to Russia, to St. Petersburg, home*. The images of Russia and the home are internally antinomic. Russia unites three mental spaces of the artistic world: Russia-empire, Soviet Russia and an imaginary homeland. Figurative representations of home range from ideas of an abandoned homeland to the last refuge in eternity. For the St. Petersburg poets G. Ivanov and G. Adamovich, the idea of returning to Russia was invariably associated with the image of St. Petersburg, causing the appearance of elements of the St. Petersburg text. The space of return is the space of their shared memory. The antinomic nature of the concept is confirmed both by its lexical representations and by the ambivalence of the assessment of the idea itself and of the possibility of returning home.

Keywords: emigration of the first wave, G. Ivanov, G. Adamovich, concept

For citation: Tarasova I. A. The concept of (non)return in the poetry of G. Ivanov and G. Adamovich (to the 100th anniversary of emigration). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 102–107 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-102-107>, EDN: TNCLMU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Георгий Иванов покинул Россию осенью 1922 г. В самом начале 1923 г. вслед за своими соратниками по «Цеху поэтов» Г. Ивановым, И. Одоевцевой, Н. Оцупом уезжает за границу Георгий Адамович [1, с. 377]. В Россию они не вернулись, однако концепт (не)возвращения стал ключевым в художественном сознании поэтов-эмигрантов первой волны. Цель статьи – проанализировать структуру этого концепта в поэтическом мире Г. Иванова и Г. Адамовича, выявить его инвариантные компоненты и специфические особенности в творчестве каждого из поэтов.

Термин «концепт» имеет два значения [2]. В проекции на авторское сознание – это образ в пространстве культуры. Для исследователя концепт – удобная методологическая формула анализа, которая помогает дискретизировать образ как континуальную модель художественной действительности [3]. В нашем понимании концепт включает образное и/или логическое ядро, эмоционально-оценочный и ассоциативно-символический слой. Используя эту схему, реконструируем концепт (не)возвращения по текстам эмигрантской лирики Г. Иванова и Г. Адамовича.

Номинация концепта – (не)возвращение – указывает на его бинарный характер. По определению М. В. Пименовой, к бинарным концептам

относятся такие, слова-репрезентанты которых являются антонимами [4, с. 128]. Подобная энантиосемия в названии концепта доказывается существованием в лексиконе обоих поэтов параллельных форм репрезентантов с частицей *не* и без нее: *вернемся – не вернемся, не вернуть – возвращать, вернутся – не вернут, не вернется*.

Языковые базовые экспликации концепта включают ряд однокоренных слов: *(не)вернуться, (не)вернуть, возвращать, возвращаться, возврат*, несущих семантику передвижения. В качестве контекстуальных синонимов основных глагольных лексем выступают глаголы передвижения *брести, добрести, добраться, прийти*. Это позволяет принять за ядро концепта топологическую схему движения, включающую следующие составляющие:

- субъект передвижения;
- маршрут (начальная и конечная точка);
- среда и способ передвижения [5, с. 367].

Еще один потенциальный компонент базовой схемы – наблюдатель – практически во всех проанализированных контекстах совпадает с субъектом передвижения и одновременно с субъектом речи, что позволяет рассматривать мотив возвращения как внутреннюю характеристику лирического «я».

Наиболее полно эта ядерная когнитивно-пропозициональная схема [6, с. 67] реализована

в стихотворении Г. Адамовича «Когда мы в Россию вернемся...» [7, с. 77]. Носитель идеи возвращения, глагол «вернемся», повторяется в нем дважды: в начале и в конце текста. Кроме того, дважды (в начале второй и третьей строфы) этот опорный компонент рефрена скрывается за многоточием, вызывающим ключевое слово в читательской памяти: «Когда мы в Россию... Когда мы...» [7, с. 78].

Субъект перемещения – обобщенное «мы», указывающее на круг близких лирическому герою лиц, для своей расшифровки требует знания автобиографического контекста, так же как и остающаяся неназванной начальная точка движения: *мы* – русские эмигранты, более десяти лет живущие за границей (стихотворение создано в 1936 г.).

Коммуникативный акцент, поддержанный инверсией, сделан на конечной точке пути – «Когда мы в Россию вернемся». Макрообраз России задает основные парадигмы образов, через которые интерпретируется мотив возвращения:

– образ холода и снега («в стоградусные холода», «в морозной предутренней мгле», «в морозном и спящем Кремле», «но снегом её замело»);

– образы религиозной семантики («как будто “Коль славен” играют», «колышутся тонкие свечи»);

– амбивалентные государственные символы России («Коль славен» – «трехцветным позором колышется нищенский флаг»).

Те же группы образов входят в ассоциативный слой концепта в поэзии Г. Иванова.

В фокус внимания субъекта речи попадает способ перемещения. Как контекстуальный синоним ключевого слова используется глагол *добрести* – «с трудом дойти, дотащиться» [8]; «медленно, с трудом дойти до какого-л. места» [9, т. 1, с. 408]. Фигура симплоки подчеркивает средство передвижения – *пешком*: «Пешком, по разбитым дорогам, в стоградусные холода, / Без всяких коней и триумфов, без всяких там кликов, пешком» [7, с. 77]. Особенностью наполнения базовой схемы движения Г. Адамовичем, в отличие от Г. Иванова, является концептуализация затрудненной среды перемещения: *по разбитым дорогам*.

Базовая когнитивно-пропозициональная схема перемещения дополняется в поэтическом тексте обязательным указанием на оценку пути, которая непосредственно содержится в микроконтексте («Когда мы в Россию... Колышется счастье в бреде» [7, с. 78]), и в то же время возникает из соположения образов: путь в Россию оказывается дорогой смерти: «Пора собираться. Светает. Пора бы и двигаться в путь. Две медных

монеты на веки. Скрещенные руки на грудь» [7, с. 78]. Амбивалентность оценки возвращения присуща и Г. Иванову.

В других стихотворениях Г. Адамовича топологическая схема возвращения реализуется в усеченном виде, в фокусе оказывается один из ее компонентов. Особенно интересным в этом плане представляется посвященный З. Гиппиус фрагмент «Там, где-нибудь, когда-нибудь...» (1927), в котором элиминируется конечная точка движения, что чрезвычайно важно в концептуальном отношении. Опорным носителем мотива оказывается глагол *брести*, выступающий на этот раз в форме несовершенного вида, называющий процесс безотносительно к его результату. Неопределенность семантики усиливается грамматическими средствами: указательным местоимением *там*, употребленным в нереферентной функции, отрицательными конструкциями с частицей *не* и вопросительно-указательными местоимениями («Не знаю что, не понимаю как» [7, с. 91]), неопределенными наречиями времени, повторяющимися в начальной и финальной строках (*где-нибудь, когда-нибудь*), модальным словом с семантикой предположительности (*наверно*) в сильной позиции конца текста. Последнее, в силу своей энантиосемии, служит средством амбивалентной оценки возможности возвращения (наверное 1. `несомненно, верно, точно`; 2. `вероятно, по-видимому` [9, т. 2, с. 330]).

Маркерами мотива возвращения являются «русские» детали, образы дребезжащей телеги и косого дождя, акцентирующие внимание на среде перемещения:

У склона гор, на берегу реки,
Или за дребезжащею телегой,
Бредя привычно под косым дождем,
Под низким, белым, бесконечным небом
[7, с. 91]

(ср. также в другом тексте: «под дождем, под леденящим ветром, к дому, к дому» [7, с. 76]).

В поэзии Г. Иванова валентность локатива при глаголе *вернуться* заполняется тремя лексемами: *в Россию, в Петербург, домой*.

Образ России отличает внутренняя антиномичность: он объединяет три ментальных пространства художественного мира: Россию-империю, советскую Россию и воображаемую (идеализированную) родину [10, с. 144].

В оценке России-империи оба поэта сходятся: «Над нами трехцветным позором колышется нищенский флаг» [7, с. 78] – «Не изнемог в бою Орел Двуглавый, / А жутко, унижительно издох» [11, с. 397].

Мысль о гибели прежней России воплощается у Г. Иванова в стихотворениях, построенных

по модели отрицания: «А может быть, России вовсе нет» [11, с. 299]; «Нет в России даже дорогих могил <...> Нету Петербурга, Киева, Москвы...» [11, с. 382]; «И нет ни России, ни мира...» [11, с. 422] – вплоть до знаменитого: «Хорошо, что нет Царя, / Хорошо, что нет России...» [11, с. 276].

Двойная точка зрения на ситуацию невозвращения выражается Г. Ивановым через конверсивное употребление глагольных форм (не)вернуть, возвращать, характеризующих не лирического субъекта, а объект действия: «И не воскреснут из гробов, И не вернут былой свободы...» [11, с. 304]; «Ничего не вернуть. / И зачем возвращать?» [11, с. 338].

В отличие от Г. Адамовича, Г. Ивановым отрафлексирован «советский» сегмент концепта, служащий своеобразным оправданием невозвращения. Модальность изображения варьируется от трагической («Холодно. В сумерках этой страны / Гибнут друзья, торжествуют враги» [11, с. 332]; «А может быть, Россия только страх. / Веревка, пуля, ледяная тьма / И музыка, сводящая с ума» [11, с. 299]) до иронической и сатирической («Двухсотмиллионная Россия, – / “Рай пролетарского труда” <...> / И на кремлевском троне “царь” / В коммунистическом мундире» [11, с. 530]). Трагическая тональность определяет образные параллели Россия – снежная тюрьма, Россия – пустое пространство:

Россия счастье. Россия свет...
А может быть, России вовсе нет
<...>
И нет ни Петербурга, ни Кремля –
Одни снега, снега, поля, поля...
<...>
Снега, снега, снега... А ночь темна,
И никогда не кончится она [11, с. 299].

В результате возвращение в поэзии Г. Иванова носит не физический, а трансфизический, ментальный характер: «Но я не забыл, что обещано мне / Воскреснуть. Вернуться в Россию – стихами» [11, с. 573]. Ментальный характер возвращения предопределяет «прозрачность» среды передвижения, отсутствие препятствий в ее преодолении.

Для петербургских поэтов Г. Иванова и Г. Адамовича мысль о возвращении в Россию неизменно связывалась с образом Петербурга, обуславливала появление элементов петербургского текста [12, с. 259] как специфической символической реальности, «входом» в которую служат элементы вещно-предметного кода (закат, Нева, лед, холод, иней, вьюга и т. д.). Из этих поэтических реалий можно собрать диалог образов, ассоциативно связанных с мотивом возвращения в Петербург: «Что там было? Ширь

закатов блеклых, / Золоченых шпилей легкий взлет...» (Г. Адамович) [7, с. 78] – «Над широкой Невой догорал закат, / Цепенели дворцы, чернели мосты» (Г. Иванов) [11, с. 265]; «Ледяные розаны на стеклах, / Лед на улицах и в душах лед» (Г. Адамович) [7, с. 78] – «Все, кто блистал в тринадцатом году – / Лишь призраки на петербургском льду (Г. Иванов) [11, с. 287]; «И вижу реку всю в снегу, / Весь город наш, навек единый» (Г. Адамович) [7, с. 79] – «Зимний день. Петербург. С Гумилевым вдвоем, / Вдоль замерзшей Невы, как по берегу Леты, / Мы спокойно, классически просто идем...» (Г. Иванов) [11, с. 439].

Пространство возвращения – это в известном смысле пространство общей памяти петербургских поэтов, поэтому мотив возвращения в Петербург связан с мотивом воспоминания: «Десять лет прошло, и мы не в силах / Этого ни вспомнить, ни забыть. / Тысяча пройдет, не повторится, / Не вернется это никогда» (Г. Адамович) [7, с. 79]; «Над широкой Невой догорал закат, / Цепенели дворцы, чернели мосты – Это было тысячу лет назад, / Так давно, что забыла ты» [11, с. 265]; «Блаженней с каждым днем и с каждым часом глуше / Наш чудный Петербург припоминаем мы» (Г. Иванов) [11, с. 500].

Образы виртуального пространства обладают ментальной реальностью, ничуть не менее плотной, чем реальность окружающего героя мира. Поэтические приемы совмещения двух миров характерны и для Г. Иванова («Четверть века прошло за границей...»), и для Г. Адамовича («Ты здесь, опять... Неверная, что надо...»): «С каким-то невским ветерком от Сены / Летят как встарь послушные слова, / День настает почти нездешне яркий, / Расходится предутренняя мгла, / Взвизывает над Елисейской аркой / Адмиралтейства вечная игла...» [7, с. 68]. Образами-интегратами выступают здесь «невский ветерок от Сены», совмещающий функции своего и чужого пространства, архитектурные образы Елисейской арки и Адмиралтейской иглы, задающие вертикальные отметки пейзажа.

Материализация желания вернуться осуществляется для Г. Иванова именно в петербургском локусе:

Я вернусь – отраженьем – в потерянном мире.
И опять, в романтическом Летнем Саду,
В голубой белизне петербургского мая,
По пустынным аллеям неслышно пройду,
Драгоценные плечи твои обнимая [11, с. 439].

И для Г. Иванова, и для Г. Адамовича Петербург – ментальная реальность, наделенная самым высоким ценностным статусом как самый желанный локус возвращения.

Третья лексема, появляющаяся у Г. Иванова в позиции локатива при глаголах передвижения, – *домой*: «Я хотел бы улыбнуться, / Отдохнуть, домой вернуться...» [11, с. 388]. Синтагмы *глагол передвижения+домой* помещаются в различные модальные рамки, указывающие на амбивалентность оценки совершаемого действия и балансирование героя между физическим невозвращением и ментальным возвращением: «Никогда не вернемся домой» [11, с. 336], «Если некуда больше податься / И никак не добраться домой...» [11, с. 581], «Замученное сердце радо / Тому, что я домой бреду» [11, с. 403], «Как будто мы пришли зимой / С вечерни в церковке соседней / По снегу русскому, домой» [11, с. 578].

Дом у Г. Иванова – многоплановый символ, сочетающий представление о жилище, родине и последнем прибежище человека в вечности («тихий дом из синего льда» [11, с. 524]). Сочетание мотивов возвращения в дом и смерти – общая черта мотивики Г. Адамовича («Летит паровоз, клубится дым...», «Был дом, как пещера. / О, дай же мне вспомнить...») и Г. Иванова:

Ближе к снегу, к белой пене,
Ближе к звездам, ближе к дому...
... И растут ночные тени,
И скользят ночные тени
По лицу уже чужому [11, с. 270].

Г. Ивановым регулярно концептуализируется начальная точка движения, при этом она, как правило, подвергается отрицательной оценке. Стихотворения, содержащие оценку, строятся по моделям противопоставления там / здесь, свой / чужой: Там (в северной царской столице): Я – весь – настоящий. Здесь: «Эмигрантская был мне всего только снится – / И Берлин, и Париж, и *постылая* Ницца» [11, с. 586]. Там: «буду я прославлен и богат, / Своей страны любимейший поэт...» [11, с. 558]. Здесь: «И в fosse commune мой нищий ящик-гроб / Не сбросят в этом богомерзком Йере» [11, с. 558]. Там (в России): жизнь, (мертвые) друзья. Здесь: «...очутился / В этой глухой европейской дыре» [11, с. 401], покой. В полном соответствии со стилистикой «парижской ноты» оценки Г. Адамовича более сдержанны и приглушены: «На земле была одна *столица*, / Все другое – просто города» [7, с. 79].

Ивановская вариация топологической схемы возвращения появляется в одном из последних стихотворений «Посмертного дневника» – «За столько лет такого маянья...» (1958).

Место начальной точки когнитивно-пропозициональной схемы пути занимает у Г. Иванова отвлеченное «маянье». Это отглагольное существительное зафиксировано в словаре В. Даля [8], где оно отсылает к однокоренным глагольным

формам. Семантика глагола «маяться» совмещает в себе значения физических и моральных страданий: «1. Жить в крайне тяжелых условиях, переносить лишения. 2. Испытывать физические или нравственные страдания; томиться, изнывать» [9, т. 2, с. 240]. Употребленное с локализатором «по городам чужой земли» [11, с. 578] «маянье» вызывает представления о ненаправленном, хаотическом, бессмысленном перемещении и в этом своем качестве оказывается противопоставленным трижды повторенному глаголу «прийти», обозначающему движение направленное, целеустремленное, завершающееся в конечной точке.

Первый раз этот глагол употреблен во фразеологически связанном значении «проникнуться чувством» [9, т. 3, с. 412]: «прийти в отчаянье». Во второй раз, будучи помещенным в сильную позицию конца строки, как будто восстанавливает свое предметное значение глагола перемещения: «идя, следуя куда-л., достичь какого-л. места» [9, т. 3, с. 412]. Правда, это место – материализованное отчаянье – обладает не менее сильной отрицательной оценкой, чем «маянье».

Наконец, в третий раз глагол употребляется в составе развернутой метафоры:

– В отчаянье, в приют последний,
Как будто мы пришли зимой
С вечерни в церковке соседней,
По снегу русскому, домой [11, с. 578].

Эстетический эффект воздействия на читателя достигается концептуализацией отчаяния как последнего приюта и последующим преодолением трагизма ситуации, ее перенесением в возможный мир, где герои совершают такое же направленное движение, но уже к желаемой точке перемещения – к дому. Занимая аналогичное положение в типологической схеме пути как ее финальная точка, именно *дом* оказывается единственным противовесом и контекстуальным антонимом отчаяния. Принадлежность этого дома ментальному пространству покинутой родины подчеркивается средой перемещения – «по снегу русскому».

Снег в поэзии Г. Иванова является антиномичным образом. Он может выступать символом давящей силы, вызывая представление о «снежной тюрьме» («Стоят рождественские елочки, / Скрывая снежную тюрьму» [11, с. 387]), знаком пустой бесконечности («Снега, снега, снега... А ночь долга, / И не растают никогда снега» [11, с. 299]). Но в приведенном стихотворении лексема «снег» сохраняет традиционные для эмигрантского текста русской литературы положительные коннотации (ср. также: «Проснуться, чтоб увидеть ужас, / Чудовищность моей

судьбы. ... / О русском снеге, русской стуже... / Ах, если б, если б... да кабы...» [11, с. 555]).

Лексема «снег» в поэзии Г. Адамовича, сопровождаемая эпитетами «призрачный» и «небесный», отсылает к мотиву памяти о России, является ее знаком-индексом. Этот образный компонент концепта (не)возвращения можно считать поэтическим инвариантом.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

В творчестве Г. Иванова концепт возвращения «проработан» более подробно: его лексические репрезентации отличают семантическая плотность и образная вариативность. Поэтическая палитра Г. Адамовича аскетичнее, зато ему принадлежит программный («сильный») текст, выражающий идею (не)возвращения: «Когда мы в Россию вернемся...».

По типологии концептов (не)возвращение относится к концептам-гештальтам: в нем тесно спаяны образные и логические компоненты. Логическое ядро концепта задано топологической схемой пути, каждая точка которой «обрастает» образно-символическими ассоциациями.

Приядерную зону концептуального поля составляют ассоциативно связанные с идеей возвращения языковые образы России, снега, Петербурга, общие для обоих поэтов. Отличия в переупорядочивании базовой схемы движения состоят в концептуализации способа и среды перемещения в текстах Г. Адамовича, разветвленной образной интерпретации конечной и начальной точек пути в лирике Г. Иванова.

Логически возвращение осмыслено поэтами как его невозможность: «Твоя душа должна / Почувствовать – к былому нет возврата» (Г. Адамович) [7, с. 68]; «Мы только гости на пиру чужом, / Мы говорим: былому нет возврата» (Г. Иванов) [11, с. 503], в то время как образный и эмоционально-оценочный слои концепта неоднозначны.

Антиномичный характер концепта подтверждается как его лексическими репрезентациями, так и амбивалентностью оценки самой идеи и возможности возвращения на родину.

Список литературы

1. Коростелев О. А. Краткая хроника жизни и творчества Г. В. Адамовича // Адамович Г. Полн. собр. стихотворений / сост., подг. текста, вступ. ст., примеч. О. Коростелева. СПб. : Академический Проект ; Эльм, 2005. С. 375–382.
2. Тарасова И. А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы. Саратов : Научная книга, 2016. 222 с.
3. Тарасова И. А. Образ или концепт? К вопросу о категориях авторского сознания // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты : материалы Междунар. школы-семинара (V Березинские чтения). М. : Академия социального управления, 2009. С. 262–267.
4. Пименова М. В. Парные, бинарные и эквивалентные концепты // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2012. Вып. 14. С. 125–133.
5. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен. М. : Русские словари, 2000. 416 с.
6. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ текста. Теория и практика. М. : Флинта ; Наука, 2003. 496 с.
7. Адамович Г. Полн. собр. стихотворений / сост., подг. текста, вступ. ст., примеч. О. Коростелева. СПб. : Академический Проект ; Эльм, 2005. 398 с.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 1–4. СПб. ; М. : Т-во М. О. Вольф, 1903–1911. URL: <http://slovari.ru/> (дата обращения: 09.08.2022).
9. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999.
10. Тарасова И. А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте. 2-е изд., перераб. М. : Флинта, 2012. 196 с.
11. Иванов Г. В. Собр. соч. : в 3 т. Т. 1. Стихотворения. М. : Согласие, 1994. 656 с.
12. Топоров В. Н. Петербург и петербургский текст русской литературы // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М. : Прогресс ; Культура, 1995. С. 259–367.

Поступила в редакцию 22.08.2022; одобрена после рецензирования 24.10.2022; принята к публикации 30.01.2023
The article was submitted 22.08.2022; approved after reviewing 24.10.2022; accepted for publication 30.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 108–114

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 108–114

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-108-114>, EDN: SGBRNB

Научная статья

УДК 821.161.1.09-1+929

Реализация традиционных образов сравнения компаративных тропов с диминутивными дендронимами в русской поэзии XIX–XXI веков

М. Г. Соколова

Тольяттинский государственный университет, Россия, 445020, г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14

Соколова Марина Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и лингвокриминалистики, msok71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0566-9905>

Аннотация. В статье рассматриваются традиционные образы сравнения, характеризующие диминутивные дендронимы в языке русской поэзии XIX–XXI вв., в аспекте соотношения «культурно-стереотипное (традиционное) – индивидуально-авторское». Проведенный анализ 725 фрагментов из русских поэтических произведений XIX–XXI вв. позволил выявить способы словообразования и состав диминутивных дендронимов, а также состав народно-поэтических, общепоэтических и индивидуально-авторских образов сравнения компаративных тропов, репрезентирующих данные диминутивы в качестве предметов сравнения: *девушка, любовное влечение, плакать (слёзы), печалиться, тосковать, плодородие, разлука, горькая, несчастная судьба, сиротство, золото, серебро, изумруд, дым, одежда, огонь, узор, сетчатое изделие, инфанты Веласкеса, горностайная шубка, ситец, верность*. Определены референционно-денотативные особенности соответствующих реалий, мотивирующие выбор образных ассоциаций: тонкий ствол, гибкие ветви, зубчатые, сердцевидные листья, цветущие деревья, плодовые деревья. Установлены способы индивидуализации стереотипных образов сравнения в русском поэтическом языке: включение в состав развернутой антропоморфной метафоры; обновление посредством окказиональных эпитетов; лексическое варьирование компонентов тропа. Выявлены устойчивые смысловые коннотации диминутивных дендронимов: «застенчивая», «робкая», «кроткая», «стройная», «высокая», «нежная», «кудри», «косы», «тонкий стан», «красота», «грудь», «пленять», «целомудрие», а также способы их репрезентации в поэтических контекстах: развернутые метафоры «осеннее увядание дерева – увядание женской красоты»; воспоминания лирического героя о близких людях; параллелизм образов *дерево – состояние человека*; устойчивые эпитеты (*плакучая, горькая*); особенности ситуации художественного текста. Результаты исследования позволяют углубить представления о динамике развития компаративных тропов с диминутивными дендронимами в русском поэтическом языке.

Ключевые слова: русская поэзия, С. А. Есенин, диминутив, дендроним, поэтический образ, тропы

Для цитирования: Соколова М. Г. Реализация традиционных образов сравнения компаративных тропов с диминутивными дендронимами в русской поэзии XIX–XXI веков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 108–114. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-108-114>, EDN: SGBRNB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Realization of traditional images of comparative tropes with diminutive dendronyms in the Russian poetry of the 19–21st centuries

M. G. Sokolova

Togliatti State University, 14 Belorusskaya St., Togliatti 445020, Russia

Marina G. Sokolova, msok71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0566-9905>

Abstract. The article examines the traditional images of comparison, characterizing diminutive dendronyms in the language of the Russian poetry of the 19–21st centuries, from the perspective of the relationship of 'cultural-stereotypical (traditional) – author's individual'. The analysis of 725 fragments from the Russian poetic works of the 19–21st centuries reveals the ways of word formation and the composition of diminutive dendronyms, as well as the composition of folk poetic, general poetic and individual author's images of comparative tropes representing these diminutives as subjects of comparison: girl; love attraction, longing; to cry (tears), to grieve, to yearn; fertility; separation; bitter, unhappy fate, orphanhood; gold, silver; emerald; smoke; clothing; fire; pattern, mesh product; infantas by Velasquez, ermine coat; calico; fidelity. The reference-denotative features of the corresponding realia, motivating the choice of figurative associations are determined: a thin trunk, flexible branches, serrated, heart-shaped leaves, flowering trees, fruit trees. The techniques that help make stereotypical images of comparison in the Russian poetic language individualized are established: the inclusion in the composition of an extended anthropomorphic metaphor; updating by means of occasional epithets, lexical variation of the components of the trope. The stable semantic connotations of diminutive dendronyms are singled out: 'shy', 'timid', 'meek', 'slender', 'tall', 'gentle', 'curls', 'braids', 'thin figure', 'beauty', 'breasts', 'captivate', 'innocence', as well as the ways of

their representation in poetic contexts: extended metaphors 'autumnal withering of a tree – withering of female beauty'; memories of the lyrical hero about close people; parallelism of the images of a tree and a human condition; conventional epithets (weeping, bitter); features of the situation of a literary text. The results of the study allow us to improve the understanding of how comparative tropes with diminutive dendronyms develop dynamically in the Russian poetic language.

Keywords: the Russian poetry, S. A. Yesenin, diminutive, dendronym, poetic image, tropes

For citation: Sokolova M. G. Realization of traditional images of comparative tropes with diminutive dendronyms in the Russian poetry of the 19–21st centuries. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 108–114 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-108-114>, EDN: SGBRNB

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Диминутивы как одну из ярких особенностей художественной речи разносторонне исследовали многие лингвисты. В многочисленных работах раскрываются особенности словообразования и структуры данных языковых единиц [1–3]; эмоционально-экспрессивная коннотация диминутивов [4–6]; рассматривается функционирование диминутивов в различных художественных идиостилиях и фольклорных текстах [7–13] и др. Между тем проблема изучения диминутивов, относящихся к определенным тематическим группам лексики, еще не получила детального освещения в отечественной русистике, что определяет актуальность предлагаемого исследования.

Сферой активного использования диминутивов, производных от наименований деревьев, является русская пейзажная лирика [14]. Настоящая работа выполнена в рамках разноаспектного описания дендронимов как компонентов компаративных тропов в русской поэзии XVIII–XX вв. [15–16]. Предмет данного исследования – образы сравнения, характеризующие диминутивные дендронимы в языке русской поэзии XIX–XXI вв., в аспекте соотношения «культурно-стереотипное (традиционное) – индивидуально-авторское», что позволит проследить семантическое своеобразие и способы авторской индивидуализации традиционных компаративных тропов. Под культурно-стереотипными образами сравнения понимаются ассоциации, закрепленные в русской фольклорной традиции, и устойчивые образные соответствия, получившие распространение в русской поэзии. Индивидуально-авторские образы сравнения представляют собой авторские трансформации уже существующих образных ассоциаций или создание новых словесных образов [15].

Целью статьи является определение особенностей реализации традиционных образов сравнения компаративных тропов с компонентами диминутивами-дендронимами в русской поэзии XIX–XXI вв.

Для исследования привлечены 725 фрагментов из русских поэтических произведений XIX–XXI вв., репрезентирующих диминутивные

дендронимы, извлеченные из Национального корпуса русского языка (поэтического подкорпуса) [17] (далее примеры будут приводиться по данному источнику).

При словообразовании дендронимов-диминутивов в поэтических произведениях используются следующие словообразовательные форманты: при образовании субстантивов 1 степени диминутивности – суффиксы *-к-* (*берёзка, вишенка, ёлочка, ивка, липка, осинка, ракушка, рябинка, сосенка, черёмушка, яблонька*), *-ок-/-ёк-* (*дубок, кленок, тополёк*), *-оньк-/-еньк-* (*берёзонька, грушенька*), *-очк-* (*вербочка*), *-ушк-* (*ивушка, калинушка, осинушка, рябинушка*), *-ц-* (*деревце*); 2 степени диминутивности – суффиксы *-к-* (*липка* → *липочка*), *-ек-* (*дубок* → *дубочек, кленок* → *кленочек*); при образовании окказиональных субстантивов – суффиксы *-ёнок-* (*тополёнок*), *-ек-* (*кленёнок* → *кленёночек*).

Анализируемый материал показал, что образы сравнения, характеризующие диминутивные дендронимы в поэтических контекстах, входят в состав парадигм образов сравнения, выделенных нами при комплексной характеристике образных полей дендронимов *тополь* и *клён* [15]. В связи с ограничениями в объеме статьи приведем лишь малую часть примеров: поведение человека (*Нет, нельзя рябинке / К дубу перебраться* (И. З. Суриков. *Рябина*, 1864); *Осинка лепечет* (Андрей Белый. «По полям, по кустам...», 1906); *Улыбки и извивы / у липки и у ивы* (А. Н. Николев (Егунов). «Брюхата парусами рея...», 1933–1936); *И плещутся юные липки* (Д. Л. Андреев. *Арашамф*, 1955); *Смотрит пристально берёзка* (Н. М. Рубцов. *Северная берёза*, 1957); *Деревце охорашивается* (М. Н. Айзенберг. «Деревце...», 2015)); части тела человека (*Были бы у ёлочку / Ножки, / Побежала бы она / По дорожке* (К. И. Чуковский. «Были бы у ёлочки ножки...», 1961)); предметы быта (*Словно веник с сучками сухими / Встретишь липку* (А. И. Пальм. *Обоз*, 1847)); предметы гардероба (*В нашу русскую ёлочку / небогатый костюм* (Г. В. Иванов. «Строка за строкой. Тоска. Облака...», 1958)) и многие другие. Сказанное позволяет предположить, что образные поля различных дендронимов и

их диминутивных производных будут иметь аналогичную структуру. При этом по характеру и семантике образов сравнения, отражающих частные реализации обобщенных моделей (парадигм) формирования образных номинаций дендронимов, дендронимная диминутивная лексика имеет как общие черты, так и существенные отличия.

Охарактеризуем народно-поэтические образы сравнения в составе выделенных образных парадигм с диминутивом-дендронимом в качестве предмета сравнения. В перечислительном ряду указаны диминутивы, объединяемые общей образной ассоциацией.

1. **Берёзка, ёлочка, ивушка, калинушка, липка, рябинушка, яблонька – девушка (женщина).** По мнению А. А. Потебни, женская ассоциативность в народной поэзии закрепляется за многими деревьями, имеющими тонкий ствол, гибкие ветви [18]. Однако прежде всего данная ассоциация связана с образом берёзы, что обусловлено не только соответствующими объективными свойствами денотата, но и существовавшей обрядовой практикой с участием берёзы [19]. В русских поэтических контекстах диминутивные дендронимы в рамках параллелизма образов дерева и человека, а также компаративных тропов приобретают следующие устойчивые смысловые коннотации: «застенчивая», «робкая», «кроткая», «стройная», «высокая», «нежная», «кудри», «косы», «тонкий стан», «красота», «грудь», «пленять» и др.: *Ты рябинушка, ты кудрявая, / В зеленом саду пред избой цветы, / Ты кудрявая, моложавая, / Белоснежный пух – кудри-цвет твои* (П. А. Вяземский. Рябина, 1854); *Ох, моя калинушка, / Гордая, зеленая, / Как ты пышно выросла, / Солнцем не спаленная. / Нежно ты румянишься / Под ночною зорькою / Но зачем ты славишься / Над осиною горькою? / Не гордись, не важничай, / Барыня-калинушка* (Л. Н. Трфолев. Руснацкая песня, 1868); *Ивушка зелененька – / Девушка молоденька. / Стали иву ломати – / Девку замуж отдавати* (Н. А. Клюев. Ивушка зелененька, 1914); *Зеленая прическа, / Девическая грудь. / О тонкая берёзка, / Что загляделась в пруд?* (С. А. Есенин. «Зеленая прическа...», 1918); **Берёзки!** / *Девушки-берёзки! / Их не любить лишь может тот, / Кто даже в ласковом подростковом / Предугадать не может плод* (С. А. Есенин. Письмо к сестре, 1925); *И я ведь тоже / Когда-то яблонькой цвела. / «Онегин, я тогда моложе / И лучше, кажется, была...» / У яблоньки засохли ветки, / И больше яблокам не зреть...* (В. И. Лебедев-Кумач. Старая мать, 1941); *Хоть и берёзка, а все-таки женщина, / И даже кудри красит она* (И. В. Елагин. «Восклицанья вороны...», 1953–1963) и др.

В XX в. наблюдаются поэтические контексты, в которых берёзка и ёлочка наделяются признаком «целомудрие»: *моленьщица, монашка, беличка, белошвейка, черница: А под берёзами, как юные черницы, / Смирненно ёлочки зеленые стоят* (И. А. Бунин. Лесная дорога, 1902); **Берёзки** – *бледные белички* (Н. А. Клюев. «Набух, оттаял лед на речке...», 1912); *чахли монашки ёлочки* (И. Л. Сельвинский. Москва и касательные к ней, 1917–1925); *поодаль робкие моленьщицы – берёзки* (С. В. Петров. Иоанн Богослов на витке, 1957). Основанием сравнения с моленьщицей и беличкой является цветовая характеристика берёзки – «белая» (белый цвет в христианской традиции символизирует святость, чистоту и духовность [20]).

В поэтических текстах XXI в. диминутив ёлочка определяется посредством индивидуально-авторского образа сравнения *дети (инфанти Веласкеса)* и наделяется семантическими признаками «полудикость», «мрачность», «колкость», «косые взгляды», «брови», «чёлки» и др.: *Ты мне ёлочки пышные хвалишь / Мимоходом, почти как детей. / Никогда на тропе не оставишь / Без вниманья их тёмных затей: / На ветру они машут ветвями / И, зелёные, в платьях до пят / Выступают гуськом перед нами, / Как инфанти Веласкеса, в ряд* (А. С. Кушнер. «Ты мне ёлочки пышные хвалишь...», 2000–2005).

2. **Берёзка – любовное влечение, томление.** В данном устойчивом фольклорном образном соответствии «дерево распускается, зеленеет – девушка распускается для любви» позицию предмета сравнения могут занимать также цветущие плодовые деревья, хвойные: *Помнишь, нежная берёзка, белый ствол ты выпрямляла, / Целовал я белизну. / Вот теперь надменно-стройной, гордой девушкой стала, / Я опять к тебе прильну. / Тонкий стан твой неустанен, и, любовью расцветая, / Ты зовешь в родной свой лес* (С. М. Городецкий. «Как узнал, что ты – она же, белоствольная, не знаю...», 1907); *Цветет весною деревце, а в сердце – милый друг...* (Е. И. Дмитриева. «Уж много кто разглядывал...», 1921); *Круглы сутки всё одна я. / Расстегну тугой свой лиф... / Яблонь, яблонька родная! / Мой малиновый налив!* (М. А. Кузмин. «У печурки самовары...». 1921); *И, утратив скромность, одуревши в доску, / Как жену чужую, обнимал берёзку* (С. А. Есенин. «Клён ты мой опавший, клён заледенелый...», 1925); *О, к кому теперь узнать придут / о берёзке в кумачевой блузке, / белым телом снящейся пруду?* (С. М. Рафальский. Сергею Есенину, 1926); *Рос на опушке рощи клён, / В берёзку был тот клён влюблен. / Берёзка к другу на плечо / Не раз склонялась горячо* (Я. З. Шведов. Рос на

опушке рощи клён, 1948); *И толкует о тайном сообществе дуб / С молодой белошвейкой-берёзкой* (С. И. Липкин. Воскресное утро в лесу, 1970); *Девочки-ёлочки грубо мечтают о сексе, / сон они видят все вместе: / к ним поспешает лошадка, везущая дровеньки, / в дровеньках дядька с топориком* (Н. Байтов. «Эрос еловый разводит сырость во мраке...», 2009).

К индивидуально-авторским образам сравнения, репрезентирующим рассматриваемую ассоциацию, следует отнести **берёзка – верность**: *Её к земле сгибает ливень / Почти нагую, а она / Рванётся, глянет молчаливо, – / И дождь уймётся у окна. / И в непроглядный зимний вечер, / В победу веря наперёд, / Её буран берёт за плечи, / За руки белые берёт. / Но, тонкую, её ломая, / Из силы выбьются... Она, / Видать, характером прямая, / Кому-то третьему верна* (С. П. Щипачев. Берёзка, 1937).

3. **Берёзка (берёзонька), калинушка, рябиனுшка (рябинка) – разлука**: *Нет, нельзя рябинке / К дубу перебраться! / Знать, мне, сиротинке, / Век одной качаться* (И. З. Суриков. Рябина, 1864); *За окном гармоника и сиянье месяца. / Только знаю – милая никогда не встретится. / Эх, любовь-калинушка, кровь – заря вишневая* (С. А. Есенин. Песня, 1925); *Под тобою ли, берёзонькой / Стоит себе скамья. / Ах, на той ли на скамейке / Меня милый целовал, / Называл меня «берёзкой», / Ненаглядной называл. / Как то лето пролетело? / Как очнулась я от сна? / Как на этой на скамейке / Я осталась одна?* (И. Л. Сельвинский. Берёза, 1934).

4. **Берёзка, ивушка, калинушка, осинушка (осинка), рябиனுшка – плакать (слёзы), печалиться, тосковать**. Семантические признаки «печалиться», «тосковать» получают реализацию в контексте развернутой метафоры «осеннее увядание дерева – увядание женской красоты»: *Ах, царевны! Что же с вами случилось? / Сыплется короной золотой. / Вы пленяли красотой неброской, / Что милей заморской красоты, / А теперь печалитесь, берёзки* (И. Л. Сельвинский. Осень, 1962); в контекстах воспоминаний лирического героя о близких людях: *И только я дружу с берёзкой одинокой, / тоскую с ней весеннюю порой: / она мне кажется сестрой / возлюбленной далёкой* (В. В. Набоков. Берёза в воронцовском парке, 1918); в рамках параллелизма образов *дерево – состояние человека*: *И берёзка эта знает, / Знает боль, тоску. / Тихо ты поцеловала / Ей серебристую кору. / И берёзка задрожала, / Словно ранена была* (Л. Д. Семенов. «И берёзка эта знает...», 1907); *Ослобони меня! / Хану – рабынюшка! В роще обидонька / Плачет рябиனுшкой* (М. И. Цветаева. «Не растеклась

еще...», 1922); актуализируют устойчивый эпитет в сочетании «плачущая ива»: *Ночью в саду у меня / Плачет плачущая ива, / И безутешна она, / Ивушка, грустная ива* (А. А. Блок. «Ночью в саду у меня...», 1915).

5. **Берёзка, ёлочка, калинушка, осинка (осинушка), сосенка – горькая, несчастная судьба, сиротство**. Обозначенная семантика актуализируется на основе переносного значения постоянного эпитета «горькая»: *Эх ты, доля моя, / Доля-сиротинка! / Что польнь ты трава, / Горькая осинка* (И. З. Суриков. «Сиротой я росла...», 1867); *Листья на осинушке / Трепетно колышутся. / В этом робком трепете / Голоса мне слышатся: / «Да, мы листья горькие, / Но зато здоровые; / Вынесем безропотно / Наши дни суровые»* (Л. Н. Трефолев. Руснацкая песня, 1868); в ситуациях художественного текста, изображающих нежелательный брак, жизненные испытания, обособленное место произрастания: *Я ли в поле не калинушка была, / Я ли в поле да не красная росла; / Взяли калинушку поломали / И в жгутики меня посвязали. / Ох ты, горе мое, горюшко! / Знать, такая моя долюшка!* (И. З. Суриков. Малороссийская песня, 1870); *Две берёзки, сиротки-сестры, / Обнимаясь, делят печаль* (Е. Н. Недельская. Из окна поезда, 1940–1945); *Ёлочка-сиротка, / Разубралась / В зори чистые, / В снега белые* (В. А. Луговской. Колыбельная с черными галками, 1956); *Три сосенки – три граци, / что три казанских сироты* (В. А. Соснора. «И все озера красные...», 1960–1962); *Даром во бору упала / ель-сосна, недаром стала / тетя Оля попивать. / Говорю ей: – Бог накажет, – / А она рукою машет: / – Тут страдаем, там страдать? / Оля, Оля, тетя Оля, / ёлочка в холодном поле, / прозябала у реки* (О. Г. Чухонцев. Свои, 1982).

6. **Яблонька – плодородие**. Основанием данного образа сравнения является признак соответствующего денотата «приносить плоды», а также включенность в свадебные и аграрные обрядовые действия [21]: *Ах, ты яблонька моя грунтовая! / Уж не тронь ты меня, горемычной! / Что ни год ты пышно расцветаешь, / Что ни год несешь ты плод румяный; / От меня одной краса уходит, / От меня одной плода не уродится* (А. Н. Майков. Недогадливый, 1860).

Далее представим состав общепозитических традиционных для русской поэзии XIX–XX вв. образов сравнения, характеризующих диминутивные дендронимы (в связи с большим объемом исследуемого материала отметим парадигмы, включающие наибольшее количество образов сравнения).

1. **Берёзка, осинка – золото, серебро; берёзка, липка – изумруд**. Данные образные

ассоциации восходят к общепозитическим парадигмам образов: *дерево – золото, серебро; листья – изумруд* [22], передающим цветовое восприятие деревьев. В поэтических контекстах реализуются в рамках устойчивых эпитетов и метафор: *Заигрывало солнце / С берёзкой золотой* (В. И. Иванов. Утро, 1906); *Застенчивая липка / Платочком машет изумрудным* (В. В. Набоков. «Плывут поля, болота мимо...», 1917); *Пегие берёзки в золотой боли* (И. Л. Сельвинский. «Лиловые тучи. Серое поле...», 1924); *Берёзки по тебе, толкаясь и смеясь, / Бегут, вершинками на солнце золотясь / И серебром стволов в тени ветвей белея* (И. Н. Бушман. «Ты названа не зря берёзовой аллеей...», 1953).

К способам авторской индивидуализации поэтического стереотипного образа *дерево – золото* следует отнести включение его в состав развернутой антропоморфной метафоры: *В кудрявой зелени (у ней!) блеснула / Большая золотая прядь. / О жуткий блеск седин! Он только снится, / Но желтый образ тот неотразим – / к нему / Берёзка никнет, в зеркало глядится* (М. А. Зенкевич. Золотая прядь, 1944).

2. **Берёзка – дым.** Образ сравнения является частной реализацией традиционной для русской поэзии парадигмы *зелень листвы (весенний цвет) – дым*. При характеристике диминутивных дендронимов данная поэтическая формула получает обновление посредством окказиональных эпитетов (*зеленокудрый*), ярких метафор: *И белая берёзка / курилась благовожно* (К. Бальмонт. Подснежник, 1914); *Кольцо берёзок кротких / Под облаком седым / Роняет с веток четких / Зеленокудрый дым* (Саша Черный. В Булонском лесу, 1930); *Люблю бродить по лужам среди берёзок, / Чтобы увидеть, как зеленым дымом / Выстреливает молодая почка* (И. Л. Сельвинский. «Да, молодость прошла. Хоть я весной...», 1954).

3. **Берёзка, ивушка (ивка), липочка, осинка, рябинушка, сосенка, яблонька – кудри.** Представленные образы сравнения входят в состав общепозитической парадигмы *листья – кудри*. Рассматриваемый материал показал, что наиболее часто эпитет *кудрявый*, метафорический образ «кудри» повторяется в поэтических контекстах для изображения формы листьев и кроны берёзки (народно-поэтическая традиция также закрепила эпитет «кудрявый» за берёзой), однако в качестве предмета сравнения могут выступать и другие диминутивы, обозначающие растения с гибкими ветвями или зубчатыми, сердцевидными листьями, а также диминутив *сосенка*: *Не липочка кудрявая / Кольшется ветром* (А. Ф. Мерзляков. «Не липочка кудрявая...», 1805–1810); *Ты рябинушка, ты кудрявая, / В зеленом саду пред избой*

цвети, / Ты кудрявая, моложавая (П. А. Вяземский. Рябина, 1854); *Под яблонькой кудрявою / Прощались мы с тобой* (И. Ф. Анненский. «Под яблонькой, под вишнею...», 1880–1909); *Ни сосенки кудрявые, / Ни ивки близ него* (А. Ф. Мерзляков. «Среди долины ровныя...», 1810); *Эй, берёзки – девушки кудрявые, / Познакомьтесь с нами, комсомольцами!* (Н. А. Кузнецов. «Мы идем тропинкой между травами...», 1923); *В шалаше из ветвистых, и кудрявых, и легких, / Темно-синих осинок* (И. М. Ливертовский. Поэзия, 1940–1943).

4. **Берёзка, вишенка, ёлочка, липка, яблонька – одежда, ткань, материал.** Образы сравнения относятся к общепозитической парадигме *листья – одежда*. Обозначенная схема семантического переноса варьируется повторяющимися и индивидуально-авторскими образами сравнения (*платье, костюм, наряд, платочек, горностайная шубка, ситец, кисейный* и др.): *Застенчивая липка / Платочком машет изумрудным* (В. В. Набоков. «Плывут поля, болота мимо...», 1917); *Светлея весенним нарядом, / Растут молодые дубки* (М. А. Зенкевич. Дуб, 1919); *берёзки парами, кисейные, гуляют* (А. Н. Николаев (Егунин). «По ветру сердце треплется, как флаг...», 1929–1938); *берёзка в горностайной шубке* (Н. А. Клюев. «Кому бы сказку рассказать...», 1932–1933).

Следует отметить, что образ сравнения «берёзовый ситец», введенный С. А. Есениным, получает дальнейшее развитие в контексте антитезы «патриархальная деревня – индустриализация и электрификация»: *Не в ситце берёзок, / Не в русском овсе / на старокалужском насте, – / Грядущее видим / На светлом шоссе / Электриков-энтузиастов* (И. П. Уткин. Перед картой электрификации, 1930).

5. **Берёзка, деревце, ивка, осинка – огонь.** Даная парадигма включает образы сравнения, повторяющиеся у разных поэтов при описании многих деревьев. Специфика реализации данной ассоциации, связанная с дендронимами *берёзка* и *ивка*, заключается в устойчивом воспроизведении образа сравнения – *горящая свеча*, в то время как другие диминутивы характеризуются традиционными лексическими вариантами, репрезентирующими данный образ сравнения, – *гореть, пламенные*: *И берёзки – свечи брачные / Теплят листьяв огоньки* (Н. А. Клюев. «Пашни буры, межи зелены...», 1914); *около церкви берёзка, / точно свеча / белого воска, / неугасимо горит* (Е. И. Дмитриева. «Около церкви берёзка...», 1922); *Деревца горят в оконных рамах, / Как пирамидальные костры* (И. В. Елагин. «Деревца горят в оконных рамах...», 1953–1963); *берёзки светятся / над ней во мгле, / как свечки робкие,*

/ землей поставленные / за настрадавшихся на земле (Е. А. Евтушенко. Ярмарка в Симбирске, 1965); *Ивка стоит надо мной со свечою, / С пальцев соскальзывают колечки* (О. А. Юрьев. Переход границы, 1993).

6. **Берёзка, дубок, осинка – узор, сетчатое изделие.** Данное образное соответствие реализует общепозитические парадигмы образов *листья – узор, листья – кружева/вуаль/сеть: Осинка – кружев узорней* (Андрей Белый. «По полям, по кустам...», 1906); *Вдали дубки качает, как скорлупки, / Завернутые в мутную вуаль* (В. П. Катаев. «От ветра море зелено. Как иней...», 1916); *И под берёзкой кружевною* (Андрей Белый. Первое свидание, 1921).

Подведем итоги. Образная репрезентация диминутивов-дендронимов в русской поэзии XIX–XXI вв. определяется народно-поэтической, общепозитической традицией, а также индивидуально-авторским ассоциативным мышлением. Многие диминутивы-дендронимы характеризуются общими народно-поэтическими и общепозитическими образами сравнения, что определяется, как правило, аналогичными референционно-денотативными особенностями соответствующих реалий: тонкий ствол, гибкие ветви, зубчатые, сердцевидные листья, цветущие, плодовые деревья.

Среди народно-поэтических образов сравнения в русской поэзии при характеристике диминутивных дендронимов используются: *девушка; любовное влечение, томление; плакать (слёзы), печалиться, тосковать; плодородие; разлука; горькая, несчастная судьба, сиротство.* К общепозитическим образам сравнения отнесены ассоциативные соответствия, восходящие к традиционным парадигмам образов: *золото, серебро; изумруд; дым; одежда, ткань, материал; огонь; узор, сетчатое изделие.* Способами авторской индивидуализации стереотипных образов сравнения являются: включение в состав развернутой антропоморфной метафоры; обновление посредством окказиональных эпитетов; лексическое варьирование компонентов тропа.

В русских поэтических контекстах диминутивные дендронимы приобретают следующие устойчивые смысловые коннотации: «застенчивая», «робкая», «кроткая», «стройная», «высокая», «нежная», «кудри», «косы», «тонкий стан», «красота», «грудь», «пленять», «целомудрие» и др. Семантика выделенных устойчивых образов сравнения реализуется в контексте: развернутой метафоры «осеннее увядание дерева – увядание женской красоты»; воспоминаний лирического героя о близких людях; в рамках параллелизма образов *дерево – состояние человека; устойчи-*

вых эпитетов (плакучая, горькая); в ситуациях художественного текста, изображающих вступление в нежелательный брак, жизненные испытания, обособленное место произрастания.

Индивидуально-авторские образы сравнения определяют диминутивы *берёзка, ёлочка: инфанты Веласкеса, горностайная шубка, ситец, верность* и др. В поэтических контекстах получает развитие ассоциация С. А. Есенина «березовый ситец».

Список литературы

1. Резанова З. И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1996. 219 с.
2. Свободова Й. Дериационные и стилистические особенности русских диминутивов (на материале автобиографической трилогии М. Горького) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1992. 22 с.
3. Спиридонова Н. Ф. Русские диминутивы: проблемы образования и значения // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58, № 2. С. 13–22.
4. Петрова З. Ю., Виноградова В. Н. Структура и употребление диминутивов в разных функциональных стилях // Деминутивы в славянских языках: форма и роль. Praha : Zora, 2015. С. 412–426.
5. Иवानя Е. П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс : учеб. пособие. 4-е изд., стер. М. : Флинта, 2022. 121 с.
6. Фуфаева И. В. Экспрессивные диминутивы в условиях конкуренции с нейтральными существительными (на материале русского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 28 с.
7. Аникин В. П. Устное народное творчество : учебник 4-е изд., перераб. и доп. М. : Академия, 2011. 752 с.
8. Ваффа Э. Особенности диминутивных образований в повести В. Распутина «Прощание с Матерой» // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2016. Т. 272, № 3. С. 158–161.
9. Воронина Л. П. Экспрессивные смыслы диминутивов в текстах В. М. Шукшина // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 5–10. <https://doi.org/10.17223/15617793/408/1>
10. Иवानя Е. П. Диминутивы в сказах П. Бажова // С любовью к Слову : сб. ст. Всерос. с междунар. участием науч. конф., 09–10 февраля 2021 г. / отв. ред. О. В. Никифорова. Арзамас : Арзамасский филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского», 2021. С. 112–116.
11. Климова Л. А. Деминутивы в русских народных сказках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (42) : в 3 ч. Ч. 1. С. 92–96.
12. Свешникова Н. В. Специфика функционирования диминутивов в русских народных говорах (на материале существительных, включающих суффиксы с элементом -к) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1992. 19 с.

13. Шмелева Т. В. Диминутив в псковских говорах: деривационная техника, семантика и экспрессивный потенциал // Псковские говоры и их исследователи (к 100-летию со дня рождения С. М. Глускиной и 50-летию выхода 1 выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными») : в 2 ч. Ч. 1 / под ред. Н. В. Большаковой, Л. Я. Костючук. Псков : Логос, 2017. С. 313–321.
14. Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М. : Высшая школа, 1990. 304 с.
15. Соколова М. Г. Эволюция конститuentов образных полей дендронимов в русской поэзии XVIII–XX веков: системно-функциональный подход. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2020. 184 с.
16. Соколова М. Г. Логико-структурный и динамический аспекты изучения семантики дендронима *тополь* в русской лирике XVIII–XX веков // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 71. С. 152–169. <https://doi.org/10.17223/19986645/71/9>
17. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.08.2022).
18. Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. СПб. : Лань, 2013. 244 с.
19. Пазынин В. В. Образы деревьев в русской народной лирике: К проблеме ассоциативного наполнения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 25 с.
20. Цветовые символы христианства. URL: <https://mikhailkevich.narod.ru/kyrs/Cvetovedenie/christ.htm> (дата обращения: 03.08.2022).
21. Агапкина Т. А. Деревья в славянской народной традиции: Очерки. М. : Индрик, 2019. 656 с. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).
22. Павлович Н. В. Язык образов: парадигмы образов в русском поэтическом языке. 2-е изд., испр. и доп. М. : Азбуковник, 2004. 528 с.

Поступила в редакцию 27.11.2022; одобрена после рецензирования 24.12.2022; принята к публикации 30.01.2023
The article was submitted 27.11.2022; approved after reviewing 24.12.2022; accepted for publication 30.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 115–121

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 115–121

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-115-121>, EDN: RPKCMI

Научная статья

УДК 821.111(73).09-3+929

Роль интралингвистических факторов в восздании стилистических эквивалентов в художественном переводе (на материале американской прозы)

С. Б. Жулидов, М. В. Золотова, С. С. Иванов ✉

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, 603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 23

Жулидов Сергей Борисович, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для гуманитарных специальностей, 4131240@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4579-6906>

Золотова Марина Вианоровна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка для гуманитарных специальностей, mviazolotova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2699-224X>

Иванов Сергей Сайярович, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для гуманитарных специальностей, s.san@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6247-3717>

Аннотация. В статье рассматриваются способы восздания в переводе разнообразных стилистических особенностей подлинника на основе присущих строго организованным системам исходного языка и языка перевода, интралингвистических факторов как эффективных средств достижения стилистической эквивалентности. Детальный анализ фактического материала, приводимого в виде параллельных текстовых отрывков, отобранных из американского сатирического романа и его опубликованного перевода, которые включают в себя стилистически окрашенные лексические единицы, проводится на основе их ошибочно установленного переводчиком сходства, оказавшегося весьма далеким от эквивалентности. Рассматриваемые примеры примененных для достижения стилистической адекватности переводческих приемов и трансформаций сгруппированы исходя из лежащих в их основе интралингвистических единиц, а также разновидности конкретного стилистического инструментария, использованного в подлиннике или в переводе, – нарушение сочетаемости, игра слов, аллитерация, лексический повтор. Помимо собственно стилистических аспектов, учитываются также сопутствующие семантические и страноведческие отличительные черты подлинника – неверно понятые и потому неадекватно переведенные или вообще никак не переданные в тексте перевода. Все это вместе взятое, и прежде всего искажение стилистической окраски подлинника, ставит под сомнение достоверность описываемых в нем ситуаций и речевых характеристик персонажей, что неизбежно приводит к его неадекватному переводу. В сопроводительных комментариях авторы противопоставляют неудачным вариантам перевода свои собственные стилистические эквиваленты, которые могли быть получены с помощью приемов и трансформаций, основанных, помимо прочих, и на интралингвистических факторах, демонстрируя потенциальную возможность успешного решения переводческих задач при передаче стилистических особенностей подлинника.

Ключевые слова: интралингвистический, стилистический, адекватный, эквивалентный, перевод, окказионализм, игра слов, аллитерация

Для цитирования: Жулидов С. Б., Золотова М. В., Иванов С. С. Роль интралингвистических факторов в восздании стилистических эквивалентов в художественном переводе (на материале американской прозы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 115–121. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-115-121>, EDN: RPKCMI
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The role of intralinguistic factors in recreating stylistic equivalents in literary translation (exemplified by American fiction)

S. B. Zhulidov, M. V. Zolotova, S. S. Ivanov ✉

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Prospekt Gagarina (Gagarin Avenue), Nizhny Novgorod 603950, Russia

Sergey B. Zhulidov, 4131240@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4579-6906>

Marina V. Zolotova, mviazolotova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2699-224X>

Sergey S. Ivanov, s.san@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6247-3717>

Abstract. The paper proposes viewing intralinguistic factors inherent in the source and target languages as strictly given organized systems, being effective means in recreating the original's various stylistic peculiarities in its translated version and in attaining its stylistic equivalence.

The detailed analysis of the factual material, represented in the form of parallel textual excerpts borrowed from an American satirical novel and its published translation incorporating stylistically marked lexical units, is carried out on the basis of their resemblance erroneously established by the translator, which proved to be far from the equivalent one. The analyzed examples of translational means and transformations aimed at stylistic adequacy are grouped according to intralinguistic units, as well as a specific stylistic instrument used in the original or in the translation such as combinatorial discrepancy, pun, alliteration, lexical repetition. Apart from purely stylistic aspects, the authors also consider accompanying semantic and specific national features of the original – either erroneously understood and therefore inadequately translated or absent in the translation. All this taken as a whole, and the distortion of the stylistic coloring of the original first and foremost, cast doubt on the plausibility of the described situations and the characters' speech characteristics, inevitably resulting in inadequate translation. In the accompanying commentaries the unsuccessful variants are opposed by the authors' own stylistic equivalents that could have been attained with the help of the translational means and transformations based, among others, on the intralinguistic factors, showing the capacity to solve translational tasks to successfully render the stylistic peculiarities of the original.

Keywords: intralinguistic, stylistic, adequate, equivalent, translation, nonce word, pun, alliteration

For citation: Zhulidov S. B., Zolotova M. V., Ivanov S. S. The role of intralinguistic factors in recreating stylistic equivalents in literary translation (exemplified by American fiction). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 115–121 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-115-121>, EDN: RPKCMI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Для полноценного перевода художественного произведения не менее существенным, нежели передача его смыслового содержания, является сохранение и воссоздание всех стилистических особенностей текста, которые в него «вдохнул» автор подлинника. Проблема поиска эквивалентных стилистических соответствий ставится в большинстве трудов по теории и практике перевода [1, 2].

До сих пор остается актуальным утверждение многих авторитетных лингвистов и литературоведов, что нет более зыбкого в своих границах, более неуловимого понятия, чем стиль [3, с. 40]. Не претендуя на исчерпывающее определение этого термина, но памятуя максимум Ж. Бюффона «Le style est l'homme même» («Стиль – это сам человек»), ставшую классической, под стилем или стилистической окраской текста мы будем понимать индивидуально-авторские «языковые средства художественной выразительности», в терминологии М. Бахтина.

Поскольку же, однако, «в начале было слово», и, прежде всего, именно слова как основные единицы любой языковой системы представляют собой практически неограниченный ресурс для переводческой практики, мы попытаемся определить важность именно интралингвистических, т.е. внутриязыковых параметров в образовании стилистических эквивалентов при переводе.

С целью уточнения терминологии следует подчеркнуть, что мы не имеем в виду одну из трех разновидностей перевода в широком смысле – «интралингвистический перевод» [4, с. 47], который реализуется на одном языке путем перефразирования текстов одного субъекта (функционального стиля), например английского юридического (legalese), на общелитературный (common language), в частности, для клиентов адвокатуры, не владеющих усложненными юридическими терминами [5, с. 61].

Особая значимость интралингвистических факторов для переводческой практики определяется тем, что в своей специфической форме они присущи лишь конкретному языку и поэтому их невозможно применить для создания эквивалентных вариантов в другом языке, не прибегнув к переводческим трансформациям.

Таким образом, интралингвистические факторы мы будем трактовать как внутриязыковые ресурсы в виде разнообразных лексических и грамматических элементов, употребление и соблюдение сочетаемости которых в речевой практике обязательно. А поскольку их наличие следует воспринимать как реальность, заданную и существующую объективно, то вполне естественно, что они могут служить эффективными средствами и при переводе, который оперирует, главным образом, языковыми единицами.

Основным «рабочим материалом» статьи являются интралингвистические единицы языка перевода (ПЯ) и созданные благодаря им в переводном тексте (ПТ) стилистические соответствия, далеко не всегда эквивалентные стилистически окрашенным лексемам, выраженным на исходном языке (ИЯ) и употребленным в исходном тексте (ИТ), для чего были использованы определенные переводческие трансформации.

Актуальность исследования определяется самим фактическим материалом статьи, состоящим из примеров, отобранных из опубликованного в ведущем периодическом издании переведенного романа, в котором интралингвистические факторы, использованные для передачи стилистических особенностей ИТ, часто оказывались неэффективными, что неизбежно приводило к искажению оригинала.

Новизна исследования обусловлена тем, что именно интралингвистические факторы как составные элементы стилистических средств

впервые рассматриваются в функции основного «строительного материала», применяемого для воссоздания стилистических особенностей художественного текста. Принятые за основу для переводческих трансформаций, они способствовали и более упорядоченной классификации использованных стилистических средств.

Цель статьи – подробный лингвостилистический разбор отрывков ИТ и/или ПТ, включающих в себя экспрессивные средства, созданные за счет интралингвистических факторов ИЯ или ПЯ.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

1) выявить интралингвистические элементы ИЯ и ПЯ, способствовавшие созданию адекватных стилистических соответствий, определив их сравнительную эффективность для художественного перевода;

2) предложить собственные варианты перевода, с помощью которых обосновывается выдвигаемое нами предположение, что интралингвистические факторы могут стать действенным средством в воссоздании стилистической эквивалентности подлинника.

Объект исследования – современный американский роман [6] и его перевод на русский язык [7]. Предмет исследования – стилистически маркированные отрывки из ИТ и ПТ, созданные благодаря применению интралингвистических факторов.

Для облегченного восприятия текста все примеры сопровождаются сплошной нумерацией в порядке перечисления и сгруппированы исходя из их принадлежности конкретным стилистическим средствам, использованным в переводе.

Нарушение лексико-грамматической сочетаемости

Орфография, пунктуация и нормативная лексико-грамматическая сочетаемость являются краеугольными камнями интралингвистической специфики любой языковой системы. В аспекте же перевода эта специфика важна, прежде всего, в отношении иностранного языка, поскольку переводчик, не являясь его естественным носителем (*native speaker*), может допускать ошибки в его речевом употреблении с большей степенью вероятности, чем в ПЯ.

Однако рассмотрение влияния интралингвистических факторов на процесс перевода мы начинаем все-таки с их анализа на примере ПЯ ввиду того, что их ошибочное применение, в силу своей очевидной узнаваемости, всегда замечается читателями перевода в первую очередь.

Рассмотрим такие примеры:

1. His predecessor, J. J. Hollister <...> (p. 10).	Его предшественник <u>Джи-Джи</u> Холлистер <...> (с. 10).
2. Nick's favorite JJ story was <...> (p. 10).	Ник особенно любил ту историю <u>Джи-Джи</u> , в которой <...> (с. 10).

Вообще, изучение английского языка начинается именно с алфавита как интралингвистической основы системы любого языка, и названия букв G (джи) и J (джей) школьники младших классов, в отличие от некоторых переводчиков, знают уже с первых уроков. Заменять в ПТ одну букву другой бессмысленно и нелепо хотя бы по той причине, что у читателя перевод буквы G ассоциируется с такими именами, как Gregory и Gabriel, тогда как возможными именами этого персонажа могли оказаться Jeremy и James. Непонятно искажение и другого немаловажного в данном случае интралингвистического элемента ИЯ – пунктуации: написание двух инициалов не через точку, как в ИТ, а через дефис. Это превращает их либо в насмешливое имя прирученного животного, как, например, лошади «Фру-Фру» в романе Л. Толстого «Анна Каренина», либо в кличку («погоняло») уголовника. И то и другое не приемлемо не только по стилистическим соображениям, но противоречит и общему смыслу подлинника, особенно если учесть трогательные реминисценции Ника о бывшем начальнике:

3. In JJ's day there had been glorious color posters <...> (p. 12).	Во времена <u>Джи-Джи</u> здесь висели великолепные цветные плакаты <...> (с. 11).

В следующем примере не соблюдена жестко заданная интралингвистически, т.е. объективно существующая эквивалентность лексических и грамматических единиц ИЯ и ПЯ:

4. «Okay... let's go on pretending there's no proof that it's bad for you. <u>Since that's working so well</u> » (p. 16).	– Хорошо... давай и дальше делать вид, будто курение никому повредить не способно. Тем более что <u>до сих пор это так здорово работало</u> (с. 14).

Начнем с многозначного *since*. Во-первых, одно из его значений как наречия не «до сих пор», а «с тех пор как»; во-вторых, в данном случае *since* употреблено не как наречие, а как причинно-следственный союз, имеющий вполне однозначное по смыслу словарное соответствие «поскольку» или «так как».

Эта ошибка повлекла за собой и вторую: время Present Progressive, в котором употреблено сказуемое *is working*, в данном контексте имеет точно определенное соответствие в русском языке – настоящее время, но никак не прошед-

шее. Разумеется, такая двойная путаница не могла не привести к полному искажению смысла всего высказывания. Ср. предлагаемый нами вариант: «Поскольку (раз уж) это так здорово срабатывает».

Игра слов

Неадекватно переданная игра слов

Рассмотрим такой пример:

5. «What's that around your neck?»	– Что это у тебя на шее?
«It's a sign.»	– Плакат.
«"Executed for crimes against <u>hominu</u> ".»	– «Казнен за преступления против <u>человечины</u> ».
«"Humanity".»	– <u>Человечности</u> .
«What's that supposed to mean?»	– И что это значит?
«I don't know <...>» (p. 109).	– Понятия не имею <...> (с. 73).

В данном отрывке, пытаюсь передать парную игру слов *hominu* – *humanity*, переводчик в качестве соответствия использовал пару «человечина – человечность». Такой передаче, однако, противоречит разительное семантическое различие этих фонетически схожих лексем – «измельченная сладкая кукуруза» и... «человеческое мясо», – исключающее их взаимозаменяемость, ассоциируясь с... канибализмом! Ср.: *hominu* – a food made from dried and crushed sweet corn [8].

Интралингвистические ресурсы ИЯ и ПЯ оказались в данном случае настолько лишенными параллелизма, в отличие, скажем, от примера 4, что воссоздать игру слов в ПТ, опираясь только на них, оказалось невозможно. Очевидно, единственным способом передачи этой стилистической окраски ИТ могла бы стать ее компенсация иными средствами в другом подходящем для этого месте романа.

Весьма показательны следующие два примера, рассматривать которые целесообразно в связке друг с другом:

6. The secretary of <u>Health and Human Services</u> was calling for Nick's resignation (p. 68).	Оказывается, министр <u>здравоохранения и социальных служб</u> потребовала отставки Ника (с. 49).
7. <...> Secretary <u>Furioso of Helpless, Hopeless, and Stupid</u> (above) was calling for his resignation<...> (p. 68).	<...> госпожа Фуриозо сиречь министр <u>зануд и сволочных скудоумцев</u> (см. выше), потребовала его отставки <...> (с. 49).

Как явствует из этих примеров, игра слов в ИТ основана на совпадении первых букв названия должности министра Health and Human Services, иронически преобразованной в Helpless,

Hopeless, and Stupid. Сходное совпадение образовано и в ПТ: «здравоохранения и социальных служб – зануд и сволочных скудоумцев». Однако ценой внешне сохраненной формы стало полное искажение содержания: вместо «Беспомощных, Безнадежных и Умственно отсталых» читатели ПТ получили совершенно неадекватное незаслуженно грубое соответствие в виде «Зануд и Сволочных Скудоумцев». Как видим, никаких даже отдаленных аналогов ни «занудам», ни «сволочам», ни переводческому окказионализму «скудоумцы» в ИТ нет вообще. Таким образом, сочувственный в известной степени перифраз, использованный в подлиннике, оказался незаслуженно оскорбительным в переводе.

Разумеется, такое грубое искажение смысла никак не может быть оправдано попыткой (оказавшейся явно неудачной) передать авторскую игру слов. Поэтому правильным решением было бы либо подобрать адекватные функциональные соответствия в ПЯ, начинающиеся с тех же букв, либо отказаться от передачи этой игры слов вообще.

Предлагаемый нами более смягченный вариант, лишенный грубо-оскорбительных оттенков: «Замученных, Слабоватеньких и Спятивших».

Не переданная игра слов

В следующем примере неверно названное владельцем крупной фирмы имя реально существующей известной телеведущей Опри Уинфри несет в себе имплицитную информацию о том, что обычно он не смотрит подобные ток-шоу, презируя их как низкопробные и предназначенные лишь для недалеких обывателей:

8. <...> I watched you yesterday on that colored woman's show, <u>Obrah</u> (p. 58).	<...> увидел тебя вчера в шоу этой цветной женщины, <u>Опри</u> (с. 42).
--	--

По развитию фабулы такая его оценка в дальнейшем выражена и эксплицитно. Ясно, что эта передача столь не сложного по форме, но очень значимого искажения имени, абсолютно необходимая для характеристики персонажа, в ПТ с помощью полностью идентичного интралингвистически обусловленного приема (замены «п» на «б»), пусть и с пояснительной сноской, никакой трудности не представила бы. Тем более, что в романе сама О. Уинфри неоднократно фигурирует в роли cameo.

Рассмотрим такой пример:

9. «<...> it is my closely held belief that what we need is not more <u>confrontation</u> , but more <u>consultation</u> » (p. 4).	– <...> я твердо верую в то, что нам нужна не столько <u>конфронтация</u> , сколько <u>консолидация</u> (с. 6).
--	---

Явная игра слов в ИТ, подчеркивающая нарочито ироничное использование Ником в своем

устном выступлении «мудрено-книжных» слов с окончаниями (*tation – тация*), для придания им особого внимания выделенных в ИТ курсивом, оказалась в ПТ, во-первых, никак не переданной, а во-вторых, еще и искаженной по смыслу: *consultation – консолидация* (?!).

Необоснованно созданная игра слов

10. The audience consisting of 2,500 «health professionals,» thought Nick, who leafing through the list of participants <...> (p. 3).

Аудитория, состоящая из 2500 «профессиональных здравоохранителей», как назвал их про себя Ник, пролиставший список участников <...> (с. 5).

Даже если и признать окказионализм *здравоохранителей* удачной находкой, то в данном контексте, будучи противопоставленным стилистически нейтральному сочетанию *health professionals*, он, разумеется, совершенно не уместен, поскольку никакой игры слов, даже отдаленно напоминающей предполагаемую стилистически экспрессивную пару «охранителей – *охмурителей*», в ИТ нет. А следовательно, нет и оснований для ее введения в ПТ. Как возможный иронический вариант, лишенный коннотации «обманывать» (охмурять), можно предложить сочетание «здраво-охранителей».

Аллитерация

Рассмотрим следующий пример:

11. «You should have seen them, both talking through their voice boxes. A duet for two kazoo's» (p. 124).

– Видел бы ты, как они вякали через свои резонаторы. Дует для двух дуделок (с. 84).

И опять-таки в ИТ нет никаких оснований для введения в ПТ столь акцентированной аллитерации на «д». А сленговое *вякали*, выбранное в качестве соответствия литературному *talking*, также является здесь абсолютно не уместным и не обоснованным.

Ср.: *kazoo* – American musical instrument that adds a «buzzing» timbral quality to a player's voice sound [8]. Отсюда и предлагаемый нами вариант: «Дует двух музыкантов на казу¹» с пояснительной сноской: «¹Казу – американский музыкальный инструмент, преобразующий голос в дребезжащие звуки».

Аналогичный пример:

12. She had carefully placed his leather-sheathed Masai pig sticker on top of one of the piles (p. 8).

Так Дженнет уложила поверх одной из пачек принадлежащий ему кинжал в кожаных ножнах, с каким племя Масаи охотится на кабанов (с. 9) (выделено нами. – Авт.).

Совершенно очевидно, что буква «ж», употребленная в коротком предложении шесть раз подряд, создает совершенно не оправданную аллитерацию, никак не соответствующую стилистически нейтральному исходному предложению. Вполне возможным представляется такой вариант перевода, избавленный от аллитерации: «Так, Дженнет аккуратно разместила на одной из пачек его заостренный резак в кожаных ножнах, предназначенный для убоя свиней».

Отметим попутно, что африканское племя Масаи – не охотники. Для питания они разводят одомашненный скот, отсюда и *pig* – «свинья», а не *кабан* – «(wild) boar» – опасный зверь, ареал обитания которого в Африке ограничен лишь северной частью континента. Масаи же традиционно расселены на юге Кении и в Танзании. Правильным соответствием было бы не *охотится на кабанов*, а «режет своих свиней», тем более что в ИТ вообще отсутствует какое-либо упоминание об охоте (*hunting*). Впрочем, это относится уже не к интра-, а к экстралингвистическим факторам, рассмотрение которых выходит за тему статьи.

Стилистически неприемлемые лексические новообразования (окказионализмы)

13. <...> everyone to know he was sleeping with the enemy; <...> all reporters were the enemy (p. 114).

<...> кто-то другой пронюхал, что он спит с врагиней. <...> все репортеры – враги (с. 78).

Воспользовавшись интралингвистическим ресурсом ПЯ – словообразовательной моделью «князь – княгиня, бог – богиня», переводчик, несмотря на ее резко ограниченный дистрибутивный потенциал, решил по этому образцу создать окказионализм *врагиня* применительно к данному узкому контексту (предложению). Однако ввиду фактического отсутствия этой лексемы в системе русского языка (а также в ее речевом употреблении) она воспринимается лишь как чужеродный изыск, привлекая к себе необоснованно повышенное внимание читателя и придавая всему предложению иронический и даже просто неприкрыто юмористический оттенок, отсутствующий в ИТ, и является поэтому неоправданной. Таким образом, поскольку никаких оснований для использования в ПТ не существующего в русском языке слова *«врагиня» нет, это переводческое решение следует признать неудовлетворительным. Интересно отметить, что подобное же образование *«берегиня» стало нередко употребляться в названии женских организаций в России. Очевидно, однако, что «украшать» названием «Берегиня» американскую благотворительную

организацию, например, спасающую женщин от домашнего насилия, было бы совершенно нелепо и даже смешотворно.

Лексический повтор

Для придания художественному тексту большей экспрессивности часто используется лексический повтор – стилистический прием, заключающийся в намеренном дублировании на ограниченном отрезке текста, например в предложении, одного и того же либо однокоренного слова, либо словосочетания или речевого оборота [9]. Например:

14. When you're hot, you're hot (p. 68). | Популярность есть популярность (с. 49).

Казалось бы, никакой сложности при переводе это представить не может. И однако же во многих случаях стилистически действенный повтор, использованный в ИТ, никак не воссоздается в ПТ:

15. Yes it did, it certainly did (p. 57). | И это действительно так (с. 41).

Здесь столь же эффективный усилительный повтор никак не передан в ПТ, конечно, по ряду причин, в том числе и субъективных, но также и ввиду особого интралингвистического фактора, присущего лишь английскому языку, а именно наличия в его морфологической системе глагола-заместителя (prop verb) to do.

Но вот в следующем случае причина этого уже исключительно субъективная:

16. «Brilliant idea, son, brilliant» (p. 210). | – Блестящая идея, сынок (с. 84).

Нет никаких объективных, в частности системно-языковых или речевых, факторов, препятствующих простейшему варианту: «Блестящая идея, сынок, просто блестящая!».

Приведем, не комментируя, самоочевидные обратные примеры, когда в ПТ используется повтор, отсутствующий в ИТ, что не может не нарушать стилистику ИТ:

17. Nick laid it on a bit about how he'd been «cultivating» one of the producers for a long time and it had finally paid off (p. 33). | Ник пространно рассказал, как он в течение долгого времени «окучивал» одного продюсера и как это окучивание наконец окупились (с. 26).

18. He felt much better, indeed swollen with independence (p. 9). | И Ник ощутил облегчение, просто-таки раздулся от ощущения собственной независимости (с. 9).

А в двух следующих примерах результатом неоправданных повторов стала явная стилистическая разбалансировка ИТ, из-за которой сниженная, с обсценным *fuck*, лексика персонажей оказалась в ПТ приравненной к авторской литературной речи, к тому же и с яркой инверсией (*off they sped*), вообще никак не переданной в ПТ. И как неизбежное следствие такого грубого искажения стиля – получившаяся очевидная безвкусица:

19. «Use your head, kid.» | – Пораскинь умом, малыш. <...>. Nick thought (p. 254). | Ник пораскинул умом (с. 110).

20. «Get the fuck out of here! Move it!» | – Рвем когти!! Жми!! Off they sped (p. 266). | И они рванули когти (p. 118).

Гораздо более адекватными нам представляются такие варианты:

19. – Пораскинь умом, малыш. <...>. Ник подумал (призадумался).

20. – Рвем когти! Жми! И они дали деру.

Столь же необоснованным является и повтор произвольно введенной переводчиком неудачной игры слов, (см. начало в примере 10):

21. He <...> imagined them sharpening their claws on the sides of their chairs (p. 3). | <...> Ник представил, как «здоровоохмурители» точат когти о ножки своих стульев (с. 5).

Ввиду отсутствия в ИТ вообще какой-либо игры слов, нет и причин ни для ее создания в ПТ в виде окказионализма *охмурителей*, явно коррелирующего с «охранителей», ни тем более для ее немедленного дублирования в следующем же предложении в качестве эквивалента всего-навсего стилистически нейтрального *them*, заменившем *health professionals*. В результате за таким двойным переводческим «своеволием» автоматически последовало двойное же искажение исходного отрывка. А вместо «здоровоохмурителей» опять-таки вполне возможен вариант, предложенный нами в примере 10: «здорово-охранители».

Отметим к тому же и неверный перевод «*chairs – стульев*». Точить когти о твердые и часто округлые ножки (legs) стульев, пусть даже и деревянных, кошкам было бы крайне трудно. Правильный перевод *chairs* в данном контексте, конечно – «кресел», о чем говорит и *sides* – не «ножки», а «стороны, боковые части» часто с кожаной или тканевой обивкой, значительно более подходящей для мягких кошачьих коготков.

Ср.: BR shifted in his chair (p. 39). БР поерзал в кресле (с. 29).

Ср.: chair – piece of furniture for one person to sit on, with a back and legs [8].

Следствием этих кажущихся «улучшений» явились коверкающие и весь стиль подлинника несоответствия между ИТ и ПТ, для которых, в принципе, должны были иметься хоть какие-то основания. Единственным объяснением подобных переделок, чаще именуемых профессионалами «отсебятиной», остается предположение, граничащее с уверенностью, что переводчик сам настолько возлюбил собственные «оригинальные находки», что решил их непременно тут же и продублировать, игнорируя основополагающее требование к своей профессии – строгое следование и верность подлиннику с адекватным воссозданием его смысла и стиля.

Итак, полученные в результате рассмотрения и анализа приведенных примеров данные позволяют сделать вывод о том, что при переводе этого романа интралингвистические факторы, использованные для создания стилистически эквивалентных соответствий, часто оказывались неэффективными по причине либо их неадекватности своим параллелям в ИТ, либо неуместности их введения в ПТ вообще.

Поскольку подобный стилистически неадекватный перевод сопровождался в ряде случаев еще и неверной передачей денотативных значений, влекущих за собой искажение смысла всего предложения или абзаца, это не могло не привести к ошибочному восприятию читателями переведенного романа в целом.

Вместе с тем необходимо отметить, что предложенные нами варианты эквивалентных стилистических соответствий свидетельствуют о принципиальной возможности эффективно применить интралингвистические средства ПЯ для их создания, а в случаях (относительно редких) ее отсутствия применительно к данному месту произвести соответствующую стилистическую компенсацию в другой мотивированно отобранной для этого части произведения.

Приведенный иллюстративный материал, подробные комментарии к нему и предложенные варианты эквивалентных соответствий могут представить интерес и оказаться полезными

для преподавателей языковых вузов, читающих курсы межъязыковой коммуникации, теории и практики перевода, сопоставительной стилистики, а также практических переводчиков, прежде всего художественной литературы.

Представляется, что дальнейшее изучение рассмотренной в статье актуальной для художественного перевода проблематики на материале других прозаических произведений, жанров и языков будет способствовать созданию более подробной и уточненной классификации стилистических средств, применяемых в подлиннике, и их адекватных аналогов в переводе.

Список литературы

1. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М. : Валент, 2011. 410 с. (Библиотека лингвиста).
2. Snell-Hornby M. Translation studies. An integrated approach. Amsterdam ; Philadelphia : J. Benjamins Publ., 1988. 164 p. <https://doi.org/10.1075/z.38>
3. Брандес М. П. Стиль и перевод (на материале немецкого языка) : учеб. пособие. М. : Высшая школа, 1988. 128 с.
4. Чович Б. О трех типах переводов: интерлингвистическом, интралингвистическом и трансмутации // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2014. № 3. С. 47–56. <https://doi.org/10.7868/S000233881401003X>
5. Попкова Е. М. Принципы интралингвистического перевода юридических текстов в современном английском языке // Теория и практика перевода. 2011. № 2. С. 60–66.
6. Buckley C. Thank you for smoking. 1st Harper Perennial ed. New York, 1995. 228 p.
7. Бакли К. Здесь курят (Роман. Перевод с английского С. Б. Ильина) // Иностранная литература. 1999. № 11. С. 5–100 ; № 12. С. 46–121.
8. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition. Bloomsbury Publishers Plc, 2002. 1692 p.
9. Атажахова С. Т. Стилистические функции повторов в художественном тексте // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2 (75). С. 341–343.

Поступила в редакцию 08.07.2022; одобрена после рецензирования 01.09.2022; принята к публикации 30.01.2023
The article was submitted 08.07.2022; approved after reviewing 01.09.2022; accepted for publication 30.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 122–128

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 122–128

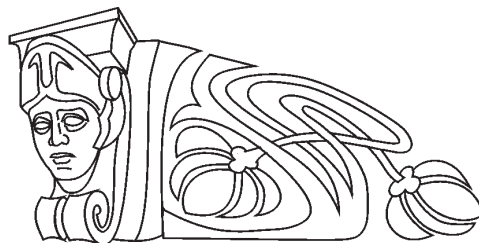
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-122-128>, EDN: XAIDAA

Научная статья

УДК 811.161.1'373.611

Новые суффиксальные глаголы и формирование новых глагольных словообразовательных типов в русском языке XVIII века

Д. Г. Орлова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Орлова Дарья Григорьевна, аспирант кафедры русской филологии и медиаобразования, dasha.g.orlova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7771-0068>

Аннотация. В статье рассматривается проблема неологизации языка на примере суффиксальных глагольных неологизмов. Акцент сделан на динамическом аспекте изучения процесса неологизации языка, при котором становится возможным выявление динамики взаимодействия словообразовательных типов и их формирования. Такой подход позволяет выявить тенденции процесса неологизации как в определенный период языковой истории, так в перспективе и в языковой диахронии в целом. Рассматривается период формирования национального литературного языка как один из важных этапов языковой истории, поскольку именно в этот период язык пополняется большим количеством неологизмов, представленных новообразованиями и заимствованиями. В качестве материала исследования использованы выпуски динамического Словаря русского языка XVIII века. Анализ глагольных неологизмов данного периода позволил выявить наиболее активные функционально-семантические поля глагольной лексики. Многочисленную группу новообразований составляют глаголы с общей семантикой «действия», образованные преимущественно по словообразовательной модели с суффиксом *-и-*. Большая часть новой глагольной лексики, характерной именно для исследуемого периода, представлена глаголами с общей семантикой «деятельности и поведения», которые образовывались по словообразовательным моделям с суффиксами *-и-*, *-ича-* (*-ича-*), *-ствова-*. Внутри данной глагольной группы наблюдается словообразовательное варьирование, которое было обусловлено конкуренцией словообразовательных моделей. Одной из многочисленных групп глагольной лексики стала группа эволютивных глаголов, представленная как объектными, образованными с помощью суффикса *-и-*, так и субъектными глаголами, образованными с помощью суффикса *-е-*. Отмечено, что в XVIII в. формируется новая словообразовательная модель с иноязычными суффиксами *-ова-* / *-ирова-* / *-изирова-*.

Ключевые слова: неологизация, история русского языка, суффиксальные глаголы, словообразовательные типы

Для цитирования: Орлова Д. Г. Новые суффиксальные глаголы и формирование новых глагольных словообразовательных типов в русском языке XVIII века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 122–128. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-122-128>, EDN: XAIDAA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

New suffixal verbs and the formation of new verbal derivational types in the Russian language of the 18th century

D. G. Orlova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Daria G. Orlova, dasha.g.orlova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7771-0068>

Abstract. The article deals with the problem of language neologization on the example of suffixal verbal neologisms. The author focuses on the dynamic aspect of studying the process of language neologization, in which it becomes possible to identify the dynamics of the interaction of word-formation types and their formation. Such an approach makes it possible to reveal the tendencies of the process of neologization both in a certain period of linguistic history, in the future, and in linguistic diachrony as a whole. The article considers the period of formation of the national literary language as one of the important stages of language history, since it is during this period that the language is replenished with a large number of neologisms represented by new formations and borrowings. Issues of the dynamic Dictionary of the Russian Language of the 18th century were used as the material of the study. An analysis of verbal neologisms of the 18th century made it possible to identify the most active functional-semantic fields of verbal vocabulary. A large group of new formations is made up of verbs with the general semantics of “action”, formed mainly according to the word-formation model with the suffix *-i-*. Most of the new verbal lexicon, characteristic of the period under study,

is represented by verbs with the general semantics of "activity and behavior", which were formed according to word-building models with suffixes *-i-*, *-nich-* (*-icha-*), *-stvova-*. Within this verb group, word-formation variation is observed, which was due to the competition of word-formation models. One of the numerous groups of verbal vocabulary is the group of evolutive verbs, represented by both object verbs formed with the suffix *-i-* and subject verbs formed with the suffix *-e-*. It is noted that in the 18th century a new word-formation model with foreign language suffixes *-ova-* / *-irova-* / *-izirova-* was formed.

Keywords: neologization, the Russian language history, suffixal verbs, derivational types

For citation: Orlova D. G. New suffixal verbs and the formation of new verbal derivational types in the Russian language of the 18th century. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 122–128 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-122-128>, EDN: XAIDAA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Проблема неологизации языка, т. е. об-новления лексического состава языка, всегда находилась в поле внимания ученых. Процесс неологизации рассматривался с точки зрения структурно-семантического подхода, социолингвистического, когнитивного, психолингвистического, деятельностного аспектов (А. Г. Лыков, Р. Ю. Намитокова, Л. Ю. Касьянова, С. И. Тогоева, Е. А. Земская, Л. В. Рацибурская и др.). Особого внимания заслуживает динамический аспект изучения процесса неологизации, поскольку «анализ динамики неологизации, выявление причин, порождающих появление новых лексических единиц и новых словообразовательных моделей, а также их конкуренции с действующими моделями, способствует постижению механизма развития языка, законов языковой динамики в целом» [1, с. 202]. При динамическом исследовании словообразовательных категорий становится возможным выход за рамки одного словообразовательного типа, что позволяет выявить динамику взаимодействия типов и их формирования [2].

В поле нашего внимания в данной статье находится один из наиболее значимых периодов языковой истории – период формирования единого национального русского литературного языка (XVIII в.). Динамический подход к исследованию неологизации позволяет выявить тенденции данного процесса как в этот отдельный период формирования и развития русского литературного языка, так в перспективе и в языковой диахронии в целом. Возможность применения такого подхода во многом определяется спецификой используемого языкового материала. В качестве материала исследования были взяты выпуски Словаря русского языка XVIII века [3], а также материалы Национального корпуса русского языка [4]. Методом сплошной выборки из лексикографических источников были отобраны суффиксальные глагольные неологизмы (около 410 языковых ед.). Важно, что Словарь русского языка XVIII века является не только историческим, но и динамическим словарем, который содержит специальные пометы для фик-

сации новообразований и позволяет определить время появления того или иного неологизма в русском языке. Все глагольные неологизмы, а также иллюстративный материал, позволяющий представить специфику их употребления, взяты из Словаря русского языка XVIII века. Материалы Национального корпуса русского языка позволили определить частотность употребления глагольных неологизмов, а также наиболее активные временные промежутки употребления данных глаголов.

Глагольная лексика является менее активной в аспекте неологизации по сравнению с именной лексикой и, как следствие, менее изученной [5, с. 126]. Предметом нашего исследования являются суффиксальные глагольные неологизмы. Имеются отдельные исследования, посвященные изучению ряда групп глагольных неологизмов, в том числе суффиксальных глагольных новообразований (Н. С. Авилова, О. И. Дмитриева, Э. П. Кадькалова, А. И. Молотков, Н. Р. Рогоза и др.), однако последовательный синхронно-диахронный анализ процесса глагольной неологизации языка отсутствует и составляет перспективу нашего исследования. В данной статье мы ставим целью представить основные тенденции этого процесса в русском языке XVIII в. на материале суффиксальных глагольных неологизмов. Ранее нами уже предпринимались попытки выявления наиболее характерных тенденций неологизации суффиксальных глаголов в интересующий нас период [6, 7].

XVIII век в истории русского литературного языка – это период существенных изменений в области лексики, эпоха интенсивных семантических и словообразовательных процессов, которые подготовили создание богатой и разветвленной лексической системы современного русского языка. В данный период усиливается тенденция к проникновению в литературное употребление слов живого народного языка, которая наметилась еще во второй половине XVII в. [8, с. 41]. В это же время непрекращающиеся интенсивные связи России с рядом иностранных держав и народов, ломка и перестройка здания

русской государственности, производства, культуры, быта по передовым западным образцам закрепили тенденцию к заимствованию не только лексических единиц, но и отдельных словообразовательных моделей [9]. В XVIII в. язык пополняется большим количеством неологизмов, что представляет интерес для исследователя, поскольку значительная часть новообразований той эпохи вошла в состав национального литературного языка.

Основная задача, которая ставится в статье, – дать типологическое описание глагольных неологизмов в русском языке XVIII в., выявить наиболее активные типы и модели их производства, обозначив таким образом ведущие тенденции глагольной неологизации языка.

Неологическая суффиксальная глагольная лексика XVIII в. представлена большой группой глаголов с общей семантикой действия (более 50 новообразований), в рамках которой можно выделить новообразования с семантикой «покрытия объектов»: *бронзовать* ‘покрывать бронзой, бронзовым порошком’, *ваксить* ‘натирать обувь ваксой’, *канифолить* ‘натирать канифолью’, *лакировать* ‘покрывать лаком’, *мучнить* ‘обсыпать, пачкать мукою’, с семантикой «физического воздействия на объект»: *буравить* ‘делать отверстие, скважину буравом’, *бурить* ‘сверлить, проделывать буром скважину, отверстие в чем-л.’, *золить* ‘вываривать в щелоке (белье, ткани); вымачивать, стирать в щелоке шерсть’, *крупить* ‘дробить, превращать в крупу, в крупинки’, *магнитить* ‘придавать какому-л. телу магнитные свойства, натирая его магнитом’, *мочалить* ‘разделять, разбивать на волокна, мочки’, *палубить* ‘настилат палубу’, *пепелить* ‘сжигая, превращать в пепел’ и др. Глаголы с семантикой действия представлены преимущественно словообразовательной моделью с суффиксом *-и-*, реже – с суффиксом *-а-* (*комкать* ‘прост. мять, сжимать в комок’) и *-ова-* (*паровать* ‘выделять влагу’). Стоит отметить, что в XVIII в. группа глаголов с семантикой действия начинает пополняться и за счет формирования новой словообразовательной модели с контаминированными (иноязычно-русскими) суффиксами *-ирова-*, *-изирова-*, которые «были включены в словообразовательную систему русского языка в виде редуцированных сплавов» [10, с. 261]. Суффиксы *-ирова-*, *-изирова-* являлись составными вариантами суффикса *-ова-*, возникшими под влиянием немецких суффиксов *-ieren*, *-izieren* [11]: *бальзамировать* ‘Тёло ево пренесено было в Стразбург, чтоб там оно балзамировать’ [3, вып. 1, с. 134], *буксировать* ‘мор. тянуть за со-

бой на буксире’, *минерализовать* ‘превратить в минеральное соединение’ и др. Подобный процесс – появление суффиксов-контаминантов – был типичен для русского языка как для глагольной лексики, так и для именной [12].

Однако основную часть новой глагольной лексики в XVIII в. составляют новообразования с семантикой «деятельности и поведения», иначе говоря, агентивные глаголы (около 80 ед.). Глаголы деятельности и поведения можно разделить на несколько подгрупп. К выводу о том, что подсистема агентивных глаголов начинает активно формироваться именно в XVIII в., пришла и Э. П. Кадькалова [13]. Малочисленными являются подгруппы глаголов с семантикой «созидательной деятельности» (*комплектовать* ‘пополнять до комплекта; набирать нужное количество, комплект кого-, чего-л.’, *моделировать* ‘делать модель чего-л.’ и др.), «интеллектуальной деятельности» (*анализировать* ‘подвергать анализу (1); рассматривать, разбирать’ и др.) и «социальной деятельности» (*аттестовать* ‘дать отзыв, свидетельство, заключение о ком-, чем-л., оценить что-л.’, *диспутовать* ‘спорить, вести диспут’, *критиковать* ‘давать оценку, вскрывать ошибки и недостатки кого-, чего-л.; подвергать разбору, критике (1)’, *манифестовать* ‘дипл., канц. объявить, обнародовать, сообщить что-л.’ и др.), которые образовывались чаще всего от заимствованных основ. Одной из многочисленных является подгруппа глаголов с семантикой «профессионально-трудовой деятельности»: *адвокатствовать* ‘быть адвокатом, заниматься адвокатством’, *башмачничать* ‘шить башмаки; заниматься ремеслом башмачника’, *блинничать* ‘печь или продавать блины’, *бочарничать* ‘заниматься бочарным ремеслом’, *губернаторствовать* ‘управлять провинцией, округом, губернией’, *котельничать* ‘заниматься котельным ремеслом’, *министерствовать* ‘быть министром, отправлять государственные дела’, *монаршествовать* ‘исполнять обязанности монарха, быть монархом’, *пивоварничать* ‘заниматься пивоварением’, *пирожничать* ‘заниматься ремеслом пирожника’ и др. Глаголы с семантикой «поступка и поведения» образовали самую большую подгруппу (около 40 ед.): *актерствовать* ‘действовать, вести себя как актер’, *буянить* – *буянничать* ‘простореч. буйно себя вести’, *важничать* ‘принимать на себя важный вид; гордиться, чваниться’, *вертопрашить* – *вертопрашничать* ‘быть вертопрахом; вести себя как вертопрах’, *ветренничать* ‘Вѣтреничаю... Вертопрашу, непостоянничая; неосновательно, безрасудно поступаю’ [3, вып. 3, с. 82], *вольничать* ‘вести себя вольно, непослушно, дерзко’,

враждебствовать – *враждебничать* ‘быть во вражде с кем-л., проявлять враждебное отношение к кому-л.’, *геройствовать* ‘совершать героические подвиги’, *дебоширничать* ‘<Он> вел себя нехорошо, ... гулял, дебоширничал, отпустя жену законную, жил с Цыганкой’ [3, вып. 6, с. 63], *деспотствовать* ‘вести себя деспотически’, *дурачить* ‘обманывать, рассчитывая на чью-л. глупость, доверчивость; шутить, насмехаться над кем-л.’, *забиячить* ‘озорничать, задирать, вызывать на ссору, драку’, *кляузничать* – *кляузить* ‘прост. заниматься кляузами, быть кляузником’ и др. Новообразования с семантикой «профессионально-трудовой деятельности» и «поступка и поведения» представлены преимущественно глаголами, образованными по русским словообразовательным моделям с суффиксами *-нича-* (*-ича-*), *-ова-*, *-ствова-*, *-и-*.

Для глаголов с суффиксами *-и-*, *-нича-* (*-ича-*), *-ствова-* характерно словообразовательное варьирование, «то есть передача одинаковых или максимально близких словообразовательных значений разными формальными способами» [14, с. 8], которое было обусловлено конкуренцией словообразовательных моделей, поскольку формирование словообразовательного типа глаголов с семантикой «деятельности и поведения» с суффиксом *-нича-* приходится на вторую половину XVIII в., что подтверждается данными Национального корпуса русского языка: *буянить* – *буяничать*, *вертопрашить* – *вертопрашничать*, *враждебствовать* – *враждебничать*, *кляузничать* – *кляузить*, *ехидничать* – *ехидствовать* и др. Данные глагольные пары появились в русском языке одновременно, один из вариантов глагольной пары создавался по традиционной словообразовательной модели (*буян-и-ть*, *враждеб-ствова-ть*), второй вариант – по формирующейся модели с суффиксом *-нича-* (*буян-нича-ть*, *враждеб-нича-ть*). Словообразовательное варьирование связано и со стилистической окрашенностью, как отмечает Э. П. Кадькалова, и глаголы деятельности с суффиксом *-нича-* представляют собой стилистически сниженный пласт слов [13, с. 71]. Словообразовательные варианты по мере развития языка либо утрачиваются, т. е. остается один из появившихся глаголов, либо вступают в отношения словообразовательной синонимии, т. е. перестают быть собственно словообразовательными вариантами (дублетами), приобретая новые значения или отличаясь стилистической маркированностью (подробнее об этом см. [6, 7]).

Спорным остается вопрос о производящей базе глаголов типа *башмачничать*, *блинничать*,

кляузничать. Как отмечает А. И. Молотков в работе «Новообразования в кругу отыменных глаголов» [15], подобные глаголы образовывались с помощью суффикса *-а-*: *башмач-а-ть* < *башмачник*, *блин-а-ть* < *блинник*, *кляуз-а-ть* < *кляузник*. Мы же склоняемся к тому, что в данном случае можно говорить о множественной мотивации. Подобные глаголы могли образовываться с помощью суффикса *-нича-*: *башмач-нича-ть* < *башмак*, *блин-нича-ть* < *блин*, *кляуз-нича-ть* < *кляуза*, так как именно во второй половине XVIII в. словообразовательная модель с суффиксом *-нича-* становится наиболее активной.

В XVIII в. продуктивным словообразовательным типом глаголов становится тип с общей семантикой «состояния» (около 40 ед.). Данный тип новообразований представлен большой группой эволютивных глаголов с семантикой «приобретать какой-либо признак, становиться каким-либо», это субъектные глаголы, например: *глупеть* ‘становиться глупым, глупее’, *грязнеть* ‘становиться грязнее’, *длиннеть* ‘становиться длиннее, вытягиваться в длину’, *дурнеть* ‘становиться дурным, некрасивым’, *дюжеть* ‘становиться сильнее, крепче’, *мутнеть* ‘становиться мутным’, *пасмуреть* ‘становиться темным, пасмурным’ и др. Подобные глаголы образовывались по словообразовательной модели с суффиксом *-е-*. Однако встретилась глагольная пара словообразовательных вариантов, один из которых с суффиксом *-ича-*: *дороднеть* – *дородничать* ‘становиться дородным; поправляться, полнеть’. Можно предположить, что словообразовательная модель отадеквативных глаголов с суффиксом *-ича-* также вступала в отношения конкуренции со словообразовательной моделью с суффиксом *-е-* с семантикой «приобретения, становления признака», как и словообразовательная модель отсубстантивных глаголов с суффиксом *-нича-* (ср.: *буянить* – *буяничать* ‘простореч. буйно себя вести’). Не менее активной является и группа эволютивных глаголов с семантикой «делать таким по виду, форме, содержанию, качествам, свойствам и т.п.», это объектные глаголы: *багровить* ‘поэт. делать багровым, багрять (кровью)’, *безумить* ‘делать безумным, доводить до безумия’, *горячить* ‘делать горячим, производить жар в ком/чем; согревать’, *косить*² ‘делать косым, кривить’, *круглить* ‘делать круглым’, *пасмурить* ‘делать темным, пасмурным’, которые образовывались по словообразовательной модели с суффиксом *-и-*.

Глагольная лексика в XVIII в. представлена также немногочисленными новообразованиями с семантикой речевой деятельности и звучания:

ахнуть – ахать ‘воскликнуть «ах!», выражая радость или удивление, горе, испуг и т.п.’; атукать ‘кричать «ату»’, басить ‘петь, говорить басом’, дакать ‘говорить «да», соглашаясь с чьим-л. мнением; поддакивать’, булькать ‘прост. издавать, производить булькающий звук’, звукнуть ‘издать звук, прозвучать’, бухнуть¹ – бухать ‘простонар. произвести глухой короткий звук’, пикнуть – пикать ‘издать писк (о птицах, некоторых животных)’.

Отдельного внимания заслуживают глаголы с суффиксами *-ова-* / *-ирова-* / *-изирова-*, которые являются преимущественно заимствованиями (около 200 ед.). Подобные глаголы проникали в русский язык посредством присоединения составных вариантов суффикса *-ова-* чаще всего из французского языка: *аккордировать*, *ангажировать*, *аплодировать*, *гильотировать*, *дефилировать*, *дешифровать*, *дискредитировать*, *имажинировать*, *контролировать*, *куртизировать*, *лорнировать*, *маркировать*, *пикировать* и др., и немецкого языка: *адресировать*, *анатомировать*, *буксировать*, *декларировать*, *диспонировать*, *компонировать*, *конферировать*, *натурализировать*, *организовать* и др.

Стоит отметить, что анализ таких новообразований имеет некоторую сложность, так как многие неологизмы с составными суффиксами *-ирова-* и *-изирова-* заимствовались одновременно из нескольких языков. Согласно данным Словаря русского языка XVIII в., заимствование могло происходить одновременно из двух языков: чаще всего французского и немецкого, количество таких неологизмов составляет более 50 единиц: *абонировать*, *авансировать*, *баллотировать*, *блокировать*, *гравировать*, *декламировать*, *дискурировать*, *зондировать*, *купировать*, *лавировать*, *маринировать*, *палисадировать*. В связи с тем, что заимствование происходило из нескольких языков одновременно, появилось большое количество словообразовательных вариантов на *-ирова-* / *-ова-*: *адресировать* (нем. *adresiieren*) – *адресовать* (польск. *adresować*), *атакировать* (нем. *attakieren*) – *атаковать* (польск. *atacować*), *бальзамировать* (нем. *balsamieren*) – *бальзамовать* (польск. *balsamować*), *информировать* (нем. *informieren*) – *информовать* (польск. *informować*), *кассировать* (нем. *kassieren*) – *кассовать* (польск. *kasować*), *компонировать* (нем. *companionieren*) – *компоновать* (польск. *komponować*), *дискурировать* (фр. *discourir*) – *дискуровать* (польск. *dyszkutować*), *блокировать* (нем. *blockieren*) – *блоковать* (фр. *bloquer*), *декламировать* (нем. *deklamieren*) – *декламовать* (фр. *déclamer*), *догматизировать* (нем.

dogmatisieren) – *догматизовать* (фр. *dogmatiser*), *компрометировать* (нем. *kompromittieren*) – *компрометровать* (фр. *compromettre*), *натурализировать* (нем. *naturalisieren*) – *натурализовать* (фр. *naturaliser*), *организовать* (нем. *organisieren*) – *организовать* (фр. *organiser*) и др.

Именно в этот период под влиянием немецких суффиксов *-ieren*, *-izieren* (*ботанизировать* ‘нем. *botanisieren*. собирать растения для их изучения’) появились два составных варианта суффикса *-ова-*: *-изирова-* и *-ирова-* [11]. Поскольку в русский язык проникло большое количество заимствований на *-ieren*, *-izieren*, по образцу подобных заимствований в языке начала формироваться новая словообразовательная модель с составными суффиксами *-ирова-* и *-изирова-* как результат контаминации с русским суффиксом *-ова-*. Некоторые глаголы, оканчивающиеся на *-ировать* / *-изировать*, могли не только заимствоваться, но и образовываться от иноязычных существительных, которые появились в период формирования национального литературного языка и постепенно осваивались носителями языка. К таким неологизмам можно отнести следующие: *анатомировать* 1720 г.: 1) от нем. *anatomieren*; 2) от *анатомия* 1698 г. + суффикс *-ирова-*; *баронизировать* 1735 г.: 1) от нем. *baronisieren*; 2) от *барон* 1697 г. + суффикс *-изирова-*; *гильотировать* 1794 г.: 1) от фр. *guillotiner*; 2) от *гильотина* 1794 г. + суффикс *-ирова-*; *контрастировать* кон. XVIII в.: 1) от фр. *contraster*; 2) от *контраст* 1777 г. + суффикс *-ирова-*; *минировать* 1761 г.: 1) от фр. *miner*, непоср. или через нем. *minieren*; 2) от *мина*¹ 1706 г. + суффикс *-ирова-*; *моделировать* 1750 г.: 1) от фр. *modeler*, непоср. и через нем. *modellieren*; 2) *модель*¹ 1702 г. + суффикс *-ирова-* и др.

Основанием для определения производности может служить как время появления неологизма в русском языке, которое фиксируется весьма отчетливо в динамическом Словаре русского языка XVIII в. (ср.: *мина* 1706 г. и *минировать* 1761 г.), так и наличие глагольного неологизма, который определяется через именную неологизм: *интриговать* – ‘заниматься интригами, строить козни. Франция ... не упустит своего времени интриговать и короля пруссаго в северную войну приводить. АК. VII 18’ [3, вып. 9 с. 106]; *минировать* – ‘заложить порох в мину, в подземный ход. Все дороги минированы’ [3, вып. 12, с. 195]; *моделировать* – ‘1. делать модель чего-л. Каздую часть его строения, которая из металла состоит имеет, моделировать из алебаstra или из дерева в настоящей величине <...>’ [3, вып. 12, с. 241].

Крайне редко новообразования с суффиксами *-ирова-* и *-изирова-* могли мотивироваться только иноязычными существительными (т. е. данные глагольные неологизмы не заимствовались из других языков): *банкировать* ‘метать банк’ образовано от банк + суффикс *-ирова-*; *пародировать* ‘создать, сочинить пародию, представить что-л. в смешном виде’ образовано от пародия + суффикс *-ирова-*.

В конце XVII – начале XVIII в. суффикс *-ова-* значительно расширил свои функции под влиянием заимствований из польского языка, в которых широко был распространен глагольный суффикс *-ować*: *администровать* ‘пол. *administrować*. Осуществлять администрацию, править, управлять’, *ассистовать* ‘пол. *assystować*. Сопровождать (в качестве свиты или для оказания помощи)’. В связи с этим закреплялась словообразовательная модель с суффиксом *-ова-* (являющимся калькой польского суффикса *-ować*), соотносимая с русской моделью с суффиксом *-ова-* (ср.: *бронзовать* от бронза + суффикс *-ова-* и *комплектовать* непосредственно и через пол. *kompletować* [3, вып. 10, с. 125]). В результате этого суффикс *-ова-* стал активным средством приспособления к русской глагольной системе именных и глагольных основ, заимствованных из других языков [11].

Словообразовательный тип глаголов с суффиксами *-ова-* / *-ирова-* / *-изирова-* начал формироваться именно в XVIII в. и в связи с этим отличался малой продуктивностью. Однако, несмотря на это, из словообразовательных пар типа *баллотировать* – *балотовать*, *блокировать* – *блоковать*, *гарантовать* – *гарантировать*, *декламовать* – *декламировать* в языке закреплялся именно словообразовательный вариант с суффиксом *-ирова-*, второй вариант утратился в XVIII в., согласно данным Словаря русского языка XVIII в.

Таким образом, в период формирования национального литературного языка новая глагольная лексика возникала в границах функционально-семантических полей действия, деятельности и состояния. В XVIII в. глагольная лексика значительно расширила границы функционально-семантического поля деятельности. Большая часть новой глагольной лексики, характерной именно для исследуемого периода, представлена глаголами с общей семантикой «деятельности и поведения», которые образовывались по словообразовательным моделям с суффиксами *-и-*, *-нича-*, *(-ича-)*, *-ствова-*. Внутри этой глагольной группы наблюдается словообразовательное варьирование, которое было обусловлено конкуренцией словообразовательных моделей:

модель с суффиксом *-нича-* (*-ича-*) с семантикой «деятельности и поведения» конкурировала с традиционными словообразовательными моделями с суффиксами *-и-* / *-ствова-*. В результате такой конкуренции и появлялись словообразовательные варианты (например, *грубиянить* – *грубиянствовать*). Для XVIII в. характерно большое количество заимствований, которые проникали в русский язык из нескольких языков одновременно, что способствовало появлению глагольных пар вариантов (например, *компонировать* (нем.) – *компоновать* (польск.)). В этот период под влиянием иноязычных суффиксов *-ieren-, -izieren-, -ować* в русском языке возникают такие контаминанты с русским суффиксом *-ова-*, как *-ирова-* и *-изирова-*.

Список литературы

1. Дмитриева О. И. Динамика и диахрония в исследовании неологизации русской глагольной лексики // Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б. Н. Головина) : сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. / отв. ред. Т. Б. Радбиль. Н. Новгород : Деком, 2016. С. 202–207.
2. Дмитриева О. И. Диахрония, синхрония, динамика: проблема синхронно-диахронного исследования словообразовательных подсистем // Вестник Волгоградского университета. Серия 2. Языкознание. 2012. № 2 (16). С. 42–46.
3. Словарь русского языка XVIII века. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние ; СПб. : Наука, С.-Петерб. отд-ние, 1984 –.
4. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 31.07.2022).
5. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / отв. ред. Е. А. Земская. 2-е изд. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 90–142.
6. Орлова Д. Г. Особенности неологизации глагольной лексики: словообразовательное варьирование // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых : в 3 ч. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2021. Вып. 24. С. 237–241.
7. Орлова Д. Г. Словообразовательное варьирование в ходе глагольной неологизации в русском языке XVIII в. // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: сборник статей по материалам Международного научного семинара, посвященного 110-летию Саратовского государственного университета (Саратов, 1 ноября 2019 г.) / отв. ред. О. И. Дмитриева. Саратов : Амирит, 2020. С. 86–91.
8. История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века / отв. ред. Ф. П. Филин. М. : Наука, 1981. 376 с.
9. Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очер-

- ки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: Языковые контакты и заимствования. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. 432 с.
10. Крючкова О. Ю. Динамика процессов словообразовательной и лексической редупликации // Дмитриева О. И., Крючкова О. Ю. Динамика словообразовательных процессов: семантико-когнитивный, жанрово-стилистический, структурный аспекты. Саратов : Научная книга, 2010. 364 с.
 11. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М. : Высшая школа, 1986. 640 с.
 12. Демьянов В. Г. О роли иноязычных словообразовательных формантов в историческом процессе формирования словообразовательных средств русского языка // Исследования по историческому словообразованию / отв. ред. И. С. Улуханов. М. : Ин-т русского языка РАН, 1994. С. 148–161.
 13. Кадькалова Э. П. К изучению законов словопроизводства: Агентивные глаголы в русском языке. Саратов : ИЦ «Наука», 2007. 216 с.
 14. Дмитриева О. И. Динамика глагольной семантико-словообразовательной подсистемы в русском языке XVIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание 2014. № 1 (20). С. 6–12.
 15. Молотков А. И. Новообразования в кругу отыменных глаголов // Мальцева И. М., Молотков И. А., Петрова З. М. Лексические новообразования в русском языке XVIII в. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1975. С. 247–298.

Поступила в редакцию 28.09.2022; одобрена после рецензирования 06.11.2022; принята к публикации 30.01.2023
The article was submitted 28.09.2022; approved after reviewing 06.11.2022; accepted for publication 30.01.2023

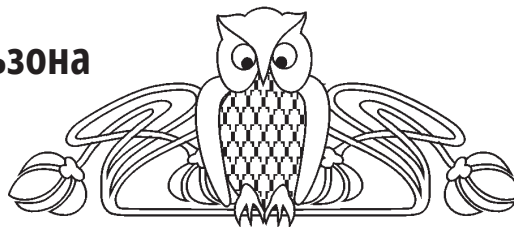

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 129–135
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 129–135
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-129-135>, EDN: WNUMLE

Научная статья
УДК 811.112.2'27'282.4'373.21(470.4)+929Дульзон

Лингвистическое наследие А. П. Дульзона как источник изучения немецкой топонимии Поволжья

Е. В. Сычалина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Сычалина Екатерина Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и методики его преподавания, ekaterinasychalina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5976-9522>

Аннотация. Статья посвящена изучению немецкой микротопонимии Поволжья. Источником топонимов выступает докторская диссертация известного отечественного лингвиста А. П. Дульзона, отдельный раздел которой содержит список географических названий поволжских немцев из 1049 единиц. Лингвистическое наследие А. П. Дульзона, обращенное к изучению немецких диалектов в Поволжье, несправедливо забыто и частично утрачено ввиду депортации ученого в 1941 г. в Сибирь, где он стал основателем школы исследования языков и топонимии коренных народов. Собранный А. П. Дульзоном топонимический материал немецкого Поволжья так и не получил всестороннего изучения ни самим ученым, ни последующими поколениями лингвистов. Цель настоящего исследования, основывающегося на новом фактическом материале и выполненного в русле социолингвистики, заключается в выявлении уникальных для немецкой микротопонимии черт, обусловленных многолетним проживанием поволжских немцев в условиях иноязычного окружения. В рамках статьи данные микротопонимы рассматриваются не только с точки зрения их семантики и структуры, но и как результат межкультурных и межязыковых контактов. В фокусе внимания находятся вопросы контактной ономастики: динамика культурно-языковой интерференции, проблема заимствований на топонимическом уровне, их адаптация в воспринимающем языке в зависимости от диалектных особенностей немецких языковых островов Поволжья. Установлено, что заимствованные русские потамимы, географические термины, микротопонимы, а также лексические единицы, обозначающие понятия русской действительности из культурно-бытовой сферы, под втягивающим воздействием немецкой островной топонимии претерпели грамматические и фонетические изменения и оказались вовлечены в продуктивные словообразовательные модели – композиты и аналитические конструкции. Исследование показало, что для немецкой микротопонимии Поволжья характерно явление монотопонимизации, подтверждающее в совокупности с неязыковыми данными замкнутость общин поволжских немцев в пределах ограниченной территории. Делается вывод, что изучение островной топонимии поволжских немцев в социолингвистическом аспекте, т.е. с учетом социальных условий функционирования языка данного аллохтонного коллектива, является первым шагом на пути к междисциплинарным исследованиям топонимии, традиции которых были заложены самим А. П. Дульзоном.

Ключевые слова: А. П. Дульзон, поволжские немцы, микротопонимия, топоним, социолингвистика, языковые и культурные контакты, языковой остров, немецкие диалекты

Для цитирования: Сычалина Е. В. Лингвистическое наследие А. П. Дульзона как источник изучения немецкой топонимии Поволжья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 129–135. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-129-135>, EDN: WNUMLE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The linguistic heritage of A. P. Dulzon as a source for studying the German toponymy of the Volga region

E. V. Sychalina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Ekaterina V. Sychalina, ekaterinasychalina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5976-9522>

Abstract. The article deals with the detailed research of the German microtoponymy of the Volga region. The toponym source is the doctoral thesis of a famous Russian linguist A. P. Dulzon, with a special chapter, where a list of 1049 geographical names of the Volga Germans is presented. The linguistic heritage of A. P. Dulzon, which addressed the studying of the Volga region German dialects, is unjustly forgotten and partly lost due to his being exiled to Siberia in 1941, where he was the head of the scientific school of studying native peoples' dialects and toponymy. The toponymic material collected by A. P. Dulzon has not been thoroughly studied either by the scientist himself or by the following generations of linguists. The main aim of our research, which is based on new factual material and carried out in the field of sociolinguistics, is to define some

unique features common for German microtoponymy, resulting from living for many years in multi-lingual surrounding. In this article the primary attention is given not only to the semantics and structure of toponyms, but also to the influence of the cross-cultural and cross-linguistic contacts. The research is focused on contact onomastics, the dynamics of cross-cultural interference, the problem of borrowings on the toponymic level, their adaptation in the language depending on the peculiarities of the German dialects of the language islands of the Volga region. It has been proved that borrowed Russian river names, geographical names, microtoponyms, and lexical units denoting Russian realia from the cultural and general sphere, were influenced by German island toponymy and underwent major grammatical and phonetical changes, becoming part of productive word-building models: composites and analytical structures. The research shows that the phenomenon of microtoponymy is characteristic for the German microtoponymy of the Volga region, which proved, together with various extra-linguistic factors, that the Germans led a secluded life on their confined territories. A conclusion is drawn that studying the island toponymy of the Volga Germans in the sociolinguistic aspect, i.e. taking into account all the social environments in which the language of this allochthonous community functioned, can be the foundation for the interdisciplinary investigation of toponymy established by A. P. Dulzon.

Keywords: A. P. Dulzon, Volga Germans, microtoponymy, toponym, sociolinguistics, linguistic and cultural contacts, language island, German dialects

For citation: Sychalina E. V. The linguistic heritage of A. P. Dulzon as a source for studying the German toponymy of the Volga region. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 129–135 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-129-135>, EDN: WNUMLE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Андрей Петрович Дульзон (1900–1973) широко известен в научном сообществе как выдающийся исследователь малых народов Сибири. В 2022 г. основанной им в Томске лингвистической школе исполнилось 75 лет. Будучи всесторонне одаренным ученым, работавшим в междисциплинарном ключе, А. П. Дульзон в век описательной лингвистики предложил использовать систематический комплексный подход к исследованию поставленной проблемы, а именно привлечение археологических, антропологических, этнографических и языковых данных для исследования аборигенных народов Сибири [1, с. 18]. Безусловной заслугой профессора А. П. Дульзона является создание в Томске самого крупного топонимического центра страны в 1950–1970-е гг. [2, с. 8]. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (1990) отмечается лишь, что становление и развитие финно-угроведения в Сибири связано с именем А. П. Дульзона [3]. Однако научная деятельность ученого до его депортации в Сибирь в 1941 г. остается в тени, о его работах, посвященных исследованию немецких диалектов Поволжья, широкому кругу исследователей известно крайне мало. Между тем как крупный ученый А. П. Дульзон сформировался именно на Саратовской земле.

Родился Андрей Петрович в семье немецко-крестьянина в селе Прайс на Волге, изучению говора которого спустя 38 лет посвятил свое фундаментальное исследование – докторскую диссертацию [4], единственный экземпляр которой хранится в Зональной научной библиотеке Саратовского государственного университета. И кандидатская диссертация «Альт-Урбахский диалект» (защита в 1934 г. в Москве), и исследование говора села Прайс были высоко оценены профессором В. М. Жирмунским: «Его работы в этой области... выдвинули его [А. П. Дульзона] в первые ряды советских германистов не толь-

ко новизной материала, но и самостоятельностью теоретического к нему подхода» (цит. по: [2, с. 4]). В 1940 г. ученый получил звание профессора Саратовского государственного педагогического института.

Сферу научных интересов А. П. Дульзона во многом определило знакомство с Георгом Дингесом, профессором Саратовского университета, позднее директором Центрального музея АССР НП, создателем и руководителем Центрального бюро по изучению диалектов немцев Поволжья, который в начале 20-х гг. XX в. инициировал создание словаря поволжско-немецких говоров. Изучая диалектный материал, начинающий исследователь обратил внимание на фольклор и этнографические материалы целого ряда колоний, он обработал поволжско-немецкие пословицы, поговорки, загадки, рифмовки, рецепты, советы по народной медицине. В ходе этнографических экспедиций изучались свадебные обряды [5]. Разработанная А. П. Дульзоном анкета включала 170 вопросов. Сегодня эти опросники, заполненные самим ученым в селах Гримм, Ягодная Поляна, Розенталь, Прайс, представляют собой уникальный материал по этнографии и диалектам немцев Поволжья [6]. Как мы видим, комплексный подход к исследованию языковых явлений, характерный для поздней научной деятельности А. П. Дульзона и Томской лингвистической школы в целом, сложился задолго до формирования последней.

Интерес к географическим названиям, который привел в дальнейшем к созданию крупнейшего центра топонимических исследований в Сибири, зародился тоже во время полевых исследований А. П. Дульзона в Поволжье. Собранные ученым в период его сотрудничества с Г. Дингесом и учебы на филологическом факультете, а затем аспирантуры и докторантуры полевые материалы включали также топонимы

немецких поселений на Волге. Эти лексические единицы, а также сведения, собранные учителями и пасторами в марте-апреле 1928 г. по решению Народного комиссариата просвещения АССР НП для издания школьного учебника по краеведению, А. П. Дульзон обобщил в своей докторской диссертации. Исследуя говор села Прайс на всех языковых уровнях – фонетическом, морфологическом, словообразовательном, лексическом, синтаксическом, ученый использует для иллюстрации своеобразия словарного состава ономастический материал: прозвища и топонимы поволжских немцев. Он приводит «Список географических названий поволжских немцев» из 1049 топонимов, отобранных в 95 колониях [4, с. 315–351]. Перечень выстроен в алфавитном порядке, каждый топоним сопровождается пометой, в каком населенном пункте (пунктах) он зафиксирован и какого рода объект называет, в ряде случаев дается этимология наименования.

Эти ономастические единицы могут быть соотнесены с понятием микротопонима, который в «Словаре русской ономастической терминологии» трактуется как собственное имя (чаще) природного объекта, (реже) созданного человеком, имеющее узкую сферу употребления: функционирующее в пределах лишь микротерритории, известное узкому кругу людей, живущих вблизи именуемого микрообъекта, в том числе микрогидроним, микроойконим, микроороним, микрохороним, названия урочищ, хозяйственных угодий, микросооружений (колодцев, мостов, будок, вышек, зимовий, кордонов, охотничьих домиков и т.п.) [7, с. 83]. Критерий малоизвестности, как показал опыт изучения конкретного языкового материала, не может быть признан определяющим признаком микротопонимов [8, с. 204]. Однако их мотивированность, наличие внутренней формы, близость к именам нарицательным, неустойчивость во времени по сравнению с другими видами географических наименований, коммуникативная ограниченность ввиду диалектальной окрашенности и нередко отсутствия письменной фиксации – характеристики микротопонимов, которые представляются релевантными. В самой природе этих языковых единиц кроется их изменчивость, многие микротопонимы безвозвратно утрачиваются, а вместе с ними и ценнейшие для лингвистики, этнографии, истории и других наук данные о языковых и материальных условиях, актуальных для номинатора в момент называния топообъекта. Ведь посредством топонимов происходит языковое членение и освоение жизненного пространства, выделение наиболее важных фрагментов картины мира, которые получают означивание в соответствии с аксиологически-оценочной системой

этноса, его представлениями об окружающей действительности. Топонимы вербально закрепляют наивно-бытовые, историко-социальные знания и этнокультурный опыт народа, и в условиях межъязыкового и культурного взаимодействия специфика национальной топонимической картины мира проступает особенно отчетливо в контрасте с инонациональной топонимией.

Сказанное подчеркивает значимость анализируемого исследования А. П. Дульзона для науки как ценнейшего лингвистического, этнографического, культурологического источника, зафиксировавшего состояние одного из поволжско-немецких говоров в последние годы перед депортацией колонистов из Поволжья. Однако выводы, которые делает выдающийся лингвист об итогах развития языковых вариантов поволжских немцев в первой половине XX в., смешении и выравнивании диалектов в условиях длительной изоляции миноритарного этноса от основного этнического ядра и в инонациональном окружении, могут быть применены и ко многим другим немецким селам Поволжья, тем более что автор использует в качестве примеров полевые материалы своих экспедиций по многим колониям.

Исходя из целей настоящей статьи, мы рассматриваем диссертационное сочинение А. П. Дульзона о говоре села Прайс как важнейший топонимический источник, ценность и достоверность которого обеспечиваются его внешней и внутренней критикой в соответствии с принципами лингвистического источниковедения [9, с. 85]. Используя терминологию С. И. Коткова, этот научный текст – лингвистическое исследование более широкой проблематики – для современного топонимиста может считаться вторичным источником с заданными свойствами [10, с. 7–8]. Его автор не ставит перед собой специальной задачи всестороннего изучения немецкой топонимии Поволжья, тем не менее, подвергает анализу словообразовательную структуру географических названий, выделяя простые, сложные и аналитические наименования. В каждой из структурных групп названия классифицируются по типу топообъекта: реки, овраги, пруды, луга, леса, горы, поля, родники, долины, улицы, площади, части деревни, мосты, плотины и пр. Рассмотрим характерные особенности немецких микротопонимов Поволжья с позиций социолингвистического подхода последовательно в каждой из трех выделенных А. П. Дульзоном структурных групп. Представляется, что изучение национальной топонимии миноритарного этноса *поволжские немцы* не может осуществляться без учета социальных условий функционирования языка данного

аллохтонного коллектива, которые в специальной литературе характеризуются как языковой остров. Островная топонимия неизбежно взаимодействует с другими национальными топонимическими системами и в целом обусловлена историко-политическими и этноязыковыми процессами в обществе, поэтому ее изучение в социолингвистическом аспекте является первым шагом на пути к междисциплинарным исследованиям топонимии, традиции которых были заложены самим А. П. Дульзоном.

Простые наименования образуют самую небольшую группу (136 единиц), где обращают на себя внимание апеллятивы, как правило, без каких-либо словообразовательных изменений, выполняющие роль имен собственных. Нередко в их основе лежит географический термин без дифференцирующих определений, в ряде случаев сопровождаемый лишь уменьшительно-ласкательным суффиксом: *der Fluss* «река», *der Graben* «овраг», *die Klinge* диалектизм «овраг», *der Teich* «пруд», *der Weiher* «пруд», *das Tal* «долина», *das Brünne*, *das Brunnsche* «колодец» („che“/„sche“ диминутивные диалектные суффиксы), *der Damm*, *das Dämmche* «плотина», *die Brück* «мост», *der Kanal* «канал» и др. Это явление монотопонимизации – выделение в отдельной локальной топонимической системе объекта, являющегося единственным представителем данного класса географических реалий, – свойственно, по мнению Е. Л. Березович, как современной топонимии, так и архаичным топонимическим системам и свидетельствует о суженности пространственного горизонта их носителей [11, с. 171]. В условиях чересполосного проживания разных этносов данный тезис приобретает особую значимость и доказывает замкнутость общин поволжских немцев в пределах ограниченной территории.

К группе простых наименований относятся большинство потамонимов (названий рек) поволжских немцев. Традиционно река является главным организатором пространственных связей в любом населенном пункте, центром освоения новых территорий. Немецкие колонисты, прибыв в Поволжье, обнаружили уже сложившуюся, весьма обширную систему гидронимов в основном тюрко-монгольского или русского происхождения. Все названия рек были заимствованы колонистами и интегрировались в немецкую национальную топонимию, претерпев грамматические и фонетические изменения: *Березовка* – *die Beresowka*, *Добринка* – *die Dobrinka*, *Грязнуха* – *die Gräsnuha*, *Иловля* – *die Lawla* (*die Lawle*), *Иргиз* – *der Irgis*, *Яма* – *die Jama*, *Еруслан* – *der Jereslan*, *Карамыш* – *der Karamisch*, *Казанка* – *die Kasanka*, *Краснуха* – *die Krasnuha*, *Кулалинка* – *die Kulalinka*, *Ломовка* – *die Lotowka*,

Маянга – *die Majanga*, *Мальшка* – *die Malischka*, *Медведица* – *die Medwediza*, *Мечетка* – *die Metschet* (*Mitschetka*), *Ольховка* – *die Olchowka*, *Перевозинка* – *die Perewosinka*, *Пропва* – *die Porrof*, *Затон* – *der Sadonn*, *Саратовка* – *die Saratowka*, *Севастьяновка* – *die Sebastjanowka*, *Славнуха* – *die Splawnucha*, *Таловка* – *die Talowka* / *Dalowka*, *Тарлык* – *der Tärlik* / *Dälik*, *Торгун* – *der Torgun*, *Водная Даниловка* – *die Wodnoi Danilowka*, *Волга* – *die Wolga* / *Wolge*, *Воложка* – *die Wolschge*. Иноязычные гидронимы получили в немецкой топонимической системе артикль мужского или женского рода в зависимости от грамматического рода заимствованного имени в русском языке. Примечателен тот факт, что в колониях Гримм, Прайс, Красный Яр использовался потамоним *die Bach* с артиклем женского рода, хотя в литературном языке апеллятив *der Bach* «ручей» мужского рода. Такое грамматическое несоответствие может объясняться втягивающим воздействием системы потамонимов, которые, согласно общезыковой традиции, являются, за редким исключением, сущительными женского рода.

Заимствованные потамонимы активно участвуют в процессе топонимобразования, выступая компонентами гибридных композиций: *Dalowlgrab* (от потамонима Таловка), *Gniluschkegrawe* (от потамонима Гнилушка), *Suselberg*, *Suselgraben*, *Suselland* (от потамонима Суслы), *Mokrawald*, *Mokragraben* (от потамонима Мокрая Ольховка), *Sucho-Majanka-Graben* (от потамонима Сухая Маянга) и др. Композиты в изучаемом эмпирическом материале образуют самую обширную группу (721 единица), что соответствует тенденциям развития словообразовательной структуры как имен нарицательных, так и топонимов в немецком языке в целом, где словосложение является самым продуктивным способом словообразования.

Помимо потамонимов, заимствованных немецкой топонимической системой, островная топонимия колонистов обнаруживает значительное число иноязычных элементов из общего словарного фонда языка мажоритарного этноса, т. е. русского. Процесс лексического заимствования стал естественным следствием долговременных языковых и культурных контактов представителей двух этносов и не мог не затронуть топонимический уровень в языке немецких колонистов, занимавшихся земледелием по соседству с русскими крестьянами. В «Списке географических названий поволжских немцев» А. П. Дульзона находим следующие заимствованные имена или топоосновы: *Banjeswälder* от *Banje* «баня» (лес, колония Добринка), *Bolnidzegräbche* (овраг, к. Мариенталь), *Bobroff* (пастбище, к. Эндерс), *Chachlatzke* от прилагательного «хохлацкий»

(ключ, к. Гук), *Chuttergraben* от «хутор» (овраг, к. Паульское), *Derrbärgeporowa* / «*Dürrbirkenprorwa*» (овраг, к. Гуссенбах), *Diwlansgraawe* (овраг, к. Маринталь, к. Граф), *Diwle* (овраг, к. Шаффгаузен), *Diwlee* (аллея графа Панина *Дивная аллея*, к. Цуг), *Dollowoyteich* (пруд, к. Красный Яр), *Dreispietzer-Borak* (лес, к. Гольштейн), *Grossbarak* (лес, к. Галка), *Kalina* (лес, к. Мариенфельд), *Kaminka* (луг, к. Гримм), *Kaschedamm* (плотина, к. Зихельберг), *die Kawak* (пруд, к. Красный Яр), *Kirschenborak* (овраг, к. Гольштейн), *Kommunistenstraße* (улица, к. Гольштейн), *Kraulgrawe* от междометия *караул* (овраг, к. Пфайфер), *Kumskling* (овраг, к. Мюльберг), *Kurgan* (гора, к. Драйшпиц), *der Labadne* от топонима *Лопатино* (луг, к. Граф), *Lopatina* (пруд в форме лопаты, к. Розенгейм), *Magazingraben* (овраг, к. Маркштадт), *Maschenikskraawe* (овраг, к. Граф), *Matschkaskling* от *Matschge* «*мачка, женщина другой национальности*» (овраг, г. Мюльберг), *Oboswäldchen* (лес, к. Норка), *die Premte* от «*прямо*» (поле, к. Граф), *Prikapne* (озеро Перекапное, к. Гуссенбах), *Prisdansgräbche* (овраг, к. Прайс), *Progonn* (дорога к пастбищу, к. Сузанненталь), *Proletarstraße* (улица, г. Макрштадт), *die Prorowe* (пруд, к. Граф), *Prorowedämmche* (плотина, к. Граф), *Ribkinsgrabe* (овраг, к. Фишер), *Sadok* (пруд, к. Розенгейм, Паульское, Граф, Эндерс, Швед), *Sasanjär Graben* (место ловли сазанов, к. Шаффгаузен), *Sawodabrunne* (источник, к. Антон), *Sawodatränk* (водопой, к. Антон), *Schirokergraben* от «*широкий*» (овраг, к. Гук), *die Schischke* от географического термина «*шишка*» (покос, к. Шталь), *Semlinkewald* (лес, к. Гук), *Semlengeweiher* от «*землянка*» (пруд, к. Граф), *Senokosedamm* (плотина, к. Мариенфельд), *Senokosegraben* (овраг, к. Мариенфельд), *Simlenketeich* (пруд, к. Эндерс), *Simweh* (зимовье, к. Эндерс), *Simwehgrawe* (овраг, к. Эндерс), *Simwehinsel* (сады, к. Эндерс), *Steinborak* (овраг, к. Гольштейн), *Tabungraben* (овраг, к. Куттер), *Trakt* (Эльтонский соляной тракт).

В процессе лексической интерференции слово могло заимствоваться в неизменном виде (*Sadok, Trakt, Kurgan, Jama, Irgis*), но чаще всего фонетическая оболочка претерпевала существенные изменения в соответствии с произносительными законами конкретного поволжско-немецкого диалекта-рецептора. К таким особенностям адаптации заимствований в говоре села Прайс относится, например, замена русских палатализованных согласных твердыми (*Bolnidzegräbche* ср. *больница*, *Neftedamm / Neft* ср. *нефть*, глухих – звонкими (*Saradof – Саратов, Dälik – Тарлык, Sadonn – Затон, Labadne – Лопатино, Dubofge – Дубовка, Soledoi – Золотое, Wolschge*

– *Воложка*), диссимилиация согласных (*Mosgau / Moschgau – Москва, Asdrigan – Астрахань, Smolensge – Смоленск, Prisdansgräbche* ср. *пристань*), замена русского звука б немецким w (*Kawak* ср. *кабак*, как в слове *spasiwe* «*спасибо*»), вытеснение любых гласных в конце слова редуцированным e (*Wolge* ср. *Волга, Schischke* ср. *шишка, Premte* ср. *прямо*) и др.

В немецкую топонимию вошли понятия русской действительности преимущественно из культурно-бытовой сферы, ставшие новыми для колонистов: *Simweh* «*зимовье*», *Simlinge* «*землянка*», *Khudr* «*хутор*», *Gum* «*кум*» и др. Одной из причин заимствований послужило более точное обозначение реалий русскими словами, хотя многие из них имели эквиваленты в немецком языке с близким или равным значением. Так, апеллатив *Wassermelone* не выдержал конкуренции с русским эквивалентом. В нескольких колониях одновременно были зафиксированы наименования с топоосновой *Arbuse-*: *Arbusenfeld* (к. Неб), *Arbusengraben* (к. Гоффенталь). Решающую роль в выборе конкурирующих форм, очевидно, имела возрастающая значимость русского языка в жизни немецкого колониста в ранний советский период. А. П. Дульзон указывает на высокий престиж языка мажоритарного этноса, что нашло отражение в поговорке „*dä khan die schproux*“ (der kann die Sprache) «*он знает язык*», произносимой с особым почтением [4, с. 353]. По этой причине вкрапления русских заимствований использовались в стилистических целях – для украшения речи, придания ей особого колорита: *ich hun kha axode drtsu* (ich habe keine Lust dazu) «*мне неохота*», *sdarowe* «*здорово*», *sdrasdwı* «*здравствуй*», *baschalesde* «*пожалуйста*», *goigak* «*кое-как*», *dä hot khan razem* «*у него нет разума*».

Приведенный выше перечень топонимов с иноязычными топоосновами, однако, содержит преимущественно гибридные композиты ядерного, а не периферийного подвида: русские заимствования занимают в них начальное положение (*Bolnidzegräbche, Maschenikskraawe, Matschkaskling, Dollowoyteich, Oboswäldchen, Semlengeweiher* и др.). Роль определяемой части топонима в структуре сложного имени выполняет при этом исконный топоэлемент: *-gräbche / -kraawe / -kling, -teich, -wäldchen, -weiher* и др. Объяснение такому соотношению топооснов мы находим в следующем: с целью избежать возможного непонимания при идентификации топообъекта, вызванного наличием иноязычных элементов в структуре географического наименования, язык-рецептор привлекает собственные ресурсы в качестве квалификатора, который прямо называет вид объекта. Таким образом частич-

но компенсируется новизна заимствованного слова, а использование традиционных топонимобразовательных моделей облегчает освоение иноязычных элементов немецкими крестьянами, в основной своей массе плохо владевшими языком мажоритарного этноса. Так, по оценкам В. А. Манькина, не более 20% населения АССР НП были билингвами, а среди сельского населения их было еще меньше [12, с. 10].

Тем не менее анализ эмпирического материала позволяет констатировать взаимодействие немецкой и русской топонимических систем в Поволжье сразу на нескольких уровнях, что нашло отражение в заимствовании островной топонимией русских географических терминов (*Borak / Barak* «буерак», *Jar, Schischke*), потапонимов (*Dobrin-ka, Gräsnucha, Kasanka* и пр.), микротопонимов (*Atroschna, Progonn, Werschinka* и пр.) и вовлечении иноязычных элементов в свои продуктивные словообразовательные модели – словосложение и аналитические конструкции. Последние не столь широко представлены в исследуемом материале, как композиты, их насчитывается 192 единицы. Особую подгруппу аналитических наименований составляют оттопонимические образования с русскими ойконимами или гидронимами в структуре: *die Danilowkaer Höh, das Sinenker Tal, das Rogatner Eck, der Krasnojärer Berg, die Bobrowkaer Tränk* и др. Аналитические топонимы этого типа мотивированы пограничным положением топообъектов и являются еще одним доказательством суженности пространственного горизонта поволжского немца, четко осознающего наличие границ его жизненно важной территории. Это утверждение коррелирует с имеющимися историческими, этнографическими, языковыми данными об исследуемом островном сообществе, согласно которым этнической психологии поволжских немцев всегда было свойственно четкое противопоставление «своих» и «чужих», стремление к самоизоляции от автохтонного населения, особенно на начальном этапе, приверженность национальным конфессиям, традициям и языку.

Подводя итог, следует все же отметить, что в условиях многолетнего соседства немцев и русских в Поволжье языковые и культурные контакты двух этносов были неизбежны. Островное положение колонистов, долгие годы оторванных от исконной языковой области и испытывавших с начала XX в. сильное ассимиляционное воздействие со стороны мажоритарного этноса, обусловило процессы культурно-языковой интерференции, которые проявились и на топонимическом уровне. Однако взаимодействие двух разнонациональных топонимических систем в Поволжье нельзя считать односторонним. Не только

немецкая, но и русская топонимия испытала на себе интерферирующее воздействие. Оно заключается в семантической адаптации поволжско-немецкого топонимического субстрата после официального переименования населенных пунктов АССР НП в 1941 г. и депортации немцев из региона. Установлено, что многие немецкие ойконимы подверглись калькированию: *Sichelberg – Серпогорье / Серпогорское, Unterwalden – Подлесное, Friedenberg – Мирное* и др. Интегрировавшись в современную русскую ойконимию, переводные наименования остались единственным языковым свидетельством жизни этого малого этноса на Волге на протяжении почти 170 лет [13, с. 2594].

Настоящая работа продолжает серию публикаций, одну из задач которых мы видим в привлечении внимания научного сообщества к лингвокультурному наследию поволжских немцев, частью которого, без сомнения, являются труды А. П. Дульзона. Будучи носителем изучаемого им поволжско-немецкого говора, Андрей Петрович создал глубоко научное, тщательное, многоаспектное исследование, задокументировавшее состояние языка островного сообщества и, в частности, его ономастический пласт. К сожалению, сам ученый не успел всесторонне изучить собранный богатейший топонимический материал, не сделали этого пока и последующие поколения лингвистов. Думается, что осмысление этих данных в русле современных теорий ономастики позволит рассмотреть топоним не только как знак-ориентир, но как когнитивный инструмент, отражающий ментальные процессы и их результаты в виде системы знаний поволжского немца о мире. Значимость такого рода выводов для целого ряда гуманитарных наук не вызывает сомнений.

Список литературы

1. Крюкова Е. А. Лингвистическая школа А. П. Дульзона: от описательной лингвистики к междисциплинарным исследованиям // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4(42). С. 18–21. <https://doi.org/10.17223/19988613/42/3>
2. Галкина Т. В., Осипова О. А. А. П. Дульзон и его школа // Вопросы языкознания. 2000. № 3. С. 3–11.
3. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/> (дата обращения: 18.06.2022).
4. Дульзон А. П. Проблема смешения диалектов по материалам говора с. Прайс : дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1938. 530 с.
5. Минор А. Я. Этнолингвистические исследования А. П. Дульзона. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 2011. 204 с.

6. Государственный исторический архив немцев Поволжья. Ф. 1821. Оп. 1. Д. 22.
7. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Наука, 1988. 192 с.
8. Сычалина Е. В. Оппозиция «свой-чужой» в микро-топонимии поволжских немцев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 7 (37) : в 2 ч. Ч. 1. С. 202–205.
9. Блинова О. И. О предмете лингвистического источниковедения // Языки и топонимия Алтая : межвуз. сб. Барнаул : Изд-во АГУ, 1981. С. 83–89.
10. Котков С. И. О предмете лингвистического источниковедения // Источниковедение и история русского языка : сб. ст. / под ред. С. И. Коткова, В. Ф. Дубровиной. М. : Наука, 1964. С. 3–13.
11. Березович Е. Л. Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1998. 338 с.
12. Манькин В. А. Социоллингвистический аспект функционирования диалектов немцев Поволжья : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1992. 18 с.
13. Сычалина Е. В. Семантическая адаптация немецкого топонимического субстрата в современной ойконимии Поволжья // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. №. 8. С. 2591–2595. <https://doi.org/10.30853/phil210370>

Поступила в редакцию 06.09.2022; одобрена после рецензирования 12.11.2022; принята к публикации 30.01.2023
The article was submitted 06.09.2022; approved after reviewing 12.11.2022; accepted for publication 30.01.2023

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 136–140

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 136–140

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-136-140>

EDN: QAKCEO

Научная статья
УДК 821.161.1.09

Интертекстуальные включения как средство создания комического эффекта (на материале смеховой литературы Древней Руси XVII в.)

И. В. Петрушков

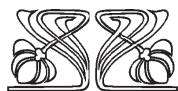
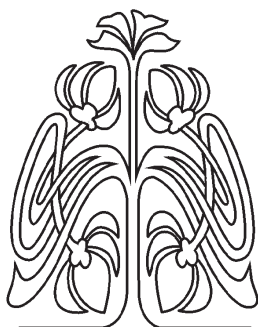
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Петрушков Илья Владимирович, аспирант, ассистент кафедры романо-германской филологии и переводоведения, petrushkov.ilya@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8136-664X>

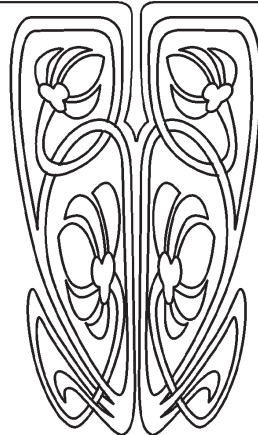
Аннотация. В статье исследуется роль интертекстуальных включений в создании комического эффекта в смеховой литературе Древней Руси XVII в. В качестве источников материала исследования представлены две повести, относящиеся к смеховой литературе Древней Руси XVII в.: «Повесть о бражнике» и «Сказание о крестьянском сыне». Культура Средневековья основана на христианском учении, в центре которого стоит библейский текст. Важными элементами в сюжетной и композиционной организации исследуемых текстов являются интертекстуальные включения, представленные библейскими аллюзиями и цитатами. Результаты лексико-стилистического анализа позволяют утверждать, что комический эффект, создаваемый с помощью интертекстуальных включений, реализуется за счёт контраста модальностей между текстом-источником и текстом-реципиентом, в основе которого лежит антитеза «небесное/земное». Несмотря на то что тексты, составляющие Библию, обладают различными художественными модальностями, цитируемые в исследуемых текстах эпизоды Ветхого и Нового Заветов не обладают именно сатирической модальностью, в результате чего между текстом-источником и текстом-реципиентом возникает конфликт, на основе которого и создаётся комический эффект. На языковом уровне это находит отражение в постоянном использовании в пределах одного предложения или в непосредственно следующих друг за другом предложениях лексических единиц с различной стилистической окраской. Каждая библейская аллюзия или цитата содержит церковнославянскую лексику, которая обладает торжественной и возвышенной окраской. В пародиях на библейский текст аллюзии и цитаты приобретают новое лексическое окружение, и в частности, церковнославянская лексика заменяется бытовой лексикой, что приводит к конфликту модальностей и, как следствие, к созданию комического эффекта.

Ключевые слова: интертекстуальные включения, смеховая литература Древней Руси XVII в., комический эффект, модальность

Для цитирования: Петрушков И. В. Интертекстуальные включения как средство создания комического эффекта (на материале смеховой литературы Древней Руси XVII в.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 136–140. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-136-140>, EDN: QAKCEO
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Intertextual elements as a means of creating a comic effect (based on the 17th century Russian satires)

I. V. Petrushkov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Ilya V. Petrushkov, petrushkov.ilya@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8136-664X>

Abstract. This study aims to determine the role of intertextual elements in creating a comic effect in the 17th century Russian satires. Two novels representing the humorous literature of the 17th century Russia serve as the material of the research: *The Tale of Drunkard* and *The Tale of the Peasant's Son*. Medieval culture is based on Christianity with the biblical text at its core. Intertextual elements represented by biblical allusions and quotes are important elements in the plot and composition of the texts under research. The results of the analysis in terms of lexis and stylistics show that the comic effect created by intertextual elements is based on the contrast of modalities between the source and target texts, which is achieved due to the antithesis "heavenly/earthly". Despite the fact that the texts of the Bible have different artistic modalities, the episodes of the Old and New Testaments quoted in the texts in question do not possess satirical modality per se, which results in a conflict that develops between the target and the source texts, the comic effect being driven by this conflict. On the level of the language it is reflected in lexical units with different stylistic marking being constantly used within one sentence or in adjacent sentences. Each biblical allusion or quote contains Church Slavonic lexemes, which have solemn and sublime marking. In parodies on the biblical text allusions and quotes acquire new lexical environment, in particular, the Church Slavonic vocabulary is substituted by commonplace words, which leads to the conflict of modalities, and, consequently, creates a comic effect.

Keywords: intertextual elements, 17th century Russian satires, comic effect, modality

For citation: Petrushkov I. V. Intertextual elements as a means of creating a comic effect (based on the 17th century Russian satires). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 136–140 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-136-140>, EDN: QAKCEO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Современная лингвистика при изучении текста фокусируется не только на внутренних связях текста, но и на отношениях, которые возникают между разными текстами, т.е. на его внешних связях. Последние в настоящее время активно исследуются в рамках теории интертекстуальности [1, с. 351]. Интертекстуальные включения помогают автору перенести в свой текст идеи текста-источника и использовать их для выражения собственного художественного замысла. Использование интертекстуальных включений сопровождается переосмыслением текста-источника. Если текст-источник является значимым для культуры, то вариативность его переосмысления будет постоянно расширяться. Непрерывный процесс переосмысления текста обогащает культуру новыми идеями.

Целью статьи является изучение особенностей использования интертекстуальных включений в смеховой литературе Древней Руси XVII в. В этой связи кратко остановимся на некоторых чертах данного направления литературы и его культурно-историческом контексте.

Культура Средневековья основана на христианском учении, в центре которого стоит библейский текст. В течение долгого времени единственными носителями письменной культуры были богословски образованные книжники, поэтому Библия становится источником идей для создания литературных произведений. Смеховая литература Древней Руси XVII в. относится к литературе перехода от Средневековья к Новому

времени [2, с. 68]. Русская культура становится более светской, в литературу проникают элементы народной культуры и народного языка, мотивы и идеи библейского текста «демократизируются».

Авторы смеховой литературы обращаются к Библии как к прецедентному тексту и используют в своих произведениях интертекстуальные включения – библейские аллюзии и цитаты.

В «Повести о бражнике» встречаются имена библейских персонажей (апостолы Пётр и Павел, царь Давид, Соломон, Иоанн Богослов) и отсылки к библейским сюжетам (убийство Урии (2 Цар. XI), строительство Храма (2 Пар. III) и т.д.). Текст повести состоит из пяти небольших эпизодов, повторяющих друг друга. Каждый раз, когда бражник стучится в райские врата, ему навстречу выходит святой и между ними завязывается разговор. Само произведение уже интертекстуально по своему замыслу. Оно является ответом на цитату из Библии: «Ни воры, ни лихоимцы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют» (1 Кор. VI, 10). Но бражник решает поспорить и доказать, что он может занять своё место в раю.

Каждый святой говорит о своих заслугах перед Богом, и становится очевидным, каким образом святые проявили стойкую веру во Христа:

1) апостол Пётр: «Аз есмь Петр апостол, поручил мне господь ключи царства небеснаго» [3, с. 107]. Пётр получил ключи от Царства Небесного из рук Христа, потому что первым признал

свою веру в Иисуса как посланника Бога. Когда Иисус спросил своих учеников, за кого они его почитают, апостол Пётр ответил ему: «Ты – Христос, Сын Бога Живаго» (Мф. XVI, 16);

2) апостол Павел: «Аз есмь Павел апостол, крестил Ефиопскую землю» [3, с. 107]. Апостол Павел был избран Иисусом для распространения христианства среди язычников, когда Он явился ему на пути в Дамаск (Деян. XXVI, 17–18). Пётр и Павел в конце своей жизни приняли мученическую смерть в Риме и получили звание первоверховных апостолов;

3) царь Соломон: «Аз есмь царь Соломан Давидовичь, граде семь на дворе седить во святая святых» [3, с. 108]. Соломон – прославленный своей мудростью и богатствами царь Израиля, который во время своего царствования построил величественный храм Иегове, воздвигнутый им на г. Мориа (3 Цар. VIII, 13);

4) царь Давид: «Аз есмь царь Давид» [3, с. 108]. Давид – избранный самим Богом царь Израиля (1 Цар. XVI, 12), который одержал большое количество побед, перенёс ковчег Завета в Иерусалим (2 Цар. VI, 17) и который является автором псалмов;

5) Иоанн Богослов: «Аз есмь Иван Богослов» [3, с. 108]. Иоанн Богослов – апостол и евангелист, ученик Иоанна Крестителя, к нему одному относятся слова Евангелия: *ученик, которого любил Иисус* (Ин. XIX, 25–26) и *который возлежал у груди Иисуса* (Ин. XIII, 23, 25) [4, с. 297].

Святые поочередно отказывают бражнику в просьбе войти в рай. Ссылки на библейские сюжеты помогают бражнику аргументировать и свою точку зрения в споре со святыми. Тот напоминает каждому из святых его тяжкий проступок и ставит под сомнение его святость. Апостолу Петру бражник напоминает о его предательстве и отречении от Христа после суда первосвященников (Мф. XXVI, 69–74): «Господине Петр, помниши ли при распятии господни трижды Христа отвер(г)ся, аз же тебе не слезы могли, тебе не быть в раю?» [3, с. 107]. Апостолу Павлу бражник напоминает об убийстве первомученика Стефана и об его участии в гонении на Иерусалимскую церковь (Деян. VII, 53–60; VIII, 1–3): «Господине Павел, помъниши ли, коли тебе дана власть при Темире царе архиерей побивати веру Христову, и ты, господине, первомученика Стефана камением побил, о чемъ ты в раю?» [3, с. 107–108]. Соломону бражник напоминает о его браках с язычницами и строительстве жертвенников для языческих богов (3 Цар. XI, 5–8): «Господине царь Соломан, помниши ли ты, коли жены своя послужал, а идолом поклонился, Христа отвер[г]ся» [3, с. 108]. Давиду

бражник напоминает о том, как тот соблазнил жену своего воина, Урии Хеттеянина, и отправил его на войну, чтобы там его убили (2 Цар. XI, 4; XI, 14–17): «Помниши ли, послал слугу своего Уляна да велел его убити, а жену его взял к себе на постелю?» [3, с. 108].

Возвышенная речь святых о своих заслугах перед Богом прерывается речью бражника, который напоминает им об их грехах.

Таким образом, слова бражника вступают в конфликт с тем, что было сказано самими святыми, и их образы в контексте произведения становятся неоднозначными.

Бражник очень свободно, на равных разговаривает со святыми. Каждый раз, когда наступает его черёд говорить, он задаёт святому прямой вопрос, тем самым выражая сомнение в его праведности: «...о чемъ ты в раю?». Этот же вопрос он задаёт и царю Давиду. В обращении к нему он использует слова с выраженной негативно морально-этической оценкой: «Зачем ты в раю, бражник, прелюбодейца?» [3, с. 108]. Бражник забывает о том, что разговаривает со святыми, и ориентируется в библейской истории не хуже своих собеседников.

Хочется отдельно обратить внимание, что в тексте произведения царь Соломон приобретает отчество: «Аз есмь царь Соломан Давидовичь...» [3, с. 108]. Использование отчества приближает Соломона к другой культурной традиции.

Спор с апостолами Петром и Павлом и царём Давидом заканчивается одной и той же авторской фразой: «Петр апостол отиде, посрамлен бысть»; «Павел отиде посрамлен»; «И царь Давид отиде посрамлен» [3, с. 107–108]. Данные фразы указывают на победу бражника в споре, но также с помощью этих фраз происходит перестройка модальностей от одного эпизода к другому, повествование вновь становится возвышенным.

В последнем эпизоде к бражнику выходит Иоанн Богослов. И бражник не находит ничего в биографии апостола, что могло бы выставить его как грешника, поэтому он начинает упрекать Иоанна за его слова из Евангелия: «В том же во еуангелии ты же написал: аще ли друг друга возлюбим, а бог нас обоих соблюдет» (Ин. XIII, 34) [3, с. 108–109]. Бражник ставит его перед сложным выбором: «Либо ты, господине, слово свое из еуангелия вырежешь, или руки своя из еуангелия отпишися» [3, с. 109]. Если бы Иоанн Богослов отказал бражнику войти в рай, то это породило бы противоречие между его действиями и тем, что он написал в евангелии, поэтому он открывает бражнику райские врата: «Брат мой милый, поди к нам в рай» [3, с. 109].

В конце повести происходит последняя перестройка модальности, где серьёзно и спокойно говорится о том, что самое важное – это вера в Бога и разумность: «...богу молитесь..., не будете без ума, и вы наследницы будете царствию небесному и райския обители» [3, с. 109].

Другой тип интертекстуальных включений можно встретить в «Сказании о крестьянском сыне». Главный персонаж проникает на крестьянский двор, притворяется ангелом, крадёт всё, что плохо лежит, и уходит безнаказанным. В рамках произведения вор использует хорошо известные ему библейские цитаты в собственных корыстных интересах.

Первые высказывания крестьянского сына состоят из двух частей. Первая часть – это дословная или трансформированная цитата из Библии, а вторая часть – это пародия на цитату.

Когда вор оказывается перед воротами крестьянского двора, то он цитирует слова из Книги Бытия, с которых начинается всемирный потоп: «Отверзится, хляби небесныя...» [3, с. 110]. Полностью данный стих из Книги Бытия звучит следующим образом: «**Въ день той разверзашася вси источники бездны, и хляби небесныя шверзошася**» (Быт. VII, 11). Но в высказывании за дословной цитатой из Библии следует пародия на неё: «Отверзится, хляби небесныя, а нам врата крестьянская» [3, с. 110]. В пародии на цитату из Библии происходит замещение возвышенной лексики «хляби небесныя» бытовой лексикой «врата крестьянская». Согласно словарю древнего славянского языка, составленному по Остромирову Евангелию от 1899 г., слово «**хлябь**» означает «отверстие, водопад, шлюз» [5, с. 907]. В результате этого слово «**хляби**» теряет свой метафорический смысл, и цитата из Библии трансформируется семантически.

Когда вор попадает на крестьянский двор, то он произносит слова, которые предшествуют преображению Иисуса Христа: «Взыде Иисус на гору Фаворскую...» [3, с. 110]. В данном эпизоде из Библии рассказывается о том, как Моисей и Илия явились Иисусу, чтобы рассказать о его последних днях на земле, а голос небесный сказал Петру, Иакову и Иоанну, что этот человек – сын Бога. Но данная цитата не является дословной, и дословно данный стих из Евангелия звучит следующим образом: «**И по шести днѣхъ поатъ ииѣтъ петра и іакова и іоанна, и возведе ихъ на горѣ высокѣ ѡсобѣ единѣ: и превьразиса предъ ними**» (Мк. IX, 2). В тексте повести к данному эпизоду отсылает название горы (Фавор). Вторая часть высказывания представляет собой пародию на первую часть, где присутствует сопоставление восхождения Иисуса на гору Фавор и

крестьянского двора, куда проникает вор: «Взыде Иисус на гору Фаворскую со ученики своими, а я на двор крестьянскую с товарищи своими» [3, с. 110].

Когда вор проникает в дом крестьянина, то он вспоминает Елеонскую гору: «Взыде Иисус на гору Елеонскую помолитися...» [3, с. 110]. Елеонская гора неоднократно встречается в библейском тексте. Её название можно встретить в самых известных эпизодах Нового Завета: Иисус и женщина, уличённая в прелюбодейнии (Ин. VIII, 1), Признаки конца века (Мф. XXIV, 3) и т.д. Но данная цитата – это стих из Евангелия от Луки: «**Бысть же во дни тѣа изыде въ горѣ помолитиса: и бѣ ѡб ночь в мѣтвѣ бѣѣти**» (Лк. VI, 12). Елеонская гора – это ещё один значимый аллюзивный топоним. Он тесно связан с событием, которое произошло на горе: Иисус выбирает двенадцать учеников и называет их Апостолами. Во второй части высказывания происходит замещение «Елеонской горы» на «клеть крестьянскую»: «Взыде Иисус на гору Елеонскую помолитися, а я на клеть крестьянскую» [3, с. 110].

Выбор библейской цитаты зависит от действий главного персонажа. Когда крестьянский сын ворует одежду, то он произносит следующие слова: «Препоясываются Иисус лентием, а я крестьянские жены убрисом» [3, с. 111]. Данная цитата отсылает нас к Тайной вечери, когда Иисус взял полотенце и умыл ноги своим ученикам, чтобы показать пример бесконечной любви (Ин. XIII, 5). Дословно стих из Евангелия звучит следующим образом: «**воста ѿ вечери и положи ризы, и пріемь лентіонъ, преподасася**». В данном случае вместо церковнославянского слова «**лентіонъ**» используется разговорное слово «полотенце» [5, с. 364]. Затем крестьянский сын снова цитирует Евангелие: «Одеая светом, яко ризою, а я одеваюся крестьянскою новою шубою» [3, с. 111]. Данная цитата отсылает нас снова к преображению Иисуса Христа на горе Фавор: «**и превьразиса предъ ними и просвѣтиса лице бгѡ ѡакѡ солнце, ризы же бгѡ бѣша бѣлы ѡакѡ свѣтъ**» (Мф. XVII, 2). Здесь в пародируемой части вместо церковнославянского слова «**ризы**» используется общеупотребительное слово «шуба» [5, с. 733].

Каждая цитата содержит церковнославянскую лексику, которая обладает торжественной и возвышенной окраской, но в пародии на цитату она заменяется бытовой лексикой.

Когда крестьянский сын ворует еду, то его высказывания уже полностью состоят из дословных цитат: «Тело Христово примите, источника безсмертнаго вкусите» [3, с. 111]. Данная цитата

является строчкой из причастного стиха, которая произносится в конце Евхаристического канона. Когда крестьянский сын ворует пиво, то он цитирует Псалтырь: «Чашу спасения приму, имя господне призову. Алилуия» [3, с. 111]. Данная цитата – это также дословное воспроизведение стиха из Псалма 115.

Пародийный характер подобных нетрансформированных цитат становится очевидным благодаря использованию бытовой лексики в предшествующих предложениях: «И нашел на блюде калачь да рыбу и учал ясти, а сам рече: „Тело Христово приимите, источника бессмертного вкусите“» [3, с. 111]; «И нашел в оловенике пиво и учал пити, а сам рече: „Чашу спасения приму, имя господне призову. Алилуия“» [3, с. 111]. Таким образом, за счёт нового контекстного окружения трансформируется план содержания цитаты, в то время как её план выражения остаётся неизменным.

В связи с тем, что в анализируемых произведениях используется разная по своей стилистической окраске лексика, то появляется контраст, который служит основой для создания комического эффекта. В свою очередь, стилистическая окраска соотносится с определённым типом эстетической модальности (или модусом художественности). Отметим, что термин «модальность» сам по себе не однозначен. В данной статье под модальностью понимается тип художественной целостности произведения, актуализация определённого типа художественной реальности [2, с. 127–128; 6, с. 34]

Однако Библия – это собрание текстов, которые объединяются в единый контекст и отграничиваются от остальных текстов. Тексты, которые входят в Библию, обладают различными эстетическими модальностями, поэтому определить доминирующий тип художественной реальности в Библии представляется трудным. Но можно с уверенностью сказать, что цитируемые эпизоды Ветхого и Нового Заветов не обладают сатирической модальностью. Таким образом, между текстом-источником и текстом-реципиентом возникает конфликт, на основе которого и создаётся комический эффект.

В анализируемых древнерусских сатирических повестях используются основные способы создания комического эффекта – нелепость по-

ложений и остроумный ответ [7, с. 687], которые лингвистически реализуются за счёт контраста модальностей. Благодаря этому наличие в произведениях оппозиции «небесное – земное» или «духовное – светское» становится очевидным. Но данная оппозиция не просто присутствует, а она снимается в рамках произведения.

В «Повести о бражнике» главный персонаж спорит наравне со святыми, в контексте произведения нарушаются все иерархические отношения, бражник и святые меняются своими местами, словно действие происходит в мире, где всё наоборот.

В «Сказании о крестьянском сыне» вор притворяется ангелом, другим существом, он надевает маску, переодевается, «говорит он все божественные словеса» и нарушает границы оппозиции «небесное – земное».

Равенство участников, переодевание и маска относятся к типичным проявлениям карнаваль-ной культуры Средневековья, где словесные смеховые произведения являются одной из её форм [8, с.15, 18–19, 48].

Список литературы

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. ст. / науч. ред. П. Е. Бухаркин. СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999. 444 с.
2. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко. М. : Изд-во Кулагинской ; Intrada, 2008. 358 с.
3. Русская демократическая сатира XVII века / отв. ред. Д. С. Лихачев. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1954. 292 с.
4. Библейская энциклопедия / сост. Никифор, архимандрит; худ. Г. Доре. 3-е изд. М. : Локид-Пресс ; Рипол Классик, 2005. 768 с. (Библиотека энциклопедических словарей).
5. Словарь древнего славянского языка / изд-е А. С. Суворина. СПб. : Типография А. С. Суворина, 1899. 946 с.
6. Тюпа В. И. Анализ художественного текста : учеб. пособие. М. : Академия, 2009. 336 с.
7. История древнерусской литературы: Аналитическое пособие / отв. ред. А. С. Демин. М. : Языки славянских культур, 2008. 820 с.
8. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Художественная литература, 1990. 544 с.

Поступила в редакцию 24.07.2022; одобрена после рецензирования 16.09.2022; принята к публикации 30.01.2023

The article was submitted 24.07.2022; approved after reviewing 16.09.2022; accepted for publication 30.01.2023

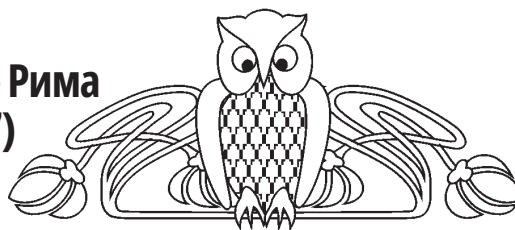
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 141–147
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 141–147
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-141-147>, EDN: NUNQMU

Научная статья

УДК 821.161.1.09-1+929Филимонов

Гастрономические зарисовки Древнего Рима в поэме В. С. Филимонова «Обед» (1837)

Ю. Г. Дорощеева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Дорощеева Юлия Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, grunaughen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1777-200X>

Аннотация. В статье рассматривается «Обед» (1837) В. С. Филимонова как литературно-гастрономическая поэма. Упоминаемые поэтом застольные блюда носят утилитарный характер, а также встраиваются в систему литературных отношений, становятся источником интертекстуальных связей и аллюзий. Герои В.С. Филимонова дегустируют не только и не столько подаваемые блюда и напитки, сколько саму жизнь: за вкусным обедом они утоляют голод долгожданных встреч надежных друзей, ведут полемические беседы, смакуют литературные новинки. В центре внимания исследования – древнеримская культура питания. Поэма «Обед» продолжает формирующуюся систему образов русской италианы 40-х гг. XIX в., но ее тематическое своеобразие позволяет В. С. Филимонову показать державность, вечность Рима с иной – бытовой – стороны. Выделено пять категорий, воссоздающих картину гастрономической жизни великой империи: крылатые фразы и латинские словосочетания; кулинарные блюда; имена и события; элементы быта и обычаи; цитаты из произведений римских авторов. Объектом исследования в данной статье стала первая категория – крылатые выражения и латинские словосочетания. Прослеживается трансформация выражений «*edimus ut vivamus, non vivimus ut edamus*», «*sub rosā*», «*in vino veritas*». Выдвигается предположение, что вероятным источником латинского выражения «*nubes exculenta*» для В. С. Филимонова являлся трактат французского политического деятеля Ж. А. Брийя-Саварена. На основе изучения кулинарных энциклопедий, словарей и поваренных книг XVIII–XXI вв. делается попытка установить, какие блюда входили в понятие «*nubes exculenta*» (съедобные облака). Поэма «Обед» сопоставляется с оригинальными текстами римских авторов – «Естественной историей» Плиния Старшего, трактатами Сенеки «О природе», «О блаженной жизни». Переводы латинских первоисточников сделаны автором статьи.

Ключевые слова: В. С. Филимонов, «Обед», Древний Рим, *sub rosā*, *in vino veritas*, *nubes exculenta*, Плиний Старший, Сенека, литература и гастрономия

Для цитирования: Дорощеева Ю. Г. Гастрономические зарисовки Древнего Рима в поэме В. С. Филимонова «Обед» (1837) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 141–147. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-141-147>, EDN: NUNQMU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Gastronomic accounts of the Ancient Rome in the poem *Dinner* by V. S. Filimonov (1837)

Yu. G. Dorofeeva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yulia G. Dorofeeva, grunaughen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1777-200X>

Abstract. The article considers *Dinner* by V. S. Filimonov (1837) as a literary and gastronomic poem. The dishes mentioned by the poet are not only of practical use, they are incorporated into the system of literary relationships, and become a source of intertextual connections and allusions. V. S. Filimonov's characters taste not only and not so much the dishes and drinks served; they rather taste life itself: over dinner they satisfy their hunger of long-expected meetings with true friends, have polemic conversations, relish literary novelties. The research focuses on the food culture of Ancient Rome. The poem *Dinner* follows the forming system of images of the Russian Italiana of the 1840s, but its thematic peculiarity allows V. S. Filimonov to show the power, the eternity of Rome from another point of view – the everyday one. Five categories, recreating the picture of the gastronomic life of the great empire, have been singled out: popular phrases and Latin expressions; culinary dishes; names and events; elements of everyday life and customs; quotes from the works of Roman authors. The object of research in this article is the first category: popular phrases and Latin expressions. A transformation of the expressions “*edimus ut vivamus*”, “*non vivimus ut edamus*”, “*sub rosā*”, “*in vino veritas*” can be traced. A probable source of the Latin expression “*nubes exculenta*” for V. S. Filimonov is assumed to be the treatise of a French political leader J. A. Brillat-Savarin. By studying the culinary encyclopedia, dictionaries and cookbooks of the 18–21st centuries, an attempt is made to identify the dishes included in the notion of “*nubes exculenta*” (edible clouds). The poem *Dinner* is compared to the original texts of the Roman authors – *Natural History* by Pliny the Elder, *On Nature*, *On the Blessed Life* by Seneca. The Latin sources have been translated by the author of the article.

Keywords: V. S. Filimonov, *Dinner*, Ancient Rome, *sub rosā*, *in vino veritas*, *nubes exculenta*, Pliny the Elder, Seneca, literature and gastronomy

For citation: Dorofeeva Yu. G. Gastronomic accounts of the Ancient Rome in the poem *Dinner* by V. S. Filimonov (1837). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 141–147 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-141-147>, EDN: NUNQMU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В феврале 2022 г. исполнилось 235 лет со дня рождения Владимира Сергеевича Филимонова (1787–1858), активного участника литературно-общественного процесса 1820-х гг., почетного члена Вольного общества любителей российской словесности, автора сатирической поэмы «Дурацкий колпак», эпикурейской поэмы «Обед» и обличающей крепостническую систему поэмы «Москва». До 1831 г. карьера Филимонова складывалась блестяще. Отмеченный двумя орденами за участие в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах, он был назначен на должность новгородского вице-губернатора, служил в Министерстве внутренних дел и Министерстве финансов, в чине действительного статского советника занимал пост архангельского губернатора. Параллельно с чиновничьей службой Филимонов писал стихи, повести, романы, басни, переводил Горация, Клопштока, Дроза, Монтеня, издавал журнал «Бабочка». Круг общения литератора составляли ключевые поэтические фигуры эпохи – Языков, Дельвиг, Батюшков, Баратынский, Жуковский, Вяземский, Крылов, Пушкин, Плетнев, Гнедич, Карамзин. Несмотря на активную литературную деятельность, на положительные отклики А. С. Пушкина, В. Г. Белинского, А. А. Бестужева и других современников, несмотря на близость с декабристами, антикрепостнические выпады и проекты о конституционной монархии, творческое наследие поэта не получило широкого и всестороннего изучения. Исследование репрезентативных произведений поэта представлено только в диссертации Л. Г. Лёнюшиной «Творчество В. С. Филимонова в литературном движении первой трети XIX века» (1985). В 1988 г. Л. Г. Лёнюшина стала составителем, автором предисловия и комментариев наиболее полного издания произведений поэта «Я не в Аркадии – в Москве рожден». В 2019 г. поэма «Обед» была переиздана с подзаголовком «гастрономическая поэма». Это неудивительно, так как начиная с 1980-х гг. она упоминается в различных кулинарных книгах, статьях, посвященных литературной гастрономии (С. Бородина, Е. В. Лыхина и Е. А. Селина, В. В. Похлебкин, Е. Г. Соколов, О. и П. Сюткины и др.).

Цитируемые исследователями отрывки «Обеда» определяются тематической направленностью публикаций, носят сугубо утилитарный характер: продемонстрировать красоч-

ность, обильность, национальное разнообразие и уникальность описанных Филимоновым яств и застолий. В. В. Похлебкин, обращаясь к тексту поэмы, отмечает, что поэт высмеивает два самых больших с кулинарной точки зрения порока – «пищевую несовместимость в составе ряда блюд» и «несовместимость ряда блюд и напитков в смысле их последовательности в еде» [1, с. 6]. Е. Г. Соколов называет книгу концептом еды, позитивной стратегией питания [2, с. 186–187]. Однако поэму Филимонова не стоит воспринимать как узкогастрономическую, она литературно-гастрономическая. Упомянутые блюда несут не только бытовое значение (а для нас уже значение историко-культурного факта). Зарисовки обедов, пиров – это встречи друзей, литературной братии:

Обед с друзьями в круговой:

В Обухове гостеприимном,
В углу близ Спаса в доме длинном;
Между Никитской и Тверской,
Где князь-поэт был Талиархом;
В саду где с Русским жил Плутархом;
Близ моста в полукружье дом... [3, с. 90].

Автор, выделяя курсивом географическое положение застольных встреч, подчеркивает их территориальную пестроту, хлебосольство хозяев: близ Спаса встречает гостей Е. Баратынский, между Никитской и Тверской – П. А. Вяземский, в саду Царицына – Н. М. Карамзин. Сочинители устраивают обеды в честь литературных кумиров – Делиля, Клопштока... Самыми типичными для обедов оказываются именно литературные баталии – о Горации, Байроне, Шиллере.

В. Э. Вацура пишет о встречах русских поэтов в 1828 г.: «Идет жизнь – лихорадочная, беспорядочная, жизнь дневная и ночная – у Перовского, у Филимонова, у Жуковского... Жизнь без оглядки, все как будто торопятся, словно чувствуют, что видятся в последний раз» [4, с. 103]. Обеды становятся дегустацией не только и не столько подаваемых блюд и напитков, сколько дегустацией самой жизни: за вкусным обедом утоляется голод долгожданных встреч надежных друзей, кипят бурные полемические беседы, смакуются литературные новинки.

Филимонов был радушным хозяином, о чем свидетельствуют воспоминания К. А. Полевого: «Особенно бывал он любезен за бутылкой хорошего вина, за медленным обедом, а это случалось почти каждый день у Филимонова <...>

Горацианские беседы их скоро произвели то, что Тимковский стал называть Николая Алексеевича [Полевого] юношею, а Филимонова *меценатом*, который лелеет дарования» [5, с. 382]. В воспоминании Полевого образ Филимонова выстраивается на аллюзиях античного Рима, что вполне соответствует и внутреннему мироощущению поэта, и его поведению, и его взглядам.

Тема Древнего Рима была близка Филимонову: он переводил оды Горация «К Леоконие» (I, IX), «К Квинту» (II, II), «К Деллию» (II, III), «К Лицинию» (II, X), «К Гросфу» (II, XVI), «Меценату» (IV, VII) и др. В 1840 г. в «Невском альбоме» было опубликовано его стихотворение «Рим – Москва», написанное абсолютно в духе своего времени и отражающее формирующуюся систему образов русской италианы 40-х гг. [6–10], рефлексующее о русской государственности (Москва – третий Рим). О. С. Крюкова в своей докторской диссертации «Архетипический образ Италии в русской литературе XIX века» отмечает традиционность римской географии («Колизей, Форум, Пантеон, Капитолий, “храм Петра”, Тибр») и хрестоматийность римской антропонимики (Брут, Катон, Нерон, Калигула и т.п.) [7, с. 12–13]. Тематическое своеобразие гастрономической поэмы «Обед» позволяет Филимонову показать державность, вечность, гордость Рима с новой – бытовой – стороны.

В поэме можно выделить несколько категорий, создающих картину культуры питания Римской империи: крылатые фразы и латинские словосочетания; кулинарные блюда; имена и события; элементы быта и обычаи; цитаты из произведений римских авторов. В данной статье рассматриваются крылатые фразы и латинские словосочетания.

Крылатое выражение «*Edimus ut vivamus, non vivimus ut edamus*» (мы едим, чтобы жить, а не живем, чтобы есть), иногда приписываемое римскому ритору Марку Фабию Квинтилиану, пришло в латинский язык из греческого и принадлежит Сократу. Философ не оставил после себя трудов, поэтому его изречения передаются учениками или древними историками философии. К последним относится Диоген Лаэртский, который описал отношение Сократа к еде, превратившееся в последствии в афоризм: «Он говаривал, что сам он ест, чтобы жить, а другие люди живут, чтобы есть» [11, с. 103]. Глагол *vivēre*, обозначающий физиологическое состояние, передает сократовский минимализм – существовать, быть живым (противоположность *potē* – быть мертвым), поддерживать организм питательными веществами для осуществления комплекса физических действий. Филимонов меняет афоризм:

Мы, в наше нравственное время,

Едим, чтоб жить, не с тем, чтоб спать [3, с. 77].

«Жить» для Филимонова – это наслаждаться жизнью, быть активным, деятельным, это противопоставление бездействию (спать, прозябать). Автор укоряет тех, кто вкушает пищу без должного наслаждения, почтения, кто не ведет душевных застольных бесед. Эти люди для него бездушные едоки.

Вторая часть латинской фразы «*non vivimus ut edamus*», несущая сему пресыщения, присутствует в поэме имплицитно и носит характер антитезы:

Мы пьем не с тем, чтоб упиваться,

Чтоб отуманивать наш ум;

Мы пьем, чтоб чувством наслаждаться,

Чтоб искрить пену светлых дум [3, с. 77].

Употребление горячительных напитков, согласно Филимонову, не должно быть чрезмерным, вести к опьянению и дурным поступкам. Оно должно лишь пробудить в обедающих интерес к беседе, направить разговор в нужное русло, натолкнуть на светлые воспоминания, зародить искру надежды. Пить не возбраняется – ведь «сам Клопшток великий пил» [3, с. 117], – но нужно соблюдать определенные правила. В «Обеденном уставе», третьей части поэмы, автор говорит, что поэзию вина составляют три тайны: «*в пору подавать*», «*уметь налить*» вино и «его *Горациански пить*» [3, с. 75]. Филимонов противопоставляет современную русскую культуру винопития древним греческой и римской. Несмотря на то, что древние пили лукавое (разбавленное) вино,

Их хмель был хмель сердитый, рьяный,

А наш лишь сердце веселит;

У них молчал безгрешно пьяный,

У нас и пьяный говорит [3, с. 17].

В двух последних строках, возможно, скрываются такие классические выражения, как «*sub rosā (dictum)*» и «*in vino veritas*». Древний римлянин, оказавшийся на пиру, даже не замышляющий ничего дурного (безгрешно пьяный), вынужден молчать в смутные времена краткосрочных правлений императоров, чтобы не оказаться неверно истолкованным. Услышанное им под розой должно оставаться неразглашенным, тайным.

Inde rosam mensis hospes suspendit amicis

Convivae ut sub ea dicta tacenda sciant [12, с. 97].

«Во время дружеского обеда хозяин подвешивает розу, чтобы гости знали, что сказанное под ней не нужно предавать огласке». Однако вино делает человека словоохотливым, и для охмелевшего выбалтывать секреты, сокровен-

ные мысли – обычное дело. Именно этот смысл имеет выражение «in vino veritas», которое первыми употребляют греческий лирик Алкей и римский историк Плиний Старший [13, с. 143]. В «Естественной истории» ученый рассуждает о воздействии вина на человека: «Так вина черпают себя из жажды наслаждений, и она даже поощряется в качестве награды опьянением, и, если угодно богам, окупается. Один столько выпивает, сколько съедает, как правило, возмездием становится пьянство, другой сколько ищет чего-либо, столько и пьет. Тогда жадные глаза оценивают матрону, отяжелевшим взглядом он смотрит на мужа, тогда раскрываются секреты души. Третьи оглашают свои завещания, четвертые губительно болтают, готовые вырваться из глотки голоса не сдерживаются, хотя многие были уничтожены из-за этого; как говорит народ – истина в вине» [14, Lib. XIV, р. 36–37]. Интересно, что у слова *attributio* есть в том числе значение «предписание о выдаче денег», а однокоренное *attributum* – это «деньги, ассигнованные из государственной казны» [15, с. 89]. Прилагательное *mortifer* (смертельный, губительный, смертоносный) и существительное *attributio* создают атмосферу доносов, связывая «in vino veritas» с «*sub rosa*» политическими ниточками. Филимонов убирает весь политический подтекст латинских выражений. Он прославляет философию вина, указывает на предназначение каждого напитка: мадера лечит, бархатный лафит тихо веселит душу, Йоханнисбергер дарит надежду и т.д.

Другое латинское выражение, встречающееся в поэме, *nubes exculenta* (*nubes, is f* – облако, туча; *esculentus, a, um* – съедобный, годный в пищу) – съедобные облака:

От Мецената до Клиента,
В гостях вспыхает прежний жар.
Вот блюда: *Nubes exculenta*,
Вот блюда, легкие, как пар;
Оне от прочих блюд отличны:
Легко их пряность небу льстит,
Оне в нас будят аппетит;
И послевкусья яств различных
Их впечатлений разных след,
Оне в нас нежно улаждая,
Рот благовоньем наполняя,
Усовершенствуют весь обед [3, с. 140].

Какие кушанья следует понимать под *nubes exculenta*? Десерт (легкие, как пар) или закуски (будят аппетит)? В словарях, поваренных книгах, кулинарных энциклопедиях XVIII–XXI вв. нам не удалось найти какого-либо определения или упоминания латинского словосочетания. Во французской кухне есть рецепт с названием

«Съедобные облака» («*Nuages comestibles*»), представляющее собой запеченные при 350° взбитые с сахаром яйца. В России в XIX в. бытовало интересное название безе – «испанский ветер», что можно узнать со слов героев И. С. Тургенева [16, с. 74] и М. Е. Салтыкова-Щедрина [17, с. 486]. Выражение *nubes exculenta* встречается в сочинении французского юриста, политического деятеля Ж. А. Брийя-Саварена «Физиология вкуса» (1825). Книга была очень популярна, а ее автора французы возвели в ранг непревзойденного гурмана, дегустатора, эталонного кулинарного критика – именно в такой ипостаси он упоминается О. Бальзаком в «Шагреневои коже» [18, с. 379]. Трудно представить, что Филимонов не был знаком с сочинением Брийя-Саварена. Лозунг последнего – «Те, кто объедается или напивается, не умеют ни пить, ни есть» [19, с. 2] – созвучен главной идеи «Обеда».

Если следовать композиционному построению поэмы, то *nubes esculenta* – это десертные блюда, так как употребление выражения приходится на конец описания Большого пира. В следующей строфе перечисляются сладости: марципаны, мармелад, безе, кремы, желе, бланманже и пр. Это десерт в нашем современном понимании. Для человека XIX в. это отдельная кулинарная категория – легкие, как пар, взбитые, как облака (*nubes esculenta*), возбуждающие аппетит перед десертом – фруктами, ягодами, мороженым, орехами. Следует отметить, что определения слова «десерт» разнятся: одни объединяют плоды и сладкую выпечку, другие нет. В издании 1795 г. читаем: «Десерт есть третья перемена стола, состоящая обыкновенно из плодов вареных и сырых, конфет, сахарных пирожных, глассированных или облитых стекловидным сахаром сыров» [20, с. 89]. Однако В. Левшин в «Народной поварне», в издании этого же года, печатает «Словарь поваренный <...> пирожного, десертов, варений, салатов...», разделяя пирожные и фрукты. Следует не забывать, что одним и тем же словом можно обозначить разные по вкусу блюда. В начале XIX в. (как, впрочем, и сейчас) макаронами назывались и сахарные лепешечки, и мелкая лапша. Поэтому, предлагая рецепт макаронника или лапшевника, автор поваренной книги подчеркивал, что под макаронами в данном рецепте подразумеваются не миндально-сахарные изделия, а мелко крошенная сушеная лапша из чужих краев, продаваемая в овощных лавках [21, с. 379]. Лапшевники представляли собой отварные макароны, залитые взбитыми с мускатом яйцами, толсто посыпанные тертым сыром и сверху и снизу запеченные горящим углем. «Амулет есть не что иное, как пирожное кушанье из од-

них яиц, и с одну сторону печеное» [21, с. 381], которое по приготовлении сверху поливалось, например, уштофанным хмелем. Этот взвар (соус) готовился путем смешивания молодого хмеля с тертым калачом, солью, мясным супом или сладким ромом [21, с. 381]. Таким образом, лапшанник с шапкой каравая и *omlettes a la Nohilles soufflets*, упоминаемые в «Обеде», – это пряные пирожные, и «их пряность небу льстит». Фелимонов не случайно пишет русскую поэму о мировой кулинарии. Ко времени написания «Обеда» русский стол, сохраняя старинные традиционные блюда, щедро включает европейские новшества. Русское слово «заедки» вытесняется французским «десерт», но культура подачи сохраняется прежняя – десерт подается в начале трапезы [22, с. 487]. Обращает на себя внимание глагол «усовершенствовать» – совершенствовать, улучшать. Съедобные облака усовершенствуют весь обед, т. е. присутствуют на столе при всех переменах.

В таком случае возникает вопрос: почему Фелимонов говорит о *nubes esculenta* не в начале, а на последних страницах поэмы, упоминая их после жаркого, перед фруктами? Зачем нужна латинизация словосочетания? Здесь читатель сталкивается с литературной маркированностью, кодировкой, многоуровневой интертекстуальностью. Брийя-Саварен писал: «Утонченность наших нравов не нуждается в рвотном римлян; но мы превзошли их и приличными путями достигли той же цели. Изобретены столь привлекательные кушанья, что они всегда снова возбуждают аппетит, но притом так легки, что ласкают вкус, не обременяя желудка. Сенека назвал бы их: *nubes esculenta* (съедобные облака)» [23]. Вероятно, именно у французского профессора Фелимонов заимствует латинское выражение. Иерархия присутствующих на Большом обеде обозначена римскими антропонимами: начиная строфу словами «от Мецената до Клиента», Фелимонов напоминает о богатых устроителях римских пиров и широкой аудитории приглашенных, тем самым отсылая к произведениям Горация, Сенеки, Марциала, Ювенала и других классиков. Употребляя выражение *nubes esculenta* (выделив его курсивом), он сужает круг литературных имен через Брийя-Саварена до одного имени, Сенеки.

Сенека Младший в «*Quaestiones Naturales*» («О природе», дословно «Естественнонаучные исследования») помещает трактат «*De nubibus*» («Об облаках»). В нем метеорологические наблюдения перемежаются с мировоззренческими, этическими. Философ подшучивает над оду-

шевением облаков, представлением о них как о сильных божествах, милостиво принимающих жертвоприношения для предотвращения града: «Мало того, каждый за себя приносил в жертву кто ягненка, кто цыпленка: тотчас, отведав той или иной крови, те облака удалялись в другую сторону <...> Тот, у кого не было ни ягненка, ни цыпленка, чтобы можно было избежать потерь, налагал на себя руки, ты не ослышался, но не думай, что облака безжалостны, [этот человек] прокалывал свой палец хорошо заостренной металлической палочкой, эта кровь и являлась жертвоприношением» [24, Lib. IV, 6, 2–3]. Образ грозной тяжелой тучи, пожирающей стадо ягнят, развеивается насмешкой Сенеки, превращаясь в легкое облачко. Так и у Фелимонова блюда, поглощаемые гостями одно за другим, не обременяют их желудки: *nubes esculenta* рассеивают тяжесть.

Затем веселая шутливость Сенеки над невежеством древних греков сменяется язвительными, гневными выпадами и упреками. Он размышляет о практическом применении облаков: порождаемые ими осадки (лед, снег) используются богатыми римлянами для успокоения утомленных обжорством внутренних органов. «Причина [жажды] состоит в том, что нет промежутков времени, чтобы они [богатые пирующие] останавливались: так непрерывно продолжающиеся до рассвета обеды перетекают в завтраки, и пестрое изобилие пожираемых кушаний погружается все глубже, и внутренности становятся переполненными; наконец, из-за непрекращающейся невоздержанности все, что было в душе, выкипело, пришло в бешенство и часто жаждет нового холода. Поэтому, повторяю, что они настоятельно требуют не снега, а именно льда» [24, Lib. IV, 13, 6–8]. Порождение воздушных облаков – осадки (лёд) – становятся неотъемлемой частью затянувшихся обедов. Охлаждая внутренности, лёд продлевает время пира.

О гастрономических издержках и разнузданности Сенека размышляет и в других сочинениях. При этом читатель узнает о культуре подачи блюд того времени. В философском трактате «*Ad Gallionem de vita beata*» («О блаженной жизни») Сенека упоминает должность нарезателя закусок: «Почему у тебя заведено искусство прислуживать по порядку и тебе хочется, чтобы серебро поставили искусно и чтобы кто-нибудь был распорядителем, разрезающим закуски» [25, Cap. XVII, 2]. Т. Ю. Бородай переводит словосочетание *scindendi obsonii magister* как «отдельная должность нарезателя закусок»

[26]. Многоуровневая интертекстуальность отсылает нас от Сенеки к Петронию и Ювеналу. У Петрония человек, исполняющий те же обязанности, назван *scissor*, у Ювенала – *carptor* [27, р. 46]. Исходя из особенностей римских пиршеств, в качестве *nubes esculenta* для древних едоков выступали закуски, при этом они подавались в течение всего обеда. Таким образом, филимоновские съедобные облака выполняют роль римских закусок.

Поэму «Обед» Филимонов пишет в Нарве, будучи в ссылке и в забвении, на грани нищеты, ослепший, болеющий водянкой. Тем более произведение поражает жизнерадостностью, увлекает живописностью и сочностью гастрономических образов. Многие из них имеют литературные корни, воссоздают литературную кулинарную географию, выстраивают системы аллюзий европейских древних – греческой (Гомер) и римской (Гораций, Катон), и новых литератур – французской (Бальзак, Сю), английской (Оссиан), немецкой (Клопшток). Гастрономические зарисовки Древнего Рима занимают особое место, каждая из выделенных категорий заслуживает отдельного рассмотрения. Кулинарные блюда (кабан, салат, макароны, гораццианское распитие вина), имена и события (Лукулл, Катон, Талиарх, Гораций, пир Антония и Клеопатры), элементы быта и обычаи (клиенты, одаривание гостей подарками) – все они литературоцентричны.

Поэма Филимонова – это философия обеда, культуры питания. Автор призывает научиться получать удовольствие от любого угощения, дружеской беседы, возникающей во время застолья. Неслучайно в финале поэмы звучат слова Марциала: «*Nos est vivere bis, vita posse priore frui*» – уметь наслаждаться прожитой жизнью, значит жить дважды.

Список литературы

1. Похлебкин В. В. Моя кухня и мое меню. М. : Центрполиграф, 2004. 466 с.
2. Соколов Е. Г. «Гастрономическая» поэма В. Филимонова «Обед» и / или турецкие сериалы // Вперед, мечта... От стихии современного информационного общества к горизонтам общества знания : сб. науч. ст. / под ред. К. С. Пигрова. СПб. : ООО «Книжный дом», 2019. С. 185–194. <https://doi.org/10.25807/RVN.978.5.94777.430.6.185.194>
3. Филимонов В. Обед. СПб. : Тип. Л. Снегирева и К°, 1837. 146 с.
4. Вацура В. Э. Избранные труды. М. : Языки славянской культуры, 2004. 824 с.
5. Полевой К. А. Воспоминания // Филимонов В. С. «Я не в Аркадии – в Москве рожден...»: Поэмы. Стихотворения. Басни. Переводы. Материалы к биографии В. С. Филимонова. М. : Московский рабочий, 1988. С. 382–383.
6. Пожидаева Н. В. Итальянская тема в поэзии Ф. И. Тютчева и А. Н. Майкова : дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2005. 212 с.
7. Крюкова О. С. Архетипический образ Италии в русской литературе XIX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 44 с.
8. Любжин А. Римская литература в России в XVIII – начале XX века: Приложение к «Истории римской литературы» М. фон Альбрехта. М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2007. 222 с.
9. Образы Италии в русской словесности: По итогам Второй международной научной конференции Международного научно-исследовательского центра «Russia – Italia» – «Россия – Италия» (Томск – Новосибирск, 1–7 июня 2009 г.) / ред. О. Б. Лебедева, Т. И. Печерская. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2011. 664 с.
10. Янушкевич А. С. «Прочтение» и изображение мифического Рима в русской поэзии 1800–1840-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 5 (25). С. 98–115.
11. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / ред. тома и авт. вступ. ст. А. Ф. Лосев; пер. М. Л. Гаспарова. М. : Мысль, 1986. 571 с. (Философское наследие. Т. 99).
12. Шевченко Г. И. De aeterno vivis sententiis // Studia philologica : зб. навук. арт. / пад рэд. Г. І. Шаўчэнка, К. А. Тананушкі ; рэдкал.: А. В. Гарнік [і інш.]. Вып. 8. Мінск : БДУ, 2015. С. 96–104.
13. Овруцкий Н. О. Крылатые латинские выражения в литературе. М. : Просвещение, 1969. 350 с.
14. C. Plinii Secundi. Naturalis historiae libri XXXVII. Recognovit et varietatem lectionis ADIECIT IULIUS SILLIG. Vol. III. Lipsiae, Sumptibus B. G. Teubneri, MDCCCXXXIV. Liber XIV–XXII. 488 p.
15. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь : около 50 000 слов. 4-е изд., стер. М. : Русский язык, 1996. 844 с.
16. Тургенев И. С. Мой сосед Радилов // Тургенев И. С. Соч. : в 3 т. Т. 1. М. : Художественная литература, 1988. С. 50–57.
17. Салтыков-Щедрин М. Е. Круглый год // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. : в 20 т. Т. 13. М. : Художественная литература, 1972. С. 407–562.
18. Бальзак О. Собр. соч. : в 24 т. Т. 18. М. : Правда, 1960. 608 с.
19. Брийя-Саварен Ж. А. Физиология вкуса. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=740806&p=1> (дата обращения: 07.08.2022).
20. Новый совершенный российский повар и кондитер, или Подробный поваренный и кондитерский словарь : в 2 ч. : Ч. 2 (с буквы «К»). СПб. :

- На коште Т. Полежаева, 1795. 220, 164; 293–884 с.
21. Новая полная поваренная книга : Состоящая из 710 правил, по которым всякой может с лучшим вкусом желаемя кушанья готовить, также садовые и огородныя плоды сушить и другими способами в прок запасать. СПб. : Типография Ив. Глазунова, 1808. 456 с.
22. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь : в 86 т. Т. 10А (20) : Десмургия–Домициан. СПб. : Типо-литография И. А. Ефрона, 1893. С. 481–964.
23. Лаврентьева Е. В. Культура застолья начала XIX века. URL: <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Lavrentieva/Vest-10.htm> (дата обращения: 20.08.2021).
24. L. Annaei Senecae Quaestiones naturales. Liber IV. De Nili incremento. URL: <https://www.thelatinlibrary.com/sen/sen.qn4.shtml> (дата обращения: 21.08.2022).
25. L. Annaei Senecae Ad Gallionem de vitā beatā. URL: <https://www.thelatinlibrary.com/sen/sen.vita.shtml> (дата обращения: 12.09.2022).
26. Сенека Л. А. Философские трактаты / пер. с лат., вступ. ст., коммент. Т. Ю. Бородай. СПб. : Алетейя, 2001. 400 с. (Античная библиотека. Античная философия).
27. Riddle J. E. A complete English-Latin Dictionary; for the use of colleges and schools. London : Longman, 1838. 312 p.

Поступила в редакцию 08.11.2022; одобрена после рецензирования 24.12.2022; принята к публикации 30.01.2023
The article was submitted 08.11.2022; approved after reviewing 24.12.2022; accepted for publication 30.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 148–153

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 148–153

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-148-153>, EDN: LUCUWF

Научная статья

УДК 821.161.1.09-2+929Чехов

«Быть» и «казаться»: смысловое измерение жизни в пьесе А. П. Чехова «Иванов»

Ю. В. Воронина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Воронина Юлия Владимировна, аспирант кафедры истории русской литературы, julvoronina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9674-4204>

Аннотация. Цель исследования – рассмотреть философские и социальные аспекты ранней пьесы А. П. Чехова «Иванов», проанализировать соотношение реальности и иллюзии в смысловом измерении жизни персонажей. Мы говорим о «борьбе против борьбы за существование», упоминаемой ещё К. А. Тимирязевым, о потере ключевой цели при столкновении надежд героев и окружающей действительности. Категории «быть» и «казаться», исследуемые нами, играют значительную роль в жизни персонажей. Кажимость выходит и за пределы произведения. Так, герои много говорят о деньгах, но денежное измерение не является ведущим в движении сюжета, а лишь кажется таковым. Речь идёт о долгах, о векселях, счетах в банке, но в реальности персонажи испытывают недостаток средств. Иными словами, деньги царствуют, но не правят, находясь только в иллюзорном измерении, но и там они выполняют анти-дарвиновскую функцию в нравственном и физическом здоровье персонажей. Особое место уделено анализу неопределённости положения и абсурдности поведения главного героя. Иванов стонет под тяжестью бытовых проблем, но как только трудности могут быть устранены, он оказывается неспособным продолжать жить. Выход из поля неопределённости бытия становится для героя фатальным. Анализируя произведение, мы приходим к выводу, что не только Иванов мечется и не может найти смысл своего существования, но и другие персонажи не понимают, кем им быть, а кем казаться. Обретение себя оказывается для главного героя смертельным, а все остальные остаются между бытием и кажимостью, между жизнью для себя и жизнью для других. Последний альтруистический вариант выбирают ключевые женские персонажи пьесы. Эволюция наоборот, крушение надежд и иллюзий, имеет определённые параллели с философией А. Шопенгауэра, А. Камю, Е. Н. Трубецкого.

Ключевые слова: категории «быть» и «казаться», эгоизм, альтруизм, действительность, иллюзия, смысловое измерение

Для цитирования: Воронина Ю. В. «Быть» и «казаться»: смысловое измерение жизни в пьесе А. П. Чехова «Иванов» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 148–153. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-148-153>, EDN: LUCUWF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“To be” and “to seem”: The semantic dimension of life in the play *Ivanov* by A. P. Chekhov

Yu. V. Voronina

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Yulia V. Voronina, julvoronina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9674-4204>

Abstract. The purpose of the study is to consider the philosophical and social aspects of the early play by A. P. Chekhov *Ivanov*, to analyze the relationship between reality and illusion in the semantic dimension of the characters' lives. We are talking about the “struggle against the struggle for existence”, mentioned by K. A. Timiryazev, about the loss of the key goal in the clash of the heroes' hopes and the surrounding reality. The categories of “to be” and “to seem” under study play a significant role in the life of the characters. Seeming to be transcends the limits of the work. Thus, the characters talk a lot about money; however, the monetary dimension is not the leading one in the movement of the plot, it only seems to be so. Debts, promissory notes, bank accounts are talked about, but in reality the characters lack funds. In other words, money reigns, but does not rule, being only in an illusory dimension, but even there it performs an anti-Darwinian function in the moral and physical health of the characters. A special place is given to the analysis of the uncertainty of the situation and the absurdity of the behavior of the protagonist. Ivanov groans under the weight of domestic problems, but as soon as the difficulties can be eliminated, he is unable to continue living. The departure from the field of the uncertainty of existence becomes fatal for the hero. Analyzing the work, we come to the conclusion that Ivanov is not the only one rushing about being unable to find the meaning of his existence, other characters similarly do not understand what they should be and what they should appear or to be. Finding oneself turns out to be fatal for the protagonist, while all the

other characters remain between being and seeming, between living for themselves and living for others. The last altruistic option is chosen by the key female characters of the play. A backward evolution, the collapse of hopes and illusions, has certain parallels with the philosophy of A. Schopenhauer, A. Camus, E. N. Trubetskoy.

Keywords: categories “to be” and “to seem”, selfishness, altruism, reality, illusion, semantic dimension

For citation: Voronina Yu. V. “To be” and “to seem”: The semantic dimension of life in the play *Ivanov* by A. P. Chekhov. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 148–153 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-148-153>, EDN: LUCUWF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Оценка философского и мировоззренческого потенциала творчества А. П. Чехова с самого появления его произведений была переменной величиной: от полного нуля до бесконечности. Амплитуду колебаний оценок начала XX в. зафиксировал С. И. Сухих, сопоставив название работы С. Н. Булгакова «Чехов как мыслитель» и реакцию на неё М. Неведомского: «Чехов совершенно не был мыслителем» [1, с. 303]. Ярче всего это выразил Л. Шестов, назвавший сочинения Чехова «творчеством из ничего», совместив таким образом пренебрежительную оценку с божественным видом создания мира из ничего или с гипотезой современной физики происхождения Вселенной из некоторого отрицательного давления вакуума. Впрочем, это не помешало ему отметить, что «А. П. Чехов умеет очень хорошо изложить систему, даже несколько систем мировоззрения» [2, с. 102]. Плотность философской проблематики чеховского героя «Чайки» вопросительно оценил современный исследователь: «Драматург Треплев сочинил ультрафилософский текст – но как принять его всерьез в этом качестве? Он пародийно перегружен обрывками всяческой мировой философии» [3, с. 148].

В пьесе «Иванов» мы без труда можем заметить и элементы эволюционной теории Дарвина, проецируемые на человеческое общество, и метафизическую волю Шопенгауэра, поражающую своего носителя, и предвосхищение экзистенциализма А. Камю, но все они кульминируют в утрате смыслового измерения жизни, как в реальном, так и в иллюзорном его аспекте. Пьеса известна в двух жанровых редакциях: комедии 1887 и драмы 1889 гг. Элементы социал-дарвинизма в них присутствуют, но частично оказываются перевернутыми. Говоря словами К. А. Тимирязева, герои весьма успешно ведут «борьбу против борьбы за существование» [4, с. 596]. В. Б. Шкловский дал такое определение основной теме Чехова: «...это экология. Это человек в мире, им истребляемом» [5, с. 63]. К его словам можно добавить, что это ещё и человек, часто занимающийся истреблением других и самого себя, сознательно или бессознательно.

Это затрагивает как главных, так и второстепенных персонажей. Мы видим акцизного Косых, почти полностью ушедшего в вирту-

альный мир карточной игры, подкаблучника Лебедева, ищущего утешение в винопитии, его жену, миллионершу Зинаиду Савишну, морящую голодом гостей, приглашённых на день рождения дочери, старика Шабельского, не думающего о последствиях для своего здоровья в планировании обмена графского титула на деньги богатой вдовы, неизлечимо больную еврейку Сарру, в православии Анну Петровну, желающую кувыряться в сене, поступать наперекор предписанию доктора. В обоих вариантах – и драматическом, и комическом – денежное измерение жизни кажется господствующим для большинства персонажей, тесня ценности любви, добра и правды, но не оно определяет движение сюжета, а нечто ему противостоящее.

И вот ещё одна странность. В комедии сын фабриканта Дудкина, человек, надо полагать, не бедный, произносит своего рода приговор доминанте общественного порядка: «Я так понимаю, ежели который человек нажил капитал, тому самое лучшее дело – купить револьвер, выстрелить и аминь...» [6, с. 236]. Конечно, это шутка, оговорка, но она звучит приговором русскому капитализму. Лучшим вложением капитала оказывается самоустранение его хозяина. В драме вместо Дудкина действует 3-й гость, который говорит о трудностях вложения капитала, но до самоубийства его хозяина не договаривается. И это понятно, иначе возникла бы параллель с самоубийством героя в финале драмы, тогда как в комедии герой попросту умирает, доведённый до смерти сложившимися обстоятельствами. В драме же упрёк Саше главный герой переносит на всех женщин, совершающих антидарвинистский выбор: «По вашей милости на свете скоро будут рождаться одни только нытики и психопаты» [6, с. 58]. Но сам-то он полностью игнорирует борьбу за выживание, и если следовать его примеру, то финал истории человечества будет самым плачевным. Но перед выстрелом в себя герой успевает объявить, что вернулся к своей молодости, к решительным делам и поступкам. Полнота жизни оказывается тем самым немедленной смертью ($A = \text{не-}A$), что заставляет нас вспомнить идеи метемпсихоза. Возвращение героя в ничто выражает, говоря словами К. Чуковского, и тему самой эпохи – «борьбу человеческой воли с безволием» [7, с. 64].

В работе «Мир как воля и представление» А. Шопенгауэр акцентирует драматизм прозрения человека, когда он «удивляется и выходит из себя» [8, т. 1, с. 64]. В нашем случае этот выход оказывается смертельным. Как полагает Э. Полоцкая, «в такой смерти, заключающей жизнь ни ангела, ни злодея, но человека, который причинял другим страдания и сам страдал, есть момент произвола, а значит и оценки» [9, с. 110]. Будучи раздвоенным человеком, пока герой осознавал своё промежуточное положение между ангелом и злодеем, Саррой и Сашей, деньгами и симпатией, он сохранял и жизнь. Интуитивно он осознаёт, что может держаться только в поле неопределённости. Он должен, как и доктор Львов, скрывать от жены, что она неизлечимо больна.

Сам Иванов великолепно чувствует необходимость быстрых колебаний между своим домом и пребыванием в гостях. Приехав на вечер к Лебедевым, он почти сейчас же собирается уезжать, но затевает разговор с Зинаидой Савишной о векселе, а потом снова вступает в объяснения с Сашей. Неопределённость спасительна и для Сарры. Пока героиня лишь подозревает Иванова в увлечении другими женщинами, она спокойно отпускает мужа в гости. Но желание непременно знать, чем же занимается муж во время своих визитов к Лебедевым, приводит её, вопреки запретам Иванова и доктора, к вредной поездке в гости. Во время визита к Лебедевым Сарра отмечает сходство доктора и мужа, а разницу видит в том, что Иванов, при всей критике окружающего общества, способен к примирению с ним. Кумир пока ещё остаётся кумиром, доктор похож и не похож на мужа. Сходство оппонентов усиливается тем, что оба они равным образом способствуют скорому уходу женщины из жизни. Доктор тем, что привёз ее на день рождения Саши, а Иванов тем, что не позволил ей сопровождать себя. Доктор Львов не догадывается, что своей непоколебимой честностью он отнюдь не лечит, а вместе с порицаемым им Ивановым губит Анну Петровну. Губит, отступая от своих непререкаемых медицинских правил, привозя её на вечер к Лебедевым как раз в тот момент, когда идёт объяснение между Ивановым и Сашей.

Кстати, сама Саша тоже мечется между собственным домом и усадьбой избранника. Явившись к Иванову с ответным визитом, лишь бы осведомиться о его здоровье, она проходит чёрным ходом и собирается сейчас же уезжать, но задерживается на несколько минут, и Анна Петровна узнаёт о её приезде. Этот второй удар приводит к крушению авторитета мужа. Кумир повержен. Часть превращается в целое. Теперь Анна Петровна убеждена, что муж всегда обманывал её. Желание знать цель визита гости

приводит к тому, что Иванов сообщает жене о её скорой смерти, тем самым выводя её из неведения о своей болезни и приближая её конец.

Реальное движение событий у Чехова часто опережают случайная оговорка, иллюзия, призрачная тень того, что осуществится в будущем. По замечанию Т. К. Шах-Азизовой, «некая предопределённость пронизывает всю ткань его пьес, давая о себе знать во множестве мелочей, в случайно оброненных репликах, в тех внезапных подвохах, которые Судьба поминутно устраивает его героям» [10, с. 272]. Мнимая смерть надвигается на героя в самом начале пьесы, когда управляющий имением Боркин шутит, направляя ему в лицо ствол ружья. Смысловое измерение жизни этого шутника, весельчака и лежца – самые разнообразные проекты обогащения и постоянное враньё. Он готов вступить за честь патрона, но в то же время распространяет о нём самые безобразные слухи, это ложный друг, и поэтому в его шутке есть отголосок истины. «Психопатом и нюней» называет он главного героя, но сам недалеко ушёл от этого состояния. Однажды он сочиняет байку о том, что хозяин имения закупил скот, застраховал его, а потом заразил животных болезнью и получил страховые деньги. Разоблачённый в обмане, он две недели просит прощения у Иванова, но его сплетне окружающие люди охотно продолжают верить, поскольку она в духе денежного измерения жизни. Боркин – своего рода душа общества, новое воплощение Хлестакова. Анализируя гоголевскую пьесу, М. Я. Поляков пишет: «...мотив всеобщности обмана, концепция алогичности всех общественных отношений, двойственности нравственных основ определяет все уровни пьесы от языкового до идейно-композиционного» [11, с. 92]. У героев Чехова к обману добавляется и самообман. Но мысли Боркина в своём кажущемся измерении забегают далеко вперёд, и идея будущей экономической и быстрой биологической войны тоже озвучивается его устами: «Собрал бы со всего государства собак, привил бы им пастёровский яд в хорошей дозе и пустил бы в неприятельскую страну. Все враги перебесились бы у меня через месяц» [6, с. 58]. Граф Шабельский, промотавший своё состояние и живущий в нахлебниках у Иванова, в молодости играл роль Чацкого, но не мог в открытую разоблачать воров и мошенников. Он всегда оговаривается, что «не имеет в виду присутствующих». Однако и он не чужд прозрения, иронически говоря доктору Львову, что «адвокаты только грабят, а доктора и грабят и убивают» [6, с. 10]. И здесь Шабельский оказывается прозорливцем, предвеляя результат действий честного доктора, максималиста во всех своих прямолинейных истинах.

Доктор предпочитает обнажать практическую истину, хотя и другие или нет. Он искренне полагает, что под маской умного и несчастного человека в Иванове скрывается расчётливый охотник за приданым. Но истину доктор открывает, представляя иллюзию, которая может владеть Николаем Алексеевичем. Предчувствие вопреки практике звучит в суждении доктора Львова о том, что может казаться Иванову: «Если он хоть один вечер проведёт дома, то с тоски пулю себе пустит в лоб» [6, с. 17]. Конечно, доктор не думает, что такой эгоист Иванов именно так и поступит, но слово о самоубийстве сказано, и оно забегаёт вперёд, а смысл и событие уже являются за ним.

Своё предсказывающее значение заключается в вечернем крике совы, который постоянно слышит больная Анна Петровна. Со времён ранней античности эпитет совоокая применялся к богине мудрости Афине, и жена Николая Алексеевича Иванова точно предвидит, что её муж едет развлечься с другими женщинами. Однако в христианстве поздней античности «совы служили аллегорическим изображением земного сумасбродства» [12, с. 534]. Прекрасно зная, чем ей грозят нервные потрясения, больная женщина принимает решение, укорачивающее ей жизнь: отправляется вслед за своим мужем на вечер к Лебедевым.

Уже умерев, Сарра призрачной тенью появляется накануне свадьбы бывшего мужа в воспоминаниях Шабельского. Увидев виолончель, старик вспомнил о своей партнёрше по музыкальным дуэтам. Когда-то он сравнивал её слух со слухом «фаршированной щуки», теперь она кажется «чудной, превосходной женщиной» [6, с. 68]. При этом всех остальных он называет подлыми и гадкими, не исключая и себя. Отец невесты сравнивает его речи с карканьем вороны, а это тоже знак несчастья. До конца реализуется и аллегория с совами. В русле христианской символики над изображениями сов часто рисовали кресты как знак преодоления ненормальности. В этом смысле отсутствие Иванова в церкви перед свадьбой с Сашей делает трагическим его прозрение о самом себе в финале пьесы и не налагает запрет на самоубийство.

Главный герой по должности «непременный член по крестьянским делам присутствия», т. е. когда-то этим делам он посвящал какое-то время, но на протяжении всего действия пьесы о тружениках не вспоминается. Ни единой фразы, разве что в начале пьесы Боркин напомним, что рабочим нужно заплатить 82 рубля. У помещика тысяча десятин земли, а таких денег не находится, зато по ходу дела выясняется, что некий Мильбах должен Иванову шестнадцать тысяч, но требо-

вать их с должника главный герой почему-то не собирается. И если для большинства персонажей денежное измерение – эквивалент успешности, то для героя, остро нуждающегося в деньгах, они неуместны ни займы, ни в качестве дара. Он отказывается от помощи отца Саши Лебедевой, которая в него влюблена, чтобы уплатить проценты по векселю её матери. Он не является экономическим человеком.

Со слов Саши мы знаем, что около Иванова обогащались все, и, разумеется, он растратил своё состояние. И так, рациональное хозяйство превратилось в иррациональное, деньги нужны и не нужны, он весь в долгах. В реальности он не деловой человек, не предприниматель, не хищник, вроде Лопахина из «Вишнёвого сада», и его нельзя судить по меркам преуспевания того времени. Но его судят и осуждают вполне в духе эпохи, и многим персонажам он представляется именно таким: хищником, глотающим добычу без зазрения совести. В один голос миллионерши Зинаида Савишна и Бабакина твердят, что из корыстных соображений герой женился на еврейке, «думал, отец и мать за ней золотые горы дадут» [6, с. 29]. Играющий роль честного человека доктор Львов видит в Иванове дельца, созвучного хищнической эпохе капитализма. По мнению Львова, не чувство любви, а холодный расчёт получения богатого приданого двигал Николаем Алексеевичем и в истории с Саррой, и повторно в ожидаемом браке с Сашей Лебедевой. Более того, некоторые действия Иванова он истолковывает как намеренное ускорение течения неизлечимой болезни Сарры к смерти, с тем чтобы развязать себе руки для женитьбы на молоденькой девочке. А страдания самого Николая – это всего лишь маска, которую он должен сорвать. Это его долг, почти божественное дело, отправляющее грешника в ад. С каким пафосом он говорит: «Когда я сорву с тебя проклятую маску и когда все узнают, что ты за птица, ты полетишь у меня с седьмого неба вниз головой в такую яму, из которой не вытащит тебя сама нечистая сила!» [6, с. 63]. Тем самым в драматическом варианте, по христианским понятиям, Иванов совершает страшный грех, а кажущийся самому себе правдолюбом доктор доводит выполнение своего обещания до конца. Происходит своего рода резонанс: «его “правда” (при одновременном отрицании “правды” другого) в конечном счёте ведёт к суммарному и общему страданию» [13, с. 127].

Но стрела ниспровержения, пущенная доктором Львовым, летит в обе стороны, ибо признаётся высокое положение героя на седьмом небе, т. е. там, где, как повествует апокрифический Енох, «И увидел я безмерно яркий свет и всё огненное воинство великих архангелов, бесплотных сил,

господствующих начал и властей, херувимов, серафимов, престолы и десять полков многоокого светлостояния» [14, с. 99], там же располагается и Бог. Сверхзадача Львова, стало быть, сбросить Иванова с пьедестала ангела. Но кому он представляется ангелом, если даже сочувствующий ему Лебедев, называя его «путёвым малым», характеризует его как начинающего сумасшедшего, который, «кажется, уж беситься стал» [6, с. 27]?

Возможно, словами и поступками доктора руководит не только странно понимаемая им честность, но зависть и ревность? В одном из предполагаемых вариантов доктор признавался Иванову, что влюблён в его жену, но в канонический текст это не вошло. На седьмое небо возносили Иванова женщины. Николай производил на них ошеломляющее впечатление, казался им идеальным человеком, был их кумиром. Любовь поражает Сарру, воспитанную в строгих правилах иудаизма, мгновенно: «Взглянула, а мышеловка меня – хлоп!» [6, с. 26]. От шага в мышеловку не остановили ни вера, ни проклятие родителей, ни то, что бесприданницей она вошла в дом мужа. Как пишет А. Шопенгауэр, влюблённость «может достигнуть такой степени, что без её удовлетворения все блага мира, даже самая жизнь теряют всякую ценность» [8, т. 2, с. 548]. История с Сашей во многом повторяет судьбу её предшественницы. Она вспоминает, как ещё девочкой, застав уставшего Иванова спящим на диване, стала на страже у дверей комнаты, чтобы никто не потревожил его покой. Все остальные «нормальные» люди, окружающие Сашу, таковы, что «на них глядя, мухи мрут, и лампы начинают коптеть» [6, с. 30]. Смысл жизни для Саши – выбор избранника, один раз, навсегда и до смерти. Без Иванова она задохнётся, а с ним «куда хотите, хоть в могилу» [6, с. 42]. Безоглядная любовь Саши весьма романтична. Полнота бытия граничит с полным небытием. И возникают параллели с балладами о мёртвом женихе. Но, как печально замечает Шопенгауэр, «обладание и счастье всегда даны случайностью взаимны лишь на определённое время и могут быть в любой момент востребованы. Между тем страдание всегда основано на исчезновении подобной иллюзии <...>» [8, т. 1, с. 221].

Исследователь Б. Зингерман утверждал, что всё окружение героя – «уездные люди – шваль безвременья» [15, с. 202]. Это не совсем так. И Сарра, и Саша – тоже показатели самоотверженности своего времени. Много говорится о деньгах, но они в общем сюжете пьесы занимают малое место. Даже промотавшийся аристократ граф Шабельский способен к самокритике и отнюдь не рвётся соединить себя узами с богатой вдовушкой, прекрасно понимая, что это «гнус-

ность». Человеческое измерение просвечивает и в бескорыстном подкаблучнике, отце Саши Лебедевой, для которого главное – счастье дочери.

В итоге все персонажи пьесы так или иначе оказываются в ловушке, расставленной судьбой: «Ивановы борются впустую, и такая борьба вредна для них и для общества» [16, с. 139]. Брак Анны Петровны и Николая Алексеича оказался бесплодным в духовном и физиологическом плане. Воспоминание Шабельского об умершей Анне Петровне сделало невозможным его брак с обменом титула на деньги, позволившие бы уехать в Париж, поплакать на могиле бывшей жены. Мышеловка для многих персонажей захлопывается помимо их желания (или же благодаря их бездействию). Некоторые боятся расстаться с иллюзиями и встретиться с действительностью лицом к лицу. Другие, стремясь открыть всем глаза на неприятную правду, не задумываются о том, как их действия скажутся на остальных. Вырваться из этой западни для героев не представляется возможным без отчаянного поступка. Саша предлагает Иванову бегство в Америку и слышит ответ избранника, что он не в силах дойти даже до порога. Как пишет Г. И. Тamarли, знаком борьбы и отказа от неё «становится бытовая реальность – п о р о г: в судьбе опустившегося человека должен произойти поворот, из кризиса нужно искать выход, девушка зовёт к действию, Иванов даёт свой вариант – он застреливается» [17, с. 139]. У героя больше не было идеалов молодости, и, как говорит В. Г. Одинокоев, «энергия движения без идеала впереди обесмысливается» [18, с. 103]. Да, прежний Иванов, внезапно пробудившийся, не видит цели. Теряется всё-таки не идеал, а смысловое измерение жизни.

Не совсем прав В. Г. Одинокоев, сопоставляя финалы «Иванова» и «Татьяны Репиной», где, по его мнению, «автор создал развёрнутую картину счастливого бракосочетания героя, который женится второй раз после того, как умерла его первая жена – Татьяна Репина» [18, с. 104]. Здесь «счастливое» бракосочетание едва не приводит Петра Сабина к подлинному раскаянию или к сумасшествию, он признаётся товарищу, что «едва не умер» [6, с. 93]. Да, и его держат крепкие мужские руки, ведущие его к невесте, выходящей замуж повторно. А Иванова слабые руки Саши от рокового выстрела не удержали. Татьяна Репина, по всей видимости, из артистической среды и официальной женой Петра Сабина не была.

Иванов не стремится расквитаться со своим обидчиком, не спорит со Львовым, не обличает его в ответ, не вызывает на дуэль. Герой видит только одного виновника своих несчастий – самого себя, и в смерти к нему наконец приходит

избавление от апатии, грусти и одиночества, которые его поглотили и уже не дали бы никаким идеалам молодости прорваться наружу. Как пишет А. П. Скафтымов, «в “Иванове” источником драматического положения героя (Иванова) является не какое-либо частное обстоятельство и не отдельные люди, а вся действительность в целом» [19, с. 438]. Очень похоже звучит утверждение С. Н. Трубецкого: «Круговращение не есть что-то только воображаемое нами. Ад таится уже в той действительности, которую мы видим и наблюдаем, чуткие души в самой нашей повседневной жизни распознают его в несомненных явлениях» [20, с. 39]. Перед трагическим выстрелом Иванов отвергает то, что многим смягчает «ад действительности»: утешение вином, плохие стихи, лень как высокое предназначение.

Потеря смыслового измерения жизни и в реальном, и в иллюзорном аспекте оказывается трагичным событием в жизни героев. Иллюзия любви и жизни была необходима Сарре, но её муж, бесцеремонно разрушив то единственное, чем женщина жила в последние годы, доводит её до смерти «правдивым» известием. Здесь он оказывается двойником правдолюбца доктора Львова. В этом смысле предстоящая женитьба на Саше – второй круг нисхождения. Он видит, что за этот год доставил ей столько хлопот, что она «постарела на пять лет», что своим нытьём и унынием заражает общество. Он отвергает всё то, кем он казался в глазах окружающих: шарлатаном, обиженным судьбой, нуждающимся в помощи, пророком. Во всём этом не было смысла. Остаётся застрелиться. Но остаётся и парадокс. Пока Иванов был нагружен всевозможными долгами, материальными и нравственными, пока его счастьем с Сашей угрожали препятствия, он жил, сражаясь с судьбой, но вот возможность освобождения от этих препятствий погубила его. Это выглядит так, как если бы мифическому Сизифу сказали: «сейчас тебя освободят от бессмысленного труда», и тот от горя самоубийствовался бы. Впрочем, как выразился А. Камю, «Абсурд – это ясный разум, осознающий свои пределы» [21, с. 319].

В «Иванове» все столкновения с реальностью оказываются болезненными для героев, а некоторые из них даже фатальными. Но за всем этим множеством масок и ролей, которые пытаются играть герои, возникают более глубокие вопросы. Так ли первичен эгоизм в человеке? Может быть, первичен именно альтруизм? Не проступает ли в масках и ролях Сарры и Саши истинно человеческое желание жить для других и во имя других.

Список литературы

1. Сухих С. И. Проблемы поэтики Чехова. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2007. 492 с.
2. Шестов Л. И. Апофеоз беспочвенности. М. : АСТ, 2004. 312 с.
3. Бочаров С. Г. Чехов и философия // Вестник истории, литературы, искусства. Отделение ист.-филол. наук РАН. М. : Собрание ; Наука, 2005. С. 146–159.
4. Тимирязев К. А. Избр. соч. : в 4 т. М. : Сельхозгиз, 1949. Т. 3. 644 с.
5. Шкловский В. Б. Энергия заблуждения. Книга о сюжете. М. : Современный писатель, 1981. 352 с.
6. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т. Т. 12. М. : Наука, 1986. 424 с.
7. Чуковский К. И. Современники: Портреты и этюды. Минск : Народная асвета, 1985. 598 с.
8. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление : в 2 т. М. : Наука, 1993. Т. 1. 672 с. Т. 2. 672 с.
9. Полоцкая Э. А. О поэтике Чехова. М. : Наследие, 2001. 240 с.
10. Шах-Азизова Т. К. Линия Гамлета, или Герой драмы перед лицом рока // Понятие судьбы в контексте разных культур / отв. ред. Н. Д. Арутюнова ; сост. Т. Б. Князевская. М. : Наука, 1994. С. 268–277.
11. Поляков М. Я. Вопросы поэтики и художественной семантики. М. : Советский писатель, 1986. 480 с.
12. Ирмишер Й., Йоне Р. Словарь античности : пер. с нем. М. : Прогресс, 1989. 704 с.
13. Катаев В. Б. К пониманию Чехова. М. : ИМЛИ РАН, 2018. 246 с.
14. Еремеев С. И. Книга тайн Еноха // Гностики или о «лжеимённом знании» / сост. С. И. Еремеев. Киев : УЦИММ-ПРЕСС, 1997. С. 93–101.
15. Зингерман Б. И. Театр Чехова и его мировое значение. М. : Наука, 1988. 384 с.
16. Меве Е. Б. Медицина в творчестве и жизни Чехова. Киев : Здоровье, 1989. 286 с.
17. Тамарли Г. И. Поэтика драматургии Чехова (от склада души к типу творчества). Таганрог : Изд-во Таганрогского пед. ин-та, 2012. 239 с.
18. Одинокое В. Г. Пьеса А. П. Чехова «Иванов»: лабиринт художественных сцеплений // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2007. Т. 6, вып. 2. С. 98–106.
19. Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. Статьи и исследования о русских классиках. М. : Художественная литература, 1972. 543 с.
20. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М. : АСТ ; Фолио, 2000. 656 с. (Религиозная философия).
21. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов : сб. / сост., общ. ред. и предисл. А. А. Яковлева. М. : Политиздат, 1989. С. 222–319. (Библиотека атеистической литературы).

Поступила в редакцию 14.10.2022; одобрена после рецензирования 19.11.2022; принята к публикации 30.01.2023
The article was submitted 14.10.2022; approved after reviewing 19.11.2022; accepted for publication 30.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 154–158

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 154–158

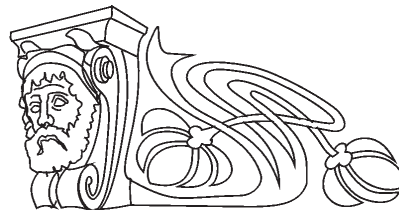
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-154-158>, EDN: KBDVZY

Научная статья

УДК 821.161.1.09-193.3+929Хлебников

«Когда над полем зеленеет...» В. Хлебникова: память жанра vs. эксперимент

Е. В. Тырышкина

Новосибирский государственный педагогический университет, Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28

Тырышкина Елена Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, elena.tyrshkina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0215-4949>

Аннотация. Статья посвящена анализу стихотворения В. Хлебникова «Когда над полем зеленеет...» (1911–1912 г.) в связи с проблемой функционирования жанра сонета в его лирике. Этот жанр в творчестве футуристов – малоисследованная тема, которая еще требует изучения. Выбранный текст представляет собой сонет французского типа с относительно небольшими формальными отклонениями (смена размера в шестом стихе, окказиональные цезуры во втором, третьем, десятом, четырнадцатом стихах, сверхсхемное ударение в десятом стихе, отсутствие сквозной рифмы во второй строфе, несовпадение синтаксической и строфической структур). Все отступления от строгой схемы сонета напрямую связаны с лирическим сюжетом и являются маркерами важных/переломных событийных моментов. Наступление вечера и ночи в хлебниковском природном универсуме показано как пространственно-временной палимпсест, все явления могут происходить как последовательно, так и одновременно, а единичное соотносится со всеобщим по принципу «метафорической тавтологии»: заря <свет солнца> – звезды – свеча – огонь. Нарушение формальных правил создает структурное напряжение, все перемены происходят по принципу накопления энергии в статике, а затем происходит динамический сдвиг. Однако в целом каркас сонета сохраняется и в финале доминирует гармонический пуант – последний стих написан строгим четырехстопным ямбом. С некоторыми вариациями выдержана и логическая последовательность сонета – тезис, развитие тезиса, антитезис, синтез, а тематика не противоречит традиции пейзажно-философской лирики. Гибель мотылька в огне свечи является реинкарнацией, возвратом к природным стихиям. Особый акцент сделан на оптике, когда мир предстает взгяду пронцаемым насквозь, и зрение становится сверхзрением, которому доступны экзистенциальные истины. В целом В. Хлебников следует традиционным правилам создания сонета, а все отступления от канона связаны с художественным замыслом поэта-футуриста.

Ключевые слова: В. Хлебников, лирика, «Когда над полем зеленеет...» (1911–1912), сонет, традиция и трансформация жанра

Для цитирования: Тырышкина Е. В. «Когда над полем зеленеет...» В. Хлебникова: память жанра vs. эксперимент // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 154–158. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-154-158>, EDN: KBDVZY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“When over the field glow green...” by V. Khlebnikov: The memory of the genre vs. experiment

E. V. Tyryshkina

Novosibirsk State Pedagogical University, 28 Vilyuyskaya St., Novosibirsk 630126, Russia

Elena V. Tyryshkina, elena.tyrshkina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0215-4949>

Abstract. The paper analyzes the poem by Velimir Khlebnikov “When over the field glow green...” (1911–1912) concerning the issue of how the sonnet genre functions in the author’s verse. This genre, present in the works by futurists and their followers, has been scarcely studied and requires serious scrutiny. The chosen text is a French type sonnet with relatively small formal deviations from the form (a change of the meter in verse six, occasional caesures in verses two, three, ten, and fourteen, the extra-pattern stress in verse ten, the absence of a recurrent rhyme in the second stanza, and misalignment of the syntax and stanza structures). All the deviations from the strict pattern of the sonnet are directly connected with the lyric story and are markers of important/critical events. The advent of the evening followed by the night in Khlebnikov’s universe is shown as spatial-temporal palimpsest, in which all the phenomena may occur both sequentially and synchronously, and the individual correlates with the universal based on the principle of “metaphoric tautology”: dawn <sunlight> – stars – a candle – fire. The violation of formal rules creates a structural tension; all the changes occur according to the principle of accumulating static energy, followed by a dynamic shift. However, in general, the sonnet framework is retained, and, in the final, a harmonic point dominates – the last verse is written with the strict iambic tetrameter. The logical sequence of the sonnet – thesis, thesis development, antithesis, synthesis – is retained with certain variations, whereas the sonnet’s subject does not contradict the tradition of the philosophic verse based on landscape descriptions. The death of a moth in the candle flame means reincarnation and return to the natural elements. Special emphasis is placed on the optical aspect, which presents the world to the

eye as an object that is seen through, and the vision becomes super-vision, which can perceive existential truth. Generally, V. Khlebnikov follows the traditional rules of composing a sonnet, and all the deviations from the canon are connected with the artistic intention of the futurist poet.

Keywords: V. Khlebnikov, poetry, "When over the field glow green..." (1911–1912), sonnet, tradition and genre transformation

For citation: Tyryshkina E. V. "When over the field glow green..." by V. Khlebnikov: The memory of the genre vs. experiment. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 154–158 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-154-158>, EDN: KBDVZY

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В одной из наиболее известных публикаций, посвященных сонету, О. И. Федотов излагает свою точку зрения относительно бытования этого жанра в творчестве футуристов: «Будет-ляне в принципе сонет не жаловали. Если они к нему все-таки обращались, то демонстрировали максимум эстетического неуважения к этой аристократической форме...» [1, с. 25]. Данное положение автор солидного труда иллюстрирует и примерами из В. Хлебникова («Мои глаза бредут, как осень...», «Когда над полем зеленеет...», «И смелый товарищ шиповника...», «Собор грачей осенний...») [1, с. 430-431]. Эти лирические тексты представляют собой лишь краткую выборку из корпуса сонетов и тяготеющих к ним форм в творчестве поэта, и очевидно, что формулировка об «эстетическом неуважении» является слишком обобщенной и как минимум дискуссионной по отношению к В. Хлебникову.

Т. А. Тернова, обращаясь к жанру сонета в лирике футуристов, приходит к выводу: «Радикализм работы с сонетной формой обусловлен общими эстетическими установками авторов. <...> мы обозначили три модели работы с жанром: 1) трансформация формы... 2) работа в поле смысла и пафоса при сохранении формы... 3) радикальный поэтический эксперимент, приводящий к трансформации формы и содержания [2, с. 376]. Исследовательница правомерно отмечает, что жанр сонета в творчестве футуристов и их последователей – малоизученная и перспективная тема: «Русский футуризм и его наследники... дают обширный материал для дальнейшего исследования» [2, с. 376]. Т. А. Тернова специально не рассматривала сонетные формы В. Хлебникова, однако общие принципы трансформации жанра, выявленные ею, можно считать вполне релевантными по отношению ко всем поэтам авангардной традиции, и эта лакуна требует заполнения. Сонеты «Председателя Земного Шара» нечасто становились предметом изучения (имеется в виду структурный анализ твердой формы), в этой связи следует отметить интересные публикации В. Г. Иванова, Акифуми Такеда [3] и И. Е. Ложилова [4].

В данном исследовании выбрано стихотворение В. Хлебникова, которое выглядит более традиционным («Когда над полем зеленеет...», 1911–1912) для выявления механизмов трансформации и функционирования сонетной формы.

Отдельная статья будет посвящена стихотворению «Русь, ты вся поцелуй на морозе!» (1921), где жанр сонета подвергается более смелой деформации.

1. Когда над полем зеленеет	U_ / U_ / UU / U_ / U
2. Стекланный вечер, след зари,	U_ / U_ / U // / U_
3. И небо, бледное вдали,	U_ // U_ / UU / U_
4. Вблизи задумчиво синее,	U_ / U_ / UU / U_ / U
5. Когда широкая зола	U_ / U_ / UU / U_
6. Угасшего кострища	U_ / UU / U_ / U
7. Над входом в звездное кладбище	U_ / U_ / UU / U_ / U
8. Огня ворота возвела,	U_ / U_ / UU / U_
9. Тогда на белую свечу,	U_ / U_ / UU / U_
10. Мчась по текучему лучу,	(_)(//) U / U_ / UU / U_
11. Летит без воли мотылек.	U_ / U_ / UU / U_
12. Он грудью пламени коснется,	U_ / U_ / UU / U_ / U
13. В волне огнистой окупнется,	U_ / U_ / UU / U_ / U
14. Гляди, гляди, и мертвый лег.	U_ // U_ // U_ / U_

1912

[5, с. 266]¹.

Графически текст представляет собой единый четырнадцатистрочник, без разбивки на строфы, формальная структура подчинена идее произведения, где движение от строфы к строфе отражает процесс природных изменений как непрерывный. Налицо тяготение к схеме французского сонета, однако традиционная рифмовка ABBA ABBA CCD EED (CCD EDE) в данном случае нарушается во втором катрене, так как здесь нет сквозной рифмы по отношению к первому. Здесь схема рифмовки: ABBA CDDC EEF GGF. Несмотря на отсутствие сквозной рифмы, сам принцип сонетной рифмовки выдержан – в катренах она закрытая, в терцетах – открытая. Текст написан четырехстопным ямбом, где чаще всего пиррихирована третья стопа. Для классического сонета характерен традиционный вариант – пятистопный ямб, на чем настаивает М. Л. Гаспаров [6, с. 211], но употребление четырехстопного ямба в лирике XX в. становится уже привычным в этом жанре.

Строгая ритмическая схема в данном случае «поколеблена» в шестой строке (трехстопный ямб), за счет чего образуется пауза в конце стиха. В десятой строке возможны варианты интонирования, когда первое короткое слово стиха выделяется за счет сверхсхемного ударения и нулевой

¹ Выражаю благодарность И. Е. Ложилову за предоставление его публикаций, а также работ В. Г. Иванова и Н. Башмаковой.

анакрузы на фоне односложной на протяжении всего стихотворения, а также окказиональной цезуры. И в первом, и во втором случаях нарушение ритмической инерции напрямую связано с переломными моментами развития лирического сюжета. В шестой строке происходит замедление темпа как знак перехода от вечера к ночи, но гаснущий дневной свет, умирая, возрождается в свете звезд (при том, что небо – это «звездное кладбище», но граница между жизнью и смертью у В. Хлебникова весьма условна). В. Г. Иванов анализировал пространственно-временную структуру стихотворения, но вне связи с жанром сонета [7] (материал вошел в его кандидатскую диссертацию [8, с. 85–91]).

Начало десятой строки – важный ритмический акцент стихотворения. Преображение вечернего пейзажа в первой и во второй строках дается как особого рода «безличная длительность», но *синий* цвет «неба вблизи» уже указывает на готовящийся энергетический переход, сдвиг состояния (Н. Башмакова отмечает, что *синий* цвет у В. Хлебникова – это цвет электричества [9, с. 122]) и в третьей строке появляется «действующий актант».

Сверхсхемное ударение на слове «мчась» – особый сигнал, указывающий на стремительность движения в противовес замедлению/угасанию в шестой строке. Однако парадокс этого движения состоит в том, что мотылек хотя и мчится, но при этом летит «без воли», в универсуме В. Хлебникова мотылек включен в круговорот метаморфоз природы, где активность/пассивность, стремительное/медленное, мгновенное/вечное находятся в неразрывной симультанной целостности.

Цезуры во втором и третьем стихах за счет «парцелляции» маркируют направление взгляда, и в этих же строках создается эффект созвучия на грани внутренней неравносложной рифмы: «слЕд зари» / И небо «блЕдное вдали». Звуковое сближение этих словоформ позволяют выявить единый общий смысл – угасание слабого света. Солнечный свет, умирая, возрождается в свете звезд, а граница перехода озаменована «огня воротами». «Белая свеча» в третьей строке переключается с бледностью неба, но если «белый» в этом контексте указывает на приближение к смерти, то свеча сама по себе – тот же огонь, меняются лишь масштабы (принцип изоморфизма), от бескрайней панорамы неба к локальному пространству, месту огненной гибели мотылька. Цезуры в последнем стихе сонета выделяют перформативную конструкцию, созданную за счет повтора глагола «глядеть» в повелительном наклонении, это самое сильное место текста, о чем еще будет сказано ниже.

Синтаксическое и строфическое членение текста не совпадают, первые два катрена и терцет объединены в один синтаксический период за счет сопряжения временных маркеров (когда... когда... тогда). Если строфика подчинена логике сонета (четыре строфы), то синтаксически стихотворение распадается на две, но не равные части, деля строфическую структуру в отношении три плюс один, кульминационный терцет стоит несколько особняком. По отношению к нему, где и совершается главное событие всего стихотворения, все три предыдущие строфы это событие подготавливают/формируют: безостановочное движение голоса равнозначно развитию/движению времени, которое начинает прерываться, пульсировать в первом терцете (третьей строфе) за счет мужских клаузул в девятом, десятом и одиннадцатом стихах. Точка в конце одиннадцатого стиха движение приостанавливает, темп становится более медленным, длина двенадцатого стиха увеличивается на один слог по сравнению с предыдущим. Взгляд, направленный на небо в начале стихотворения, не обращен к бескрайнему пространству, а фокусируется на локальном, ритмическая и синтаксическая структура терцета акцентирует смерть мотылька как событие экзистенциального плана.

Символический образ мотылька/бабочки в творчестве В. Хлебникова чрезвычайно многозначен. Анализируя данный текст, В. Г. Иванов пишет: «Бледность неба вдали в начале стихотворения появляется теперь в свече, можно говорить о смещении дальнего плана и ближнего, т. е. о всемирной катастрофе, которая происходит со смертью мотылька, который отправляется на звездное кладбище. Тема бабочки, краски с которой сходят оттого, что она бьется в стекло, находит развитие в сверхповести “Зангези”» [7, с. 49]. Этот вывод представляется дискуссионным, в данном случае нет замкнутого пространства, потери пыльцы с крыльев, и в последнем стихе «Гляди, гляди, и мертвый лег» обращает на себя внимание глагол – *лечь мертвому* невозможно, ложатся отдохнуть, заснуть, мертвый может только упасть.

Е. А. Капустина, изучавшая энтомологический код в творчестве Хлебникова, полагает, что «в поздний период снимаются хищнические интенции “я-поэта”, а потому неоднократно маркируется мифологема “душа”. В связи с этим формой субстанциональности “я-поэта” становится бабочка, творящая ценою собственной жизни <...>. Этот сюжет варьируется на протяжении всего творчества: например, история безвольной смерти мотылька в стихотворении “Когда над полем зеленеет” (1912), или самосожжение “я-поэта” в стихотворении “Я вышел юношей один” (1921)» [10, с. 50].

Однако «безвольная смерть мотылька» в исследуемом стихотворении коррелирует в большей степени не с жертвенной миссией поэта. Последний терцет содержит очевидные отсылки к мифологии и фольклору, где купание в огне=воде означает не смерть, а перерождение, вечную жизнь в универсуме природы. Обширный контекст мифологических значений образа мотылька/бабочки, связанных с этой тематикой, подробно рассмотрел А. В. Гарбуз: «Первые шаги духов по земле связываются с медиумической ролью *мотылька*, сигнализирующей в хлебниковской мифопоэтической системе о всеобщей реинкарнации» [11, с. 210].

Нужно учитывать и имплицитный любовный сюжет, где мотылек, летящий на огонь, всегда обречен, являясь героической жертвой во имя страсти, тем более что первоначально стихотворение было включено в черновой вариант поэмы «Любовь приходит страшным смерчем...» (1912) наряду со стихотворением «Снежно-могучая краса...» (1912) [5, с. 494]. Но в исследуемом сонете этот сюжет не играет доминирующей роли.

Актуальна и еще одна традиция символического толкования смерти «огненной мухи», о которой пишет А. Е. Махов: «Совершенно новый, философский смысл придает мотиву огненной гибели мотылька Леонардо да Винчи в одной из дневниковых записей: “Смотри, надежда и желание возвратиться на родину, вернуться к нашему первоначальному состоянию (*nel primo caso*) сходно со [стремлением] бабочки к огню. Человек, который с твердым желанием ждет новой весны, каждого нового лета, каждого нового месяца и нового года – полагая, что желаемое слишком запаздывает, – не знает, что желает своего собственного разрушения. Но это желание есть сама квинтэссенция, сам дух стихий (*spirito degli elementi*), который, обнаружив, что он заключен посредством души в человеческом теле, всегда желает вернуться к своему доверителю [*mandatario* – т. е. к Богу]” <...> У Леонардо человек-мотылек стремится к огню не по глупости и безрассудству, но потому, что заключенные в нем стихии стремятся к освобождению. Связь мотива гибнущего мотылька с «желанием собственного разрушения», о котором пишет Леонардо, по-новому будет осмыслена у Гете (в стихотворении “Блаженное томление”), где “пламенная смерть (*Flammentod*)” реализует желание не саморазрушения, но нового “становления” (“*Stirb und werde!*” – “Умри и стань!”)» [12, с. 538]. Это возрождение/возврат к себе в финале стихотворения В. Хлебникова совершается как обряд слияния со стихиями космоса – воды, огня, воздуха. Если к огню свечи мотылек летит безвольно (и стремительно!), то сам обряд вхождения в смерть как

иное состояние замедлен, он представляет собой три стадии (коснется, окунется, лег) и совершается мотыльком как субъектом, антропомофность которого указывает на универсализацию этого обряда для всех живых существ.

Традиционно содержательный план сонета должен быть подчинен логической структуре: тезис, развитие тезиса, антитезис, синтез. Следует ли В. Хлебников этой логике развития смысла? Если первую строфу считать экспозицией – вечерний пейзаж, состояние переходности времени суток, горизонталь/вертикаль поля и неба, отражающихся друг в друге, различные ракурсы видения (вблизи – вдали), то ожидаемое развитие этого тезиса во второй строфе довольно своеобразно: переход вечерней зари в ночь хотя и является переменной, она представляет собой зеркальное отражение первой, но на ином метафорическом уровне. «Заря» становится «золотой», внутренняя форма слова хранит в себе омонимичный окказиональный «корневой реликт» (за-), а переход маркируется превращением «р» в «л».

Еще одна закономерность, о которой часто пишут исследователи сонета, опираясь на Р. Якобсона, – это смысловая функция седьмого и восьмого стихов: «...нередко срединные 7-й и 8-й стихи С. противопоставлены по содержанию предыдущим и последующим и таким образом создают контрапункт всего произведения» [13, с. 26–27]. Здесь нет явного противопоставления, это и невозможно в хлебниковской картине мира, но логика «сдвига» соблюдена: «огня ворота» – это переход к перерождению, когда «звездное кладбище» <неба> станет огненной купелью свечи для мотылька.

Третья строфа должна быть антитезисом, но не является им в полной мере: на первый взгляд, происходит ускорение темпа (в противоположность статике состояния предыдущей картины природы), макрокосм «отражается в микрокосме»; происходит смена оптики, взгляд фокусируется в точке, в то время как в первых двух строфах речь шла о «панорамном» зрении; стремительное движение мотылька контрастирует с покоем ночного неба, однако этот стремительный полет – «без воли», и влечение к огненной смерти подчинено универсальным законам природы.

Четвертая строфа – синтез, и здесь все своды объединены в гармоничную конструкцию и с точки зрения смысла, и с точки зрения ритма (за исключением цезур в последнем стихе, которые имеют особое значение). Смерть становится освобождением.

Важное значение имеет зрение, видение происходящего. Здесь можно говорить о двух планах – реальном, физическом (наблюдение

за наступлением ночи, полетом мотылька и его гибелью) и метафизическом сверхзрении, открывающим тайны Вселенной. Взгляд адресата, к которому настойчиво обращается лирический субъект в последнем стихе (его остановка, фиксация за счет двух цезур), соотносится с «задумчиво синеющим небом» в первой строфе; метафорическое определение неба актуализирует сплав нескольких устойчивых словосочетаний: «задумчиво смотреть», «синева неба», «глаза синие, как небо». Небо/глаз надделено зрением, но чтобы уподобиться «умной природе» В. Хлебникова, нужно обладать дарованием творца.

Соотнесение временных пластов как наложение проекций настоящего, прошлого, будущего и тот же принцип в описании пространства, где совмещается далекое, близкое, горизонталь, вертикаль, отражающиеся друг в друге, образуют мир, который можно увидеть с разных ракурсов и *насквозь* (*стеклянный вечер*). Очевидна общая для В. Хлебникова и для А. Крученых идея сверхзрения: «Мы рассекли объект! Мы стали видеть мир насквозь. Мы научились следить мир с конца, нас радует это обратное движение...» [14]. Столь важное значение зрения в эстетике футуризма подкрепляется историей языка, «увидеть» – это «извѣдать» [15, с. 312], познать истину.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что нет оснований для утверждения о намеренной «ломке» сонета или его пародировании: нарушение формальных правил строгой сонетной схемы создает структурное напряжение, все перемены происходят по принципу накопления энергии в статике, а затем происходит динамический сдвиг. Однако в целом каркас сонета сохраняется и финал завершается гармоническим пуантом. В. Хлебников следует традиционным правилам этого жанра, а все отступления от канона связаны с художественным замыслом поэта-футуриста.

Список литературы

1. Сонет серебряного века. Русский сонет конца XIX – начала XX века / сост., вступ. ст. и коммент. О. И. Федотова. М. : Правда, 1990. 768 с.
2. Тернова Т. А. Феномен маргинальности в литературе русского авангарда первой трети XX в. Воронеж : АО «Воронежская областная типография», 2018. 440 с.
3. Иванов В., Акифуми Т. К интерпретации стихотворения Велимира Хлебникова «Мне видны – Рак, Овен...» // Acta Slavica Iaponica. 1997. Vol. 15. P. 80–92.
4. Лоцилов И. Е. «Случай» Велимира Хлебникова // Dzieło literackie jako dzieło literackie = Литературное произведение как литературное произведение: Профессору Ежи Фарино в знак преклонения перед его творчеством / pod red. A. Majmieskiłow. Bydgoszcz : Wydawnictwo Akademii Bydgoskiej im. Kazimierza Wielkiego, 2004. S. 323–332.
5. Хлебников В. В. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1 / под общ. ред. Р. В. Дуганова. М. : ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. 544 с.
6. Гаспаров М. Л. Русские стихи 1890-х – 1925-го годов в комментариях. М. : Высшая школа, 1993. 272 с.
7. Иванов В. Г. К интерпретации стихотворения В. Хлебникова «Когда над полем зеленеет...» // Велимир Хлебников и художественный авангард XX века : VI Международные Хлебниковские чтения, 8–11 сентября 1998 г. Доклады. Статьи. Тезисы / под ред. Г. Г. Исаева. Астрахань : Изд-во Астраханского пед. ун-та, С. 49–50.
8. Иванов В. Г. Философский концепт и иконический знак в поэтике русского авангарда : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 168 с.
9. Башмакова Н. Слово и образ. О творческом мышлении Велимира Хлебникова : дис. ... д-ра филос. наук. Helsinki, 1987. 288 с.
10. Капустина Е. А. Миф о поэте в творчестве Велимира Хлебникова // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. Гуманитарные науки. 2006. № 6. С. 45–54.
11. Гарбуз А. В. Молния, бабочка и волна в сети мифопоэтической логики // Творчество В. Хлебникова и русская литература : материалы IX Междунар. Хлебниковских чтений 8–9 сентября 2005 г. Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2005. С. 207–216.
12. Махов А. Е. Эмблематика: макрокосм. М. : Intrada, 2014. 600 с.
13. Иванюк Б. П. Сонет: словарное досье // ФИЛОЛОГОС. 2021. № 2 (49). С. 25–33. <https://doi.org/10.24888/2079-2638-2021-49-2-25-33>
14. Крученых А. Новые пути слова (язык будущего смерть символизма) // Алексей Крученых, Велимир Хлебников, Елена Гуро. Трое. СПб. : Журавль, 1913. URL: <https://traumlibrary.ru/book/futuristytroe/futuristytroe.html#s003> (дата обращения: 28.08. 2022).
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 1. М. : Прогресс, 1986. 576 с.

Поступила в редакцию 10.09.2022; одобрена после рецензирования 12.11.2022; принята к публикации 30.01.2023
The article was submitted 10.09.2022; approved after reviewing 12.11.2022; accepted for publication 30.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 159–165

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 159–165

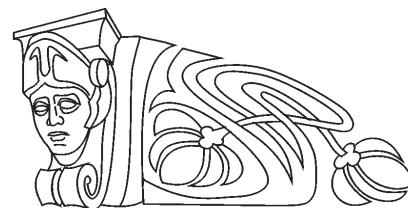
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-159-165>, EDN: EVXWQX

Научная статья

УДК 821.161.1.09(470.44-25)+929

История Саратовской ассоциации пролетарских писателей: от периода формирования к конфликту

А. В. Хрусталева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Хрусталева Анна Владимировна, доктор филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания, tevlin1982@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9015-2523>

Аннотация. Своеобразие саратовского литературного процесса 1920-х гг. обусловлено недостаточностью местного бюджета для реализации культурных инициатив, низкой скоростью документооборота и замедленным темпом реализации культурных проектов. Саратов выполнял в рассматриваемое время роль территории-буфера, куда попадали столичные деятели, подозреваемые в инакомыслии. В провинциальный город были командированы лица, замеченные в сочувствии политической оппозиции и формализму. Предполагалось, что неспешная региональная жизнь заставит критиков Г. Лелевича и В. П. Друзину эволюционировать в сторону большей политической лояльности по отношению к генеральной линии ВАПП, а архивиста, библиографа, первого руководителя Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д. Б. Рязанова отвлечет от интереса к меньшевизму. По традиции, установившейся в 1920-е гг., все сосланные (по некоторым документам они официально именовались командированными) принимали участие в консультировании САПП (позднее – СарРАПП). История САПП распадается на два этапа: период формирования (1924–1927 гг.), когда бывшие участники Пролеткульта окрепли и почувствовали силу собственного литературного голоса, и зрелый (после 1928 г.), когда в организации начались социальные, личностные и литературные конфликты, связанные в том числе и с деятельностью командированных лиц. Впервые для реконструкции истории САПП саратовские источники дополнены документами Отдела рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького и личными письмами из фондов Российской национальной библиотеки. Впервые установлено пребывание в САПП Д. Б. Рязанова, а также показано, что суть конфликта сводилась к противостоянию академической и писательской групп в САПП.

Ключевые слова: Пролеткульт, ВАПП, САПП, Г. Лелевич, Д. Б. Рязанов, И. Машбиц-Веров, В. П. Друзин

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00394 «“Стенограмма”: Политика и литература. Цифровой архив литературных организаций 1920–1930-х гг.»).

Для цитирования: Хрусталева А. В. История Саратовской ассоциации пролетарских писателей: от периода формирования к конфликту // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 159–165. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-159-165>, EDN: EVXWQX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The history of Saratov Association of Proletarian Writers: From the period of formation to the conflict

A. V. Khrustalyova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Anna V. Khrustalyova, tevlin1982@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9015-2523>

Abstract. The peculiarity of Saratov literary process of the 1920s is determined by the facts that the local budget was insufficient to implement cultural initiatives, by slow paperwork, and by the creeping pace of accomplishing cultural initiatives. At the time in question Saratov played the role of a buffer territory, where all public figures from the capital suspected of non-conformism were sent. Thus, people noticed to be politically pro-opposition and favoring formalism, were delegated to the provincial town. It was presumed that the slow-paced life in the region will compel the critics G. Lelevich and V. P. Druzin to become more politically loyal towards the strategic direction of VAPP (All-Soviet Association of Proletarian Writers); and D. B. Ryazanov, an archiver, bibliographer, the first head of the Institute of K. Marx and F. Engels, would be distracted from his interest to Menshevism. According to tradition established in the 1920s, all the exiled (in some documents they were officially on business-trips) took part in counselling SAPP (Saratov Association of Proletarian Writers), later SARRAPP (Saratov Division of the Russian Association of Proletarian Writers). The history of SAPP falls into two periods: the period of formation (1924–1927) when the former members of Proletkult became stronger and felt the power of their literary voice, and the mature one (after 1928), when the organization faced social, personal and literary conflicts, among other things related to the activity of the people exiled to Saratov. For the first time, Saratov sources are complemented by the

documents from the Department of manuscripts of A. M. Gorky Institute of World Literature and by personal letters from the archives of the Russian national library in order to recreate the history of SAPP. D. B. Ryazanov's attendance of SAPP has been first established. It has been first shown that the essence of the conflict in SAPP is confined to the opposition of the groups of academics and writers.

Keywords: Proletkult (Proletarian culture), VAPP (All-Soviet Association of Proletarian Writers), SAPP (Saratov Association of Proletarian Writers), G. Lelevich, D. B. Ryazanov, I. Mashbiz-Verov, V. P. Druzin

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Science Foundation (project No. 20-18-00394 «“Verbatim record“: Politics and literature. A digital archive of literary organizations of the 1920–1930s»).

For citation: Khrustalyova A. V. The history of Saratov Association of Proletarian Writers: From the period of formation to the conflict. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 159–165 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-159-165>, EDN: EVXWQX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

История саратовского отделения Ассоциации пролетарских писателей является одной из наименее исследованных тем, имеющих отношение к пореволюционному Поволжью. При наличии значительного количества работ по литературной жизни 1920-х гг. [1–3], а также – более детализированно – по саратовским реалиям [4–7], в полном объеме не приводимых в настоящей статье, так как они рассмотрены в публикации современного исследователя [8], лишь в 2009 г. вышла хрестоматия [9], являющаяся прологом к изучению жизни и деятельности рядовых участников САПП. В целом, наши первичные и вторичные источники по истории саратовской литературы изобилуют неточностями, например, ошибочно приводятся фамилии (Скосырев) [10, с. 75], что требует дальнейшей работы, связанной хотя бы с составлением биографий участников организации. Для понимания истории САПП необходимо выявить контекст, в котором организация возникла и развивалась.

История САПП отражает общие особенности провинциальной литературной ситуации после 1917 г. В связи с традиционно малым региональным бюджетом, который не обеспечивал возможность осуществления культурной работы в объеме, сопоставимом со столичным, а также низкой скоростью документооборота воспроизведение знаковых для общереспубликанской литературной жизни событий в Саратове происходило с опозданием.

Практически на всей территории губернии институт государственной цензуры оформился позднее, чем в Москве. Отставание институционализации цензуры в зависимости от условий конкретного уезда занимало вплоть до полутора лет. В связи с этим даже после 1924 г., как указано в архивном источнике, «иногда ставят пьесы, не пропущенные Гублитом, откуда их берут, неизвестно» [11, л. 33]. Ряд саратовских произведений направлялся в столицу с пропуском надлежащих цензурных звеньев и без ведома ответственных лиц. В 1928 г. на территории губернии распространялись книги с компли-

ментарными замечаниями о литературных и ораторских достоинствах Л. Д. Троцкого.

К характерным провинциальным особенностям, с которыми город входил в послереволюционную реальность, можно отнести более тонкий слой литературной творческой интеллигенции, чем в центре, и практически полное отсутствие попутничества как консолидированного литературного движения. В Саратове 1920-х гг., даже учитывая фигуру П. Скосырева, ставшего после отъезда секретарем Всероссийского союза писателей, трудно назвать литературного деятеля, который мог бы выполнять функции не номинального, а действительного лидера попутчиков. Среди тех писателей, которые гипотетически могли бы создать и сплотить в Саратове литературную организацию (оставляя за пределами исследовательского интереса ее политическую ориентацию), уместно назвать Л. Гумилевского и М. Зенкевича. Экспериментатор, авангардист Гумилевский издал в Саратове несколько рассказов, пьесы «Владыка мира» (1921) и «Хлеб» (1921), роман «Эмигранты» (1922), но он покинул город уже в 1923 г. Так, и сборник стихов «Пашня танков» (1921) бывшего соучредителя «Цеха поэтов» Зенкевича, оставившего Саратов в том же году, что и Гумилевский, – чуть ли не единственная его книга, вышедшая на территории региона.

С 1918 г. в городе находился А. Д. Скалдин, автор мистико-авантюрного романа «Странствия и приключения Никодима Старшего». По мнению исследователей, его книга оказала влияние на замысел «Мастера и Маргариты» М. А. Булгакова. Скалдин явно выделялся на провинциальном фоне и одаренностью, и превосходным знанием нескольких языков, включая латынь. Но уже в 1922 г. при участии Л. Котомки на него было подано заявление в специальные органы, ставшее сначала причиной ареста, а затем травли. Скалдин был арестован, вскоре уехал из Саратова в Петроград. Таким образом, мы не найдем и этого автора в составе организации, конкурирующей с саратовскими пролетарскими писателями.

Не приходится говорить и о значимом влиянии литераторов, тематически, идейно и художественно способных отразить сферу интересов и быта крестьянства. Выпустивший книги «Зарево» (1918), «Дулейка» (1920), «Снегурочка» (1920), «Березка» (1920) П. В. Орешин, знавший сельскую жизнь, покинул Саратов уже в 1921 г. Из описанных в науке к настоящему времени [12] основных сил литературного процесса – пролетарского авангарда, союзников (крестьянские писатели и пр.), попутчиков, а также «новой буржуазии» – в городе можно было обнаружить в значимом объеме и виде литературной институции только ЛЕФ и пролетарских авторов. Литературную жизнь НЭПа до 1927 г. фактически определил Пролеткульт. История САПП, показанная далее, – опыт поэтапного вытеснения идеологии Пролеткульта через предварительное слияние с ним.

Саратовский Пролеткульт возник как литературная студия в 1918 г. В январе 1919 г. номинально в студии обучались 100 человек, фактически, по разным данным, постоянно посещали занятия от 30 до 60. Плоды пролеткультовского творчества сохранились на страницах журнала «Горнило», увидевшего свет в июле 1918 г., и в сборниках «Взмахи», первый выпуск которого появился в декабре 1919 г. В целом, определяющей литературной традицией для пролеткультовцев Саратова было творчество поэтов «Кузницы».

Литературная деятельность организации финансировалась отчислениями от профсоюзных членских взносов и субсидиями Наркомпроса. Местный Пролеткульт поддерживал установку на независимость пролетарской культурной работы от государственных и партийных органов. По воспоминаниям писателя, публициста, критика, постоянного автора издания «Саратовский дневник» Н. М. Архангельского, саратовский Пролеткульт подражал автономному культурничеству Москвы. Архангельский подчеркивает в своем дневнике то характерное обстоятельство, что для местного пролеткультовского отделения не был авторитетен Отдел народного образования (Губоно), структура, которая во время описываемых событий (1918 г.), в условиях отсутствия Гублита, Губполитпросвета и других организаций, была наделена функциями государственного контроля над литературной жизнью: «Между Пролеткультом и Отделом народного образования идет борьба. Вчера она вылилась в безобразный скандал. В 3 часа дня в Народном Дворце назначена была от Отдела народного образования публичная лекция Арановича... Сцена оказалась занята деятелями Пролеткульта» [13, с. 20].

То же стремление контролировать литературную жизнь города наблюдалось и спустя несколько лет. Как пишут авторы книги «Гу-

бернская власть и словесность»: «В 1925 г. ... в Саратове именно Пролеткульт ведает всеми вопросами литературно-художественного порядка» [4, с. 20]. Членам САПП рекомендовали приходиться «учиться у мастеров слова».

В Саратове художественное творчество нашло существенную поддержку в профсоюзах. В 1926 г. 59 из 66 губернских клубов принадлежало профсоюзам и находилось на их содержании [14]. (Иногда в исследовательской литературе приводятся данные о большем количестве клубов, обычно это связано с включением в общее число красных уголков.) Члены профсоюзов платили взносы, десять процентов от них ежемесячно отчислялось на культуру, в том числе и на нужды книгоиздания. Финансовый поток из Москвы был почти в десять раз меньше собранного профсоюзами: в 1926 г. центральные органы обеспечивали саратовскую культурную жизнь в размере 19 тыс. 179 руб. 79 коп. в год, тогда как профсоюзы отчисляли в местный бюджет на культуру не менее 17 тыс. руб. ежемесячно [15]. Таким образом, не только инструкции местных политпросветов, но и профсоюзы и кооперативы могли определять фактическое содержание культурных мероприятий [16], поскольку ставка делалась на их самоокупаемость (в случае планируемого кассового сбора) и развлекательность. Закономерно, что лица, занимающиеся просвещением в профсоюзах с малым процентным содержанием в коллективе коммунистов, ориентировались в большей степени на актуальные запросы и вкусы своих работников, а не на пролетарские идеологические ценности.

Очень важно отметить, что на протяжении всего периода формирования САПП, рассматриваемого далее, у авторов, входивших в организацию (в том числе, например, М. Дупленко), были лишь разрозненные публикации, но не было изданных в Саратове книг. На наш взгляд, это говорит о том, что финансирующие органы (в том числе представители профсоюзов) не захотели заниматься вопросами книгоиздания сапповцев, так как вплоть до 1927 г. организация только набирала авторитет.

Как и в центре, в провинции оставалось значительное количество «бывших людей» [17], идеологически не ассимилированных в полной мере советской властью, но в Саратове представители этого слоя не обладали способностью вести за собой массы. На уровне лекционных выступлений более или менее успешным среди таких деятелей можно считать Л. А. Словохотова, бывшего товарища прокурора, сына протоиерея Оренбургской епархии. У нас нет сведений о наличии у Словохотова достаточного количества идейных последователей, которые бы сделали его серьезным оппонентом САПП.

В своем труде «О классиках русской литературы» (1927) Словохотов с позиций социологизаторства выступил адвокатом Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского и других классиков, заявляя, что русская литература вполне пригодна для целей воспитания пролетариата. После выхода книги появилось немало отрицательных отзывов, например статья саратовца В. Ф. Бабушкина «Попытка с негодными средствами» [18], где автор справедливо указал, что малообразованный саратовский рабочий не сможет прочитать 195 страниц текста со ссылками на древнегреческих авторов, человек же широкого кругозора уже знаком с описываемым в книге.

Стиль пролетарских авторов в саратовских работах (например, А. А. Курчавова и Г. Лелевича) был лишен полемического накала в сравнении с напостовскими московскими работами по причине отсутствия стоящего временных и эмоциональных затрат оппонента. Количественные характеристики саратовского литературного фронта дополнительно характеризуют то, что в ранее упомянутой группе ЛЕФ состоял чуть ли не один человек, и в 1927 г. в отчете АПО указывается, что группа не оформлена [19]. Таким образом, представлять саратовскую литературную ситуацию в виде борьбы оппозиционно настроенных институций невозможно.

По версии первых «летописцев», допустивших большое количество неточностей, в 1923 г. члены саратовского Пролеткульта Л. Борзов и Н. Иванов под руководством очеркиста, комсомольского лидера А. А. Курчавова составили ядро саратовской группы пролетарских авторов «Октябрь» [9, с. 78]. Эта версия ошибочна. Фактически группа «Октябрь» возникла в апреле 1924 г., что подтверждается сведениями саратовских средств массовой информации.

На общем собрании литстудии Пролеткульта 4 апреля 1924 г. был заслушан доклад В. Михайловича о необходимости создания местной ассоциации пролетарских писателей и поэтов. Было принято постановление об объединении пролетарских литературных сил в целях более организованной и успешной борьбы с буржуазной идеологией. В газете «Саратовские известия» от 9 апреля сообщалось, что объединение пролетарских писателей будет группироваться около основного ядра литстудии саратовского Пролеткульта, а 5 августа было опубликовано объявление, свидетельствующее об отсутствии идеологических разногласий между саратовским Пролеткультом и группой «Октябрь».

Итак, история САПП как объединения, вобравшего в себя кадры местного Пролеткульта и саратовской группы «Октябрь», с отставанием на год и месяц воспроизводит события литера-

турной жизни Москвы, где в марте 1923 г. оформилась МАПП. Отмеченное выше изменение реальной даты создания саратовской группы «Октябрь» с 1924 г. на 1923 г., зафиксированное нами в источнике 1932 г., могло преследовать задачу демонстрации большей политической чуткости «Октября» и связи местных литературных сил со столичным идеологическим фронтом. Но также оно могло быть обусловлено и желанием В. Бочкарева и И. Пехтелева, являющихся, скорее всего, авторами первой теоретической работы о САПП 1932 г. (они скрываются за инициалами), подчеркнуть «первородство» «Октября» по отношению к другой группе писателей. Из целого ряда источников становится очевидно, что «Октябрь» не был единственным объединением, претендовавшим на гегемонию в литературной жизни. Проследить историю конкурентов, к сожалению, крайне трудно, так как обнаруживаются лишь лаконичные свидетельства о распаде конкурирующих групп к моменту объединения Пролеткульта с «Октябрем».

Устав САПП был принят 28 января 1925 г. В организацию, помимо упоминавшихся в связи с группой «Октябрь» Борзова, Иванова и Курчавова, вошел более известный в Саратове прозаик В. Ф. Бабушкин. Его рассказ «На охоте» опубликовали к тому моменту ведущие саратовские средства массовой информации. На протяжении 1920-х гг. он был одним из самых часто печатаемых авторов: так, с марта по апрель 1926 г. в «Саратовских известиях» вышла повесть «Репьи».

С 1924 г. основным периодическим изданием, где публиковались отчеты САПП, стала газета рабоче-крестьянской молодежи «Большевикский молодняк», являвшаяся официальным изданием Саратовского губернского комитета ВЛКСМ. Предпочтительной формой работы были избраны вечера самокритики, проходившие по понедельникам и предполагавшие чтение и разбор собственных произведений.

Вокруг газеты сгруппировались комсомольские и пионерские литературные силы. Было отведено место под литературный уголок, а также публиковались ответы на письма и разбор произведений, присланных в редакцию. Первое крупное мероприятие САПП – вечер памяти С. Есенина – было проведено 7 января 1926 г. Среди других мероприятий 1926 г. в газетах упоминаются выступление в Саратове в клубе «Труд и наука» известных пролетарских поэтов А. А. Жарова и И. Молчанова, а также несколько диспутов о современной литературе, один из которых был посвящен роману Ф. В. Гладкова «Цемент».

О факте существования САПП ведущее периодическое издание города «Саратовские

известия» упоминает в 1926 г. лишь два раза. В 1927 г. мероприятия САПП посещало уже около 1000 человек в месяц [20]. Причину подобного повышения интереса массового читателя к деятельности организации можно связать с общим ростом политического влияния ВАПП.

В 1927 г. заканчивается первый этап истории саратовской АПП, который необходимо выделить, так как с 1924 по 1927 г. произошло четырехкратное увеличение личного состава организации, закрепление ее официального устава и неофициальной иерархии внутри нее. В январе 1926 г. в организации состоит 11 человек, через год – уже 22 представителя, спустя еще шесть месяцев, в июне 1927 г., в ней числится 42 участника (24 саратовских, 4 в Сердобске, 9 в Вольске и 5 в Петровске). Однако заметный рост САПП и ее влияние на литературную жизнь Саратова нужно связать не с внутренними факторами, а с внешними – прибытием литературного «подкрепления» из центра. В 1926 г. в Саратов приехал изгнанный из руководящих органов ВАПП Г. Лелевич.

Приезд Лелевича обновил литературную жизнь города: стала избыточной установка на необходимость учебы в Пролеткульте у «мастеров слова». Закат саратовского Пролеткульта начался в 1927 г.: последнее упоминание литературной студии организации датируется в архивном документе 28 июня 1927 г. Стремительное вытеснение Пролеткульта объясняется тем, что «произошел поворот от внутреннего собрания к внешней вербовке и росту» [21]. Внешняя вербовка на деле представляла собой регулярную агитационную деятельность Лелевича на культурных площадках города и губернии.

Представитель наиболее радикального крыла «наповостства», политический оппозиционер Лабори Гилелевич Калмансон (псевдоним Г. Лелевич) оказался в ссылке наряду со многими активистами, замеченными во фракционной деятельности, после XIV съезда партии. За участие в ленинградской оппозиции и в связи с радикальными заявлениями о нежелании солидаризоваться с попутчиками в 1926 г. Лелевич был переведен в Саратов как регион, специально предназначенный для политической ссылки.

Находясь в Саратове, Лелевич являлся членом губернского суда. С 1 января 1927 г. по 1 декабря 1928-го работал доцентом кафедры истории русской литературы педагогического факультета Саратовского университета. Он был исключен из членов ВКП(б) 2 января 1928 г. как оппозиционер и отстранен от занимаемой должности доцента СГУ 1 декабря 1928 г. по предъявлению обвинения в преступлении, предусмотренном п. 10 ст. 58 УК РСФСР. Деятельность Лелевича уже

стала предметом изучения, поэтому далее остановимся лишь на том, что еще не было акцентировано в существующей литературе [21–23].

Даже при самом беглом знакомстве с материалом очевидно, что лекционная работа литератора в Саратове выходила за пределы программы для руководителей (так называли руководителей) кружков САПП, рекомендуемой центральными органами. Курс, прочитанный для САПП в течение 1927 г., был авторским, независимым от вапповских циркуляров, и нужно всемерно подчеркивать для установления в исследовательской литературе ясности: Лелевич не был просто «гостем», он стал интеллектуальным центром саратовской организации. Для САПП им было разобрано более 10 тем, связанных с социальным назначением искусства, личностью художника и класса, содержанием и формой художественной литературы, словесным материалом и изобразительными средствами, основами стихосложения, развертыванием сюжета и др. Разрозненные упоминания о деятельности Лелевича, найденные в мемуарах и автобиографических документах, свидетельствуют об исключительно высокой оценке лектора представителями научной общест-венности [5].

1927 г. оказался отмечен ростом культурного уровня САПП: на страницах «Большевистского молодняка» появилась постоянная литературная консультация ассоциации, ее члены вступили в диалог с центральными органами ВАПП. В январе 1927 г. в городе выступил В. Маяковский, 4 и 7 февраля 1927 г. состоялась встреча с И. Уткиным. В июне того же года в Саратов прибыл соратник Лелевича по радикальному наповостовству А. Безыменский. Широкое освещение в газетах получило другое мероприятие 1928 г. – литературный вечер с участием И. Молчанова.

Важным событием марта 1928 г. стала Первая поволжская конференция пролетарских писателей, на которую саратовцы прибыли с самым большим по Поволжью количеством решающих голосов. Решающий голос принадлежал В. Бочкареву, П. Нагулевичу, Л. Борзову и А. Курчавову. Несмотря на видимое благополучие, в рядах организации тем временем уже зрел конфликт, во многом обусловленный разностью социального положения, происхождения и академического потенциала участников.

Отметим как важную особенность в связи с этим, что САПП, в отличие от организаций из промышленных регионов (Ленинграда, например), не имела возможности обеспечить пролетарскую «чистоту» своего состава. Небольшое общее количество рабочих в городе не имело к моменту основания, в 1924 г., тенденции к росту [24]. По своему духу к 1930 г. САПП была

организацией, представленной не только и не столько рабочими, сколько контрапунктом двух несмыкающихся направлений – лиц, настроенных на общественно-политическую карьеру, и участников с университетским образованием, последовательно выстраивающих карьеру академическую.

Начало реконструктивного периода остро поставило вопрос о социальной активности местных ассоциаций и процентном содержании рабочих в их составе. После Первого Всесоюзного съезда пролетарских писателей ВАПП был реорганизован в ВОАПП (Всесоюзное объединение Ассоциаций пролетарских писателей). Были выдвинуты лозунги о необходимости более пристального внимания пролетарских писателей к производству, в связи с чем деятельность САПП подверглась резкой критике Москвы. Одно из направлений этой критики – призыв ударников – заставляет провести дополнительный анализ источников. Из выступления на Пленуме РАПП в декабре 1931 г. Д. Б. Рязанова (первого руководителя Института Маркса и Энгельса, отправленного в Саратов за якобы сочувствие меньшевизму) следует, что в Саратове было призвано более 100 ударников. Можно назвать другие регионы с аналогичным или даже меньшим числом призванных. Таким образом, критика невыполненных директив была, с нашей точки зрения, камуфляжем недовольства другими явлениями внутри САПП.

После прошедшего в ноябре 1928 г. съезда нижеволжских АПП САПП покинула пятая часть участников, недовольная расслоением внутри организации. Второй, зрелый этап существования организации (с 1928 г.) отмечен множественными конфликтами. В 1929 г. Курчавов был выведен из состава правления САПП [25]. Печатный орган «Молодой ленинец» в это время призывал к восстановлению литературной работы, налаживанию связи со сталинградской и астраханской организациями, проведению чистки состава и перерегистрации кружков и АПП в крае.

29 февраля 1928 г. было открыто Саратовское общество литературоведения, поддержку ему оказывал ректор Саратовского университета С. З. Каценбоген. Академическое направление саратовской АПП, опирающееся на работу этого общества, к 1930 г. было представлено И. М. Машбиц-Веровым, И. Г. Пехтелевым, В.А. Бочкаревым и В. П. Друзиным. Железнодорожный рабочий Иванов и комсомольский лидер Курчавов, представлявшие исконное ядро САПП, не ассоциировали себя ни с академическим литературоведением, ни с наукой в каком-либо виде. К 1930 г., таким образом, уже существовало противостояние между прибывшими в Саратов В. П. Друзи-

ным и И. М. Машбиц-Веровым, с одной стороны, и первоначальным составом, с другой.

В. П. Друзин оказался в Саратове после исключения из ЛАПП в связи с формалистским прошлым. В 1931 г. в Саратове в соавторстве с М. Бродским-Красновым Друзин выпустил книгу «Краткий очерк истории русской литературы XIX и XX веков», изъятую впоследствии цензурой. Во время второго пленума РАПП в феврале 1931 г. А. Курчавов обвинил Друзина в следовании идеям Г. Е. Горбачева, так называемой «контрабанде» в литературоведении. Друзин, начав работу в Саратове в 1930 г, уже в 1931-м не только выпустил огромным для провинциального города тиражом в 10.000 (по другим сведениям, 20.000) экземпляров книгу по истории литературы, но он еще и претендовал на то, что по его пособию должны заниматься красноармейцы.

Таким образом, образовался «триумvirат» из сторон, претендующих на влияние в САПП – приезжие Друзин и Машбиц-Веров (имевшие теоретические разногласия между собой), ученики саратовского профессора Скафтымова (Бочкарев и Пехтелев) и комсомольско-партийный внеакадемический актив организации. История взаимоотношений всех трех сторон кратко изложена в переписке Друзина с профессором В. В. Бушем, находившимся в Саратове до 1931 г. Машбиц-Веров вел себя очень агрессивно, полагая себя достойным занять не только место заведующего кафедрой, но и руководителя отделением. Ситуация осложнялась тем, что Скафтымов не имел тогда большого влияния на студенчество, его ученик Бочкарев даже временно принял сторону Машбиц-Верова.

Редакция издания «Молодой ленинец», ставшего официальным печатным органом Нижне-Волжского бюро ЦК ВЛКСМ, к этому времени начала противопоставлять себя АПП и демонстрировать приоритетную роль комсомола в культурном строительстве. Таким образом, суть противостояния, на наш взгляд, ясна и отражает общую тенденцию по стране – комсомольцы против «приват-доцентчины», как это формулировалось в то время. Конфликт принял настолько серьезный характер, что во время разбора книги Друзина авторам (она была написана, напомним, в соавторстве с Красновым) было предъявлено обвинение не просто в следовании идеям Горбачева, а в троцкизме. Описывая в 1931 г. Бушу все обстоятельства, связанные с выходом книги, Друзин предлагает ему воспринимать произошедшее как «развлечение». Тем не менее ректор университета Каценбоген, предварительно одобрявший книгу, счел необходимым оправдываться в связи с изданием рукописи. Далее дело дошло до оформления

документов для судебного разбирательства между руководителем издательства, где вышла книга, и редактировавшим ее Машбиц-Веровым, попытавшимся отказаться от какой-либо ответственности за свою правку. Отметим, что все задействованные в конфликте (Каценбоген как руководитель вуза, Машбиц-Веров, Друзин) после описанных событий покинули Саратов, видимо, понимая, что предъявленные обвинения в троцкизме выходят за пределы обычных университетских конфликтов.

Итак, в статье показано, что события центра воспроизводились в Саратове сначала с отставанием в пределах от года до полутора лет, а затем уже почти синхронно. Описанный нами саратовский конфликт был своеобразной копией московской дискуссии о роли комсомола между ВОАП и «Комсомольской правдой», также он был очевидным следствием отношения к Институту красной профессуры. Суть этого конфликта неизменна даже при перенесении в иные географические условия – это борьба за литературное влияние, включая и материальные факторы (редакционно-издательскую инфраструктуру, гонорары и тиражи), но, разумеется, не исчерпываемая ими.

Список литературы

1. Аймермахер К. Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917–1932. М. : АИРО-XX, 1998. 204 с.
2. Добренко Е. Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб. : Академический проект, 1997. 320 с.
3. Московская Д. С. Пролетарская литература как проект // Новое литературное обозрение. 2021. № 5 (171). С. 80–93.
4. Губернская власть и словесность: литература и журналистика Саратова 1920-х годов / под ред. Е. Г. Елиной, Л. Е. Герасимовой, Е. Г. Трубецковой. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2003. 422 с.
5. Жуйкова А. Литературная жизнь Саратова первого октябрьского десятилетия (хроника) // Рожденные революцией. Сборник литературоведческих статей-очерков о писателях Поволжья / под ред. и со вступ. ст. П. Бугаенко. Саратов : Приволжское книжное изд-во, 1968. С. 220–237.
6. Жук А. Критика и литературоведение в Саратове за полвека // Рожденные революцией. Сборник литературоведческих статей-очерков о писателях Поволжья / под ред. и со вступ. ст. П. Бугаенко. Саратов : Приволжское кн. изд-во, 1968. С. 237–250.
7. Демченко А. Литературная и общественная жизнь Саратова : из архивных разысканий. Саратов : ИЦ «Наука», 2008. 202 с.
8. Касович А. С. Книгоиздание в Саратовской губернии 1918–1928 гг. как объект научных исследований // Сфера культуры. 2022. № 1 (7). С. 75–87. https://doi.org/10.48164/2713-301X_2022_7_75
9. Козулина М. В., Романенко А. П. Советская массовая поэзия. Саратов : ИЦ «Наука», 2009. 238 с.
10. Рабочая книга по литературе народов СССР для VII гр. ФЗС и III гр. ШКМ / сост. В. Бочкарев, И. Кравченко, А. Медведев, И. Пехтелев ; под ред. А. П. Скафтымова. Саратов : Нижневолжское краевое изд-во, 1932. 87 с.
11. Саратовский губком ВКП(б). Материалы губернского совещания политпросветов // ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 945.
12. Корниенко Н. В. «Нэповская оттепель»: становление института советской литературной критики. М. : ИМЛИ РАН, 2010. 504 с.
13. Архангельский Н. М. Дневник. 1918 // Саратовский областной музей краеведения. Ф. 15774/16.
14. Саратовский губком ВКП(б). Доклад для пленума губсовета. Докладные записки // ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 110. Л.11.
15. Саратовский губком ВКП(б). Доклад для пленума губсовета... о состоянии профсоюзов в губернии // ГАНИСО. Ф.27. Оп. 4. Д. 110. Л. 29.
16. Хрусталева А. В. Профсоюзы и литературная политика в провинции периода НЭПа (к вопросу о становлении института цензуры) // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 4. С. 316–333. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2018-3-4-316-333>
17. Смирнова Т. М. Бывшие люди Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции. М. : Мир истории, 2003. 296 с.
18. Бабушкин В. Ф. Попытка с негодными средствами // Саратовские известия. 1927. 25 сент. С. 2.
19. Саратовский губком ВКП(б). Протоколы, выводы по обследованию клубов // ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 794. Л. 8.
20. Саратовский губком ВКП(б). План работы отдела, тезис к докладу о состоянии уездной печати и отчет о состоянии писательской организации губернии // ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 974. Л. 8.
21. Саратовский губком ВКП(б). Протоколы заседаний Первой Поволжской конференции пролетарских писателей // ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 960. Л. 14–15.
22. Иванюшина И. Ю. Г. Лелевич // Литературоведы Саратовского университета. 1917–2009 : Материалы к биографическому словарю / под ред. В. В. Прозорова. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2010. С.128–132.
23. Елина Е. Г. Три взгляда на литературу и революцию: Л. Троцкий, Вяч. Полонский, Г. Лелевич // Русская интеллигенция и революция в литературе XX века : к 100-летию революции 1917 года, к 125-летию со дня рождения К. А. Федина / редкол. : И. Э. Кабанова (отв. ред., сост.) [и др.]. Саратов : ИЦ «Наука», 2018. С. 23–32.
24. Новинский В. Социальный и профессиональный состав населения гор. Саратова // Нижнее Поволжье. 1924. № 1. С. 82–85.
25. Протоколы заседаний секретариата РАПП // ОР ИМЛИ РАН. Ф. 40. Оп. 1. Д. За. Л. 17.

Поступила в редакцию 01.11.2022; одобрена после рецензирования 24.11.2022; принята к публикации 30.01.2023
The article was submitted 01.11.2022; approved after reviewing 24.11.2022; accepted for publication 30.01.2023

ЖУРНАЛИСТИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 166–171

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 166–171

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-166-171>

EDN: GSRVPL

Научная статья

УДК 070.16

Отражение стратегического нарратива противостояния в негосударственных онлайн-медиа

О. И. Агнстикова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

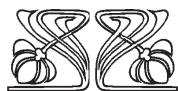
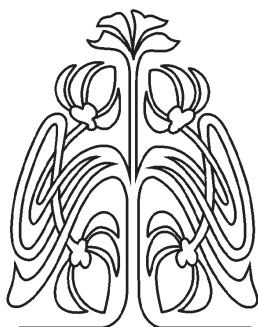
Агнстикова Ольга Игоревна, аспирант кафедры национальных и глобальных медиа, agniolya570@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6228-2857>

Аннотация. Статья посвящена проблеме медийного проецирования стратегических нарративов в условиях господства антагонистического дискурса в отношениях между Россией и Западом. Актуальность проблема приобретает ввиду усиления конфликтной составляющей на международной арене, что вызывает стремление ряда стран диктовать свой вариант толкования происходящего в качестве единственно верного с помощью активизации процесса производства общественного согласия. На примере нескольких зарубежных онлайн-изданий показана специфика нарратива противостояния. Обозначены его структурные элементы, раскрыты особенности. Утверждается, что содержанием опосредованного нарратива выступает обвинительная риторика, лежащая в плоскости внешнеполитических межгосударственных отношений. Охарактеризованы несколько моделей медийного отображения стратегических нарративов. Выявлено, что, помимо государств и политического руководства, в нарратив противостояния вовлечены также лица, критикующие власть, которые изображены в качестве угнетаемых. Подчеркивается, что основным инструментом выстраивания нарратива противостояния выступает использование дискурсивных практик конструирования «Другого», отличающихся негативно-оценочной семантикой, что актуализирует образ «чужого» как внешнего врага. В качестве «каркаса» рассматриваемого нарратива предстают темы, которые в связи с кардинальными расхождениями в толковании относящихся к ним событий углубляют противоречия с «Другим» как дискурсивной мишенью. Среди тактик, используемых для укрепления нарратива противостояния, выделяется ниспровержение контрнарративов, формируемых противоположной стороной. Обнаружено, что важными условиями, благоприятствующими функционированию в СМИ нарратива противостояния, обладающего качествами конфликтности, радикальности, являются элитарно-официальная природа большинства новостей, а также декларирование информационной войны. Сделан вывод, что опора на одни и те же стратегические нарративы в журналистских материалах выступает фактором дискурсивного ограничения спектра оценок общественно значимых событий, явлений, процессов, а состояние конфликта интерпретаций интенсифицирует антагонистический характер транслируемых в медиа нарративов, активизируя символическую борьбу между ними за осуществление дискурсивной власти.

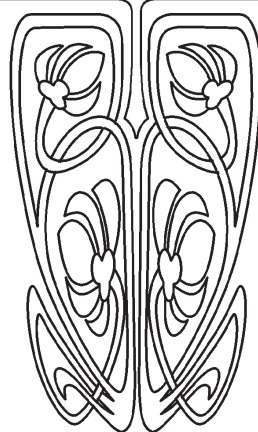
Ключевые слова: стратегический нарратив, дискурсивные практики, дискурсивная борьба, символическая власть, антагонистический дискурс

Для цитирования: Агнстикова О. И. Отражение стратегического нарратива противостояния в негосударственных онлайн-медиа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 166–171. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-166-171>, EDN: GSRVPL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Reflection of the strategic narrative of confrontation in non-governmental online media

O. I. Agnistikova

Kazan (Volga Region) Federal University, 18 Kremlyovskaya St., Kazan 420008, Russia

Olga I. Agnistikova, agniolya570@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6228-2857>

Abstract. The article deals with the problem of media displaying strategic narratives in the context of the domination of the antagonistic discourse in the relations between Russia and the West. The issue is becoming ever more urgent since the conflict component is being intensified on the global stage, which prompts the eagerness of a number of countries to impose their interpretation of what is happening as the only correct version, by means of promoting public agreement. On the example of several foreign online media the specific features of the narrative of confrontation are shown. Its structural elements are indicated, its particular properties are revealed. It is argued that the content of the constructed narrative is accusatory rhetoric, lying on the plane of foreign policy interstate relations. Several models of media representation of strategic narratives are characterized. The narrative of confrontation is revealed to have involved, besides the states and political leadership, people criticizing government, as the oppressed. It is emphasized that the main tool for constructing the narrative of confrontation is the use of discursive practices of constructing the "Other", characterized by negative and evaluative semantics, which actualizes the image of the "alien" as an external enemy. Some topics are defined as the "framework" of the narrative in question; due to significant differences in the interpretation of events related to them, they sharpen the contradictions with the "Other" as with the discursive target. It was found that important conditions favorable to the functioning of the narrative of confrontation in the media are the elitist-official nature of the majority of news, as well as the declaration of the information war. It is concluded that the reliance on the same strategic narratives in journalistic materials acts as a factor of discursive limitation of the spectrum of evaluations of socially significant events, phenomena and processes, and the state of conflict of interpretations intensifies the antagonistic nature of the narratives broadcast in the media, activating the symbolic struggle between them for the exercise of discursive power.

Keywords: strategic narrative, discursive practices, discursive struggle, symbolic power, antagonistic discourse

For citation: Agnistikova O. I. Reflection of the strategic narrative of confrontation in non-governmental online media. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 166–171 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-166-171>, EDN: GSRVPL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Под влиянием предельно напряженной международной обстановки медийные источники все чаще позиционируются как средства ведения «информационной войны», что способствует конфронтационной риторике, создавая враждебного «Другого» [1, р. 289]. Для подобной ситуации характерна дискурсивная борьба на поле означивания, когда через «выработку, трансляцию и усвоение смысла социальными субъектами» [2, с. 5] реализуется механизм власти над общественным сознанием, утверждается один из конфликтующих друг с другом вариантов интерпретаций общественно значимых событий, явлений, процессов.

Исследователями признается значимая роль контекстуального эффекта в процессе формирования общественного мнения: «...люди, живущие в разных медийных контекстах, могут подвергаться воздействию и получать информацию о разных вопросах в зависимости, по крайней мере частично, от своего местонахождения» [3, р. 5]. Изменчивость информационной среды во времени и пространстве «в значительной степени предопределяет относительный вес социальных и других механизмов в структурировании тенденций общественного мнения» [4, р. 44].

Аудитория более склонна полагаться на сообщения СМИ при невозможности обращения к непосредственному персональному опыту [5, р. 3]. Медиатизированный опыт играет особую

роль применительно к политической тематике: «...вследствие зависимости от СМИ в получении политической информации, а также разнообразия точек зрения медиаконтекст может в большей степени, чем межличностные дискуссии, ознакомить людей с актуальным климатом мнений» [3, р. 4]. Кроме того, медийные источники оказывают влияние на воспринимаемый образ страны, значимость чего возрастает в периоды конфликтов, кризисов и долгосрочного, углубляющегося раскола в межгосударственных отношениях, роста взаимного недовольства, недоверия.

Учитывая, что «кульминация обоюдных разочарований перешла в официальную коммуникацию» [6] и прочно закрепилась в ней, медиа, задавая определенные рамки, позволяющие оценивать те или иные события в заданном ключе, нередко обращаются к объяснительным схемам, уже сформированным властями (правительством) какой-либо страны. Как результат, коммуникационная среда представлена интерпретациями, находящимися подчас в состоянии противоречия друг с другом [7, р. 11]. Речь идет о производимых государствами и зачастую несовместимых друг с другом стратегических нарративах, которые конкурируют между собой за поддержку аудитории [8, р. 117].

Обозначенные выше обстоятельства свидетельствуют об актуальности рассмотрения проблемы влияния доминирующих в официальном

политическом дискурсе нарративов на содержание журналистских материалов. Применяя в настоящей статье концепцию стратегического нарратива, мы исходим из того, что она обеспечивает более глубокое понимание того, как медиа могут использоваться ведущими политическими субъектами в стремлении последних достичь определенных коммуникативных целей, в том числе сформировать и поддерживать общественное мнение. Кроме того, данная концепция позволяет полнее раскрыть инструментальную роль медиа в условиях символической битвы противостоящих друг другу трактовок событий, влияющих на отношения между странами в обстановке возрастающей конфликтности на международной арене.

Стратегические нарративы в традиционных медийных источниках изучены в достаточной степени, чего нельзя пока сказать о новостных ресурсах «цифровой» природы. Высказывается лишь общее замечание, что стратегические нарративы хрупки в гибридной онлайн-среде: «...проецируемые популярным источником информации, они уже не имеют прежнего уровня доминирования... и, следовательно, должны постоянно подкрепляться новыми историями, чтобы вызвать дискуссию и удержать внимание аудитории на теме» [9, р. 62]. Настоящее исследование призвано внести вклад в восполнение этого пробела. На примере нескольких сетевых изданий мы стремимся выяснить, какое место стратегические нарративы занимают в негосударственных онлайн-медиа.

Под стратегическим нарративом в настоящем исследовании понимается репрезентация последовательности событий и идентичностей, «коммуникативный инструмент, с помощью которого политические акторы» (как правило, элиты) «пытаются придать определенный смысл прошлому, настоящему и будущему» для достижения политических целей [10, р. 112]. Стратегический нарратив рассматривается в качестве социального конструкта, «основанного на взаимодействии государств как со своими обществами, так и с внешними значимыми другими» [7, р. 8]. Его параметры ограничены преобладающими внутренними и международными представлениями и ожиданиями [7, р. 8].

Медийная проекция стратегических нарративов связана с достижением различных коммуникативных целей, таких как установление повестки дня, отвлечение внимания, обеспечение молчаливого согласия, повышение популярности, содействие формированию определенного политического курса [11, р. 23–24]. Они также могут быть направлены на легитимацию политических решений и консолидацию общественного мнения по тому или иному вопросу [7, р. 8]. Считается

поэтому, что первоисточником стратегических нарративов является государство, стремящееся упрочить свое влияние на восприятие, мнения и поведение населения, а главным их распространителем называют телевидение (в частности, новостные передачи) [12, р. 379].

Сила стратегических нарративов основана на эмоциональной и социокультурной составляющей: «...каждая сторона стратегически проецирует свой собственный ценностный и эмоционально насыщенный нарратив о проблемах, которые имеют наибольшее значение, о том, что их вызвало и как они должны быть решены, с целью убедить других в том же мнении» [13, р. 75]. Это формирует контекст, в котором другие сообщения могут с большей легкостью быть направлены в необходимое русло [14, р. 408], чему способствуют степень резонирования с ценностями аудитории, убедительность описания причин и следствий [15, р. 23].

Настоящее исследование строится на предположении, что онлайн-издания в целом не отстают от стратегических нарративов, установленных властью и выражающих противостояние России и Запада. Оговоримся: дальнейшее рассмотрение западных медиадискурсов не означает, что стратегические нарративы не представлены в дискурсах иных стран.

Эмпирической базой послужили материалы трех зарубежных сетевых изданий: 15min (Литва), Gazeta (Польша), Aktualne (Чехия). Выбор обусловлен следующими факторами: регистрация издания в стране, характеризующейся напряженностью отношений с Россией, негосударственная форма медиасобственности, размер аудитории, превышающий один миллион посетителей в месяц, акцент на общественно-политической тематике, провозглашение принципа независимости в открыто публикуемой редакционной политике. Хронологические рамки исследования: июль–декабрь 2021 г. Для анализа использована аналитическая схема М. Р. Сомерса (действующие лица, связь событий друг с другом, темпорально-пространственный срез) [16, р. 616]. Рассматривая нарративные структуры, мы обращались к таким элементам, как акторы (приписываемые им характеристики, а также действия, с которыми они ассоциируются), основные темы и проблемы [17, р. 21].

Анализ показал, что в целом в выбранных изданиях с высокой степенью выраженности прослеживается соответствие стратегическому нарративу противостояния. Последний выстраивается вокруг воспринимаемой враждебности по линии противопоставления России и Запада, что типично для медийного и политического дискурса последних лет [18, с. 95]: «...это лишь один

из элементов широко проводимой операции, направленной против нас и всего Запада» [19] (здесь и далее в качестве примеров приводятся некоторые цитаты из рассматриваемых изданий).

Содержанием нарратива выступают обвинения в гегемонии, злонамеренности, игнорировании интересов стран западного мира, интервенционизме, нарушении международно-правовых норм: «...используются мифы для оправдания агрессии против других стран и нарушения общепринятых норм международного права» [20]. Преобладающий мотив связан с обвинением-вызовом и адресуется контрагенту-противнику, что является одним из свойств нарративной рамки правительственной риторики [21, с. 66]: «Это режим, который бросает вызов не только россиянам, верящим в демократию, но и Западу, раздираемому различными интересами» [22]. Интерпретация событий обычно не выходит за пределы нарратива противостояния, встраиваясь в его структуру. Противоположные стратегические нарративы (контрнарративы) ниспровергаются: «...правлящая элита, выступая с лозунгами о борьбе с “западным разложением” и защите российских традиций, открыто и беззастенчиво потребляет его в виде предметов роскоши» [20].

Наиболее видимыми акторами выступают официальные лица (представители политического руководства), что указывает на элитарную природу главных источников информации в журналистских текстах, следующих логике стратегических нарративов. Эта особенность согласуется с государственным происхождением стратегических нарративов: последние исходят именно от правящих кругов. Господство такого рода субъектов в медиадискурсе одновременно как действующих лиц и источников усиливает стратегические нарративы, придает им значимость, поскольку «диапазон голосов», допускаемых в поле журналистики, «формирует понимание мира обществом» [23]. Официальная позиция «противника» приводится обычно тогда, когда она вписывается в конфликтный нарратив: «Россия пригрозила военным ответом на расширение НАТО» [24].

Вышеупомянутый стратегический нарратив обнаруживает себя не только при цитировании официальной позиции представителей власти, но и в экспертных комментариях, а также при непосредственном выражении мнения автором текста. Это позволяет говорить о нескольких моделях медийного отображения стратегических нарративов:

1) модель трансляции официальной (государственной) позиции – реализуется, как правило, в заметках, связана с цитированием высказываний политических деятелей без каких-либо авторских комментариев;

2) модель трансляции авторской (журналистской) позиции – реализуется чаще всего в статьях, связана с выражением от лица автора (журналиста) активной субъектной позиции;

3) модель трансляции экспертной позиции – реализуется обычно в интервью, комментариях, связана с выражением экспертного мнения.

Объектом, на который направлен стратегический нарратив противостояния, служит отдельная страна. Прослеживается интенция формирования ее негативного медиаобраза, что достигается за счет дискурсивных практик конструирования «Другого» [25, с. 24], имеющих отрицательно-оценочную семантику. Актуализируется образ внешнего врага, а на первый план выходят его негативные характеристики. Этот эффект усиливается при персонификации дискурсивного объекта. Персонифицированный образ позволяет задействовать личностные идеологемы, которые складываются вокруг лидера государства и «укореняются в массовом сознании с помощью стереотипов»: к примеру, образ диктатора [26]. Кроме того, активизируется присвоение отрицательно-оценочных идентификаторов, лежащих в моральной плоскости. Дискурсивному объекту-мишени приписываются номинации с отрицательной коннотацией, которые являются ядром семантической доминанты «агрессия/агрессивность».

Помимо политических акторов определенная роль в нарративе принадлежит категории действующих лиц, которые изображаются как угнетенные властями страны-«врага» (к примеру, гражданские и политические активисты). Таким субъектам приписываются высокие моральные качества: «...совесть нельзя ни задавить, ни объявить вне закона» [27]. Это контрастирует с отрицательными атрибутами «радикального Другого».

Внимание акцентируется на таких темах, которые ввиду кардинальных расхождений в интерпретации относящихся к ним событий углубляют противоречия с «Другим». «Ядром» являются внешнеполитические сюжеты. Если ведущим тематическим направлением можно назвать предполагаемую внешнюю угрозу, то иные проблемные поля призваны так или иначе подтвердить этот элемент нарратива. В частности, типичными являются утверждения о распространении дезинформации, пропаганды: «Мы больше не можем отрицать, что враждебная кремлевская пропаганда нацелена на наши институты и общество» [28]. Рефреном проходит также мотив информационной войны: «Россия все активнее атакует информационное пространство» [29].

Другой тематический пласт связан с внутриполитической обстановкой. Характер поднима-

емых вопросов свидетельствует о выполнении функции демонстративного дистанцирования от «Другого» как мишени стратегического нарратива. Это достигается в основном за счет описания в негативном свете общей ситуации в стране: «...за два десятилетия... правительство неуклонно отказывалось от этих прав. Президент заглушил СМИ, заключил в тюрьмы... диссидентов и подавил политическую оппозицию» [30]. В подобную рамку вписывается проблематика нарушений прав человека, политического преследования, подавления инакомыслия, а также запретительно-ограничительной политики в области свободы слова: «...существует большое недовольство... моральным пренебрежением к правам и достоинству человека» [31]. Направленность нарратива подчеркивается с помощью широко распространенных в политическом дискурсе лексем с отрицательной коннотацией, идеологически-модальной лексики, словесных ярлыков, идеологом (например, «репрессии», «режим», «авторитаризм», «пророссийский»).

Таким образом, стратегические нарративы являются одним из механизмов производства внутринационального согласия, символической власти, дискурсивного контроля. Их функционирование связано, среди прочего, со стремлением политического руководства контролировать общественное мнение [32, p. 35]. В условиях провозглашенного информационного противостояния конкурирующие стратегические нарративы продвигаются особенно интенсивно, приобретая конфронтационный характер. Медианарративы позволяют рассмотреть интерпретационные рамки как способ «захвата» дискурса, что особенно значимо в условиях наполненности новостного поля событиями, вызывающими диаметрально противоположные реакции и оценки в зависимости от идеологической позиции.

Рассмотренные издания в целом следуют стратегическому нарративу противостояния, исходящему от политических элит. Это согласуется с тезисом о подверженности СМИ «влиянию общей политической обстановки, в которой они существуют» [33, p. 35]. Текстам свойственно дискурсивное конструирование «чужого», что является крайним выражением установления различия на уровне дискурса. Это приводит к выстраиванию антагонистического дискурса. Дискурсивная структура создает новых героев и события по схожим шаблонам: «Как снежный ком, эти когнитивные сценарии, культурно обусловленные рамки, выйти за которые становится все сложнее и сложнее, с течением времени обрастают все новыми событиями» [34, с. 175]. Фактором интенсификации стратегического нарратива выступает медиаконцепт информационной войны, использование которого

позволяет отвергнуть почти любые обвинения, выдвигаемые противоположной стороной.

Наше исследование демонстрирует, что в ряде случаев стратегические нарративы могут проецироваться в онлайн-изданиях. Цифровая среда может использоваться для поддержания, усиления сформулированных властью нарративов. Если медиаландшафт характеризуется господством одних и тех же стратегических нарративов, это может способствовать сужению круга трактовок, ограничивая те из них, которые выступают альтернативными. Последовательное представление определенных нарративов «в сочетании с реальными событиями и освещением последних в медиа усилит сопротивление изменению этих нарративов», а «отсутствие сильных контрнарративов будет способствовать укреплению существующего официального нарратива» [35, p. 7]. В то же время в диффузной медиаэкологии любые нарративы могут быть критически оценены и оспорены.

Список литературы

1. *Baumann M.* “Propaganda Fights” and “Disinformation Campaigns”: The discourse on information warfare in Russia – West relations // *Contemporary Politics*. 2020. Vol. 26, iss. 3. P. 288–307. <https://doi.org/10.1080/13569775.2020.1728612>
2. *Федотова М. Г.* Означивание социальной информации как фактор системной трансформации современного транзитивного общества : дис. ... д-ра филос. наук. Архангельск, 2016. 407 с.
3. *Hoffman L. H.* Public Opinion in Context: A Multilevel Model of Media Effects on Perceptions of Public Opinion and Political Behavior : Diss. PhD. The Ohio State University, 2007. 190 p.
4. *Shamir J.* Information Cues and Indicators of the Climate of Opinion: The Spiral of Silence Theory in the Intifada // *Communication Research*. 1995. Vol. 22. P. 24–53. <https://doi.org/10.1177/009365095022001002>
5. *Fields B.* School Discipline Coverage in Australian Newspapers: Impact on Public Perceptions, Educational Decisions and Policy. 2006. URL: <https://www.aare.edu.au/data/publications/2005/fe05290.pdf> (дата обращения: 14.05.2022).
6. *Claessen E.* The making of a narrative: The use of geopolitical othering in Russian strategic narratives during the Ukraine crisis // *Media, War & Conflict*. 2021. Vol. 16, iss. 1. <https://doi.org/10.1177/17506352211029529>
7. *Miskimmon A., O’Loughlin B., Roselle L.* Strategic Narratives: Communication Power and the New World Order. New York : Routledge, 2013. 240 p. <https://doi.org/10.4324/9781315871264>
8. *Szostek J.* Nothing is true? The credibility of news and conflicting narratives during “Information War” in Ukraine // *The International Journal of Press/Politics*. 2017. Vol. 23, iss. 1. P. 116–135. <https://doi.org/10.1177/1940161217743258>

9. Grigor I. Weaponized News: Russian Television, Strategic Narratives and Conflict Reporting : Diss. Dr. Helsinki, 2020. 100 p.
10. Miskimmon A., O'Loughlin B. Russia's Narratives of Global Order: Great Power Legacies in a Polycentric World // *Politics and Governance*. 2017. Vol. 5, iss. 3. P. 111–120. <https://doi.org/10.17645/pag.v5i3.1017>
11. Mattern J. B. Ordering International Politics: Identity, Crisis and Representational Force. London : Routledge, 2004. 320 p.
12. Szostek J. The Power and Limits of Russia's Strategic Narrative in Ukraine: The Role of Linkage // *Perspectives on Politics*. 2017. Vol. 15, iss. 2. P. 379–395. <https://doi.org/10.1017/S153759271700007X>
13. Szostek J. News media repertoires and strategic narrative reception: A paradox of dis/belief in authoritarian Russia // *New Media & Society*. 2018. Vol. 20, iss. 1. P. 68–87. <https://doi.org/10.1177/1461444816656638>
14. Oates S. Russian State Narrative in the Digital Age: Rewired Propaganda in Russian Television News Framing of Malaysia Airlines Flight 17 // *Russian Politics*. 2016. Vol. 1, iss. 4. P. 398–417. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00104004>
15. Freedman L. The Transformation of Strategic Affairs. London : Routledge, 2006. 144 p.
16. Somers M. R. The narrative constitution of identity: A relational and network approach // *Theory and Society*. 1994. Vol. 23. P. 605–649. <https://doi.org/10.1007/BF00992905>
17. Deverell E., Wagnsson C., Olsson E.-K. Destruct, direct and suppress: Sputnik narratives on the Nordic countries // *The Journal of International Communication*. 2021. Vol. 27, iss. 1. P. 15–37. <https://doi.org/10.1080/13216597.2020.1817122>
18. Погорелко А. М., Герасина Т. Н. Смысловые маркеры дискурса холодной войны // *Политическая лингвистика*. 2016. № 2. С. 93–101.
19. Cel jest prosty, skłócić nas i pokazać jako bezdusznych. Mińsk i Moskwa z sytuacji na granicy czerpią garściami. URL: <https://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/7,114883,27489346,cel-jest-prosty-sklodcic-nas-i-pokazac-jako-bezdusznych-minsk.html> (дата обращения: 14.05.2022).
20. Polska prawica o „zdroworozsądkowej“ ideologii Putina. Krecia robota Kremla w ten sposób osiąga swoje cele. URL: <https://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/7,114881,27767031,na-prawicy-dyskusje-nad-slusznościa-ideologii-putina-wioska.html> (дата обращения: 14.05.2022).
21. Магун А. В., Микиртумов И. Б., Пархоменко А. А. Нарратив и аффект в анализе внешнеполитической риторики // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020. № 57. С. 60–73. <https://doi.org/10.17223/1998863X/57/7>
22. Putino administracijoje dirbęs Andrejus A. Kovaliovas: „Aš pamaciau neapsiskaiciusį, neišsilavinusį, neįtikėtinai cinišką žmogų“. URL: <https://www.15min.lt/naujiena/aktualu/pasaulis/putino-administracijoje-dirbes-andrejus-a-kovaliovas-as-pamaciau-neapsiskaiciusi-neissilavinusi-neitiketinai-ciniska-zmogus-57-978868> (дата обращения: 14.05.2022).
23. Mathisen B. R. Sourcing Practice in Local Media: Diversity and Media Shadows. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17512786.2021.1942147> (дата обращения: 14.05.2022).
24. Rusija pagrasino kariniu atsaku į NATO plėtrą. URL: <https://www.15min.lt/naujiena/aktualu/pasaulis/rusija-pagrasino-kariniu-atsaku-i-nato-pletra-57-1613092> (дата обращения: 14.05.2022).
25. Авдохутдинова О. Ф. «Другой» как персонаж в СМИ: дискурсивные практики конструирования : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015. 29 с.
26. Ukrajina je v očích Putina ženou, která utekla z harému, říká ruský filmař Manskij. URL: <https://zpravy.aktualne.cz/zahranici/vitalij-manskij-rusko/r~868e94003b0a11ec8fa20cc47ab5f122/> (дата обращения: 14.05.2022).
27. Andrzej Duda reaguje na likwidację Memoriału. „Sumienia nie da się zdusić“. URL: <https://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/7,114883,27954373,andrzej-duda-o-likwidacji-memorialu-sumienia-nie-da-sie-ani.html> (дата обращения: 14.05.2022).
28. Europos Parlamentas: Rusija yra pagrindinė dezinformacijos Europoje skleidėja. URL: <https://www.15min.lt/naujiena/aktualu/pasaulis/europos-parlamentas-rusija-yra-pagrindine-dezinformacijos-europoje-skleideja-57-1115382> (дата обращения: 14.05.2022).
29. Rusija aktyviau atakuoja informacinę erdvę, tačiau Kremliumi tiki vis mažiau Lietuvos piliečių. URL: <https://www.15min.lt/naujiena/aktualu/lietuva/a-56499788> (дата обращения: 14.05.2022).
30. „NYTimes“: Rusija gniaužia prisiminimus apie gulagą. URL: <https://www.15min.lt/naujiena/aktualu/pasaulis/ny-times-rusija-gniauzia-prisiminimus-apie-gulaga-koks-bus-memorial-likimas-57-1602068> (дата обращения: 14.05.2022).
31. Rusus į gatves išvedė ne tik A. Navalnas, o Baltarusijos scenarijus nebūtinai pasikartos. URL: <https://www.15min.lt/naujiena/aktualu/pasaulis/rusus-i-gatves-isvede-netik-a-navalnas-baltarusijos-scenarijus-nebutinai-pasikartos-57-1444806> (дата обращения: 14.05.2022).
32. Hinck R. S., Kluver R., Cooley S. Russia re-envision the world: Strategic narratives in Russian broadcast and news media during 2015 // *Russian Journal of Communication*. 2018. Vol. 10, № 1. P. 21–37. <https://doi.org/10.1080/19409419.2017.1421096>
33. Dimitrova D. V., Kaid L. L., Williams A. P., Trammell K. D. War on the Web The immediate news framing of Gulf War II // *The International Journal of Press/Politics*. 2005. Vol. 10, iss 1. P. 22–44. <https://doi.org/10.1177/1081180X05275595>
34. Плахина И. Е., Белякова Т. В. Бег по кругу: риторика холодной войны в современной российской и американской прессе // *Quaestio Rossica*. 2016. Т. 4, № 2. С. 159–180.
35. Dimitriu G., De Graaf B. Fighting the War at Home: Strategic Narratives, Elite Responsiveness, and the Dutch Mission in Afghanistan, 2006–2010 // *Foreign Policy Analysis*. 2016. Vol. 12, iss. 1. P. 2–23.

Поступила в редакцию 22.05.2022; одобрена после рецензирования 24.06.2022; принята к публикации 30.01.2023
The article was submitted 22.05.2022; approved after reviewing 24.06.2022; accepted for publication 30.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 172–178

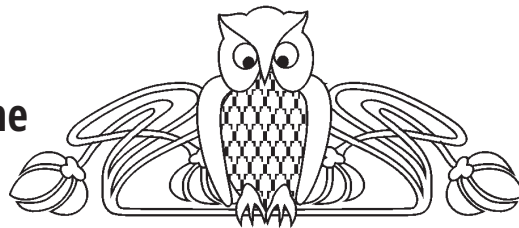
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 172–178

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-172-178>, EDN: HNNDAC

Article

Media prank: For nobody to trust anyone

S. G. Vatletsov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Prospekt Gagarina (Gagarin Avenue), Nizhny Novgorod 603950, Russia
HSE University – Nizhny Novgorod, 30 Sormovskoe highway, Nizhny Novgorod 603014, Russia

Sergei G. Vatletsov, vatletsov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4884-9199>

Abstract. Modern media demonstrate a distinctive feature when professional and official news agencies neighbor with amateur analytical Internet platforms. News outlets, social networks and video hosting services influence each other and create a mixed worldview. They also compete for their customer, for the likes that they would get and for the dislikes for their opponents. The subject of this paper is pranks and hoaxes in media, the description of practical jokes in the Russian political discourse from the journalistic, sociological, psychological, legal, linguistic viewpoints and locate them in the modern communication. In the course of the research the author comes to the conclusion that pranks and hoaxes in media should not be referred to as either a brand new journalism or a new type of interviewing. They are a means of provocation and social atomization. Practical jokes in media are *political cloutlighting* and belong to *culture jamming* activities. Pranksters do not provide information to society. Designed pranks and hoaxes might function as trial balloons for the third parties and as a way of influencing the audience in order to bias people against the prank victim. Humor in media pranks sidetracks people from debating about urgent issues and making the right decisions on them. As a result, practical jokes first undermine the credibility of one news outlet, and then destroy the whole system of communicating news. The habit of playing pranks on people in media inevitably leads to lowering the moral norms among those who execute pranks and those who consume them.

Keywords: media prank, prank journalism, cloutlighting, freedom of expression, culture jamming

For citation: Vatletsov S. G. Media prank: For nobody to trust anyone. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 172–178. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-172-178>, EDN: HNNDAC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Научная статья

УДК 070.16

Медиа-пранк: Чтобы никто никому не верил

С. Г. Ватлецов

¹Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, 603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 23.

²Нижегородский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия, 603014, г. Нижний Новгород, Сормовское шоссе, д. 30

Ватлецов Сергей Германович, кандидат филологических наук, доцент, ¹доцент кафедры английского языка для гуманитарных специальностей; ²приглашенный специалист департамента иностранных языков, vatletsov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4884-9199>

Аннотация. Современные медиа демонстрируют специфическую особенность, когда профессиональные и официальные новостные агентства соседствуют с любительскими аналитическими интернет-платформами. Новостные сайты, социальные сети и видеохостинги оказывают влияние друг на друга и создают совмещенную картину мира. Объект настоящей статьи – медиа-пранк, цель – описать практические шутки в российском политическом дискурсе с позиций журналистики, социологии, психологии, права, лингвистики и определить их место в современной коммуникации. Автор приходит к выводу, что ошибочно относить медиа-пранки к новой журналистике или к новому виду интервьюирования. Пранки – средства провокации и социальной атомизации. Практические шутки в медиа являются политическим клаутлайтингом. Их место среди «глушителей культуры». Пранкеры не предоставляют информацию общественности. Спланированные пранки могут функционировать как средство предварительного мониторинга общественного мнения для третьих лиц, так и метод воздействия на аудиторию с целью представить жертву пранка в негативном свете. Практические шутки сначала подрывают авторитет источника информации, затем разрушают всю систему новостного оповещения. Юмор в медиа-пранке отвлекает людей от обсуждения злободневных проблем и принятия правильных решений по ним. Привычка разыгрывать людей в средствах массовой информации неизбежно влечет понижение моральных норм как у тех, кто производит пранки, так и у тех, кто их потребляет

Ключевые слова: медиа-пранк, пранк-журналистика, клаутлайтинг, свобода выражения, глушение культуры

Для цитирования: *Vatletsov S. G. Media prank: For nobody to trust anyone [Ватлецов С. Г. Медиа-пранк: Чтобы никто никому не верил] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 172–178. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-172-178>, EDN: HNNDAC*

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

In today's epoch of the post-truth and post-modern it has become vital to acquire the knowledge and skills of sorting out the retrieved information. An educated person must demonstrate a proven ability of cognitive thinking concerning the stories in the media since a front-page scoop may turn into manipulative and hazardous data. The subject of this article is *media pranks* in the Russian political discourse, hereinafter collection, preparation, and distribution of telephone and video pranks as a product of mass media in the sphere of national and international politics. On the one hand, prank is a malicious mischief, on the other hand, it is an amusing tool of propagating ideas to the public.

It is empirically evident that media pranks appeared simultaneously with media. And they have been together ever since. We remember *The Sun's* great moon hoax in 1835 about four-foot-tall bat-like creatures and Italian spaghetti trees during a harvest season on April Fool's Day in 1957 [1]. Even renowned writers were witnessed to perpetrate pranks. In 1844 Edgar Allan Poe made up a tale for *The Sun* about a balloon crossing the Atlantic Ocean in three days. As a newspaper reporter Mark Twain wrote many hoaxes, including a fake article in Nevada's *Territorial Enterprise* in 1862 about a misguided coroner trying to determine the cause of death of a petrified man. Among great hoaxers we find Jean-Paul Sartre, Abbie Hoffman and Allen Ginsberg, Joey Skaggs, The Negativland band, Guerrilla Girls, The Yes Men, and Robbie Conal.

The modern media pranks under consideration inhere primarily come from crank calls. Nowadays professional pranksters dramatically advance telephone hoaxes with broadcasting video and sound files. In the Russian media they are primarily Vladimir Krasnov nicknamed Vovan and Aleksey Stolyarov aka Lexus – hereinafter *Vovan and Lexus*.

Vovan received a journalistic and legal training, Lexus in economics and law. They have been playing pranks since 2000s, political pranks since 2011. They both do TV shows named *Stars Save the Earth* and *Show Vil* at *rutube.ru* where they ridicule their victims. Until March 2022 they had a YouTube channel which after fooling British ministers was deleted [2]. Among the subjects of their pursuit there have been international and national politicians and celebrities. In 2017 they were elected the members of The Expert Council for the Development of the Information Society and the Mass Media within the Youth Parliament at the State Duma of the Federal Council of the Russian Federation.

Vovan and Lexus's activity has been studied by scholars and practicing journalists and have been given arrays of critical traits. The Russian media discourse labels Vovan and Lexus' busi-

ness as *prank journalism* [3, p. 361; 4, p. 39–40; 5, p. 102] and a brand new journalism [3, p. 361].

L. V. Dementieva and E. N. Nizovkina study media pranks as a new tool of interviewing [6, p. 101].

L. V. Vdovichenko analyses extralinguistic principles of political pranks [4]. L. R. Duskaeva and E. A. Shcheglova explore comic text-pranks, their production and influence [7].

T. V. Chernova analyzes prank as a speech genre or entertainment discourse in its culturological context [8].

M. Dery considers *pranks* as *culture jamming*. *Jamming* is a slang word for illegal practice of electronically interrupting radio broadcast, conversations between fellow hams or the audio portions of television shows. The pranksters here expose the ways in which corporate and political interests use the media as a tool of behavioral modification. *Cultural jamming* equals *artistic terrorism* directed against the information society [9].

J. M. Bing, L. R. Duskaeva and E. A. Shcheglova, C. Harold explore pranking as a strategy of rhetorical protest and social satire activism which create provocative and manipulative discourse [10, p. 97; 7, p. 241; 11, p. 189].

M. Karpińska-Krakowiak and A. Modliński recognize practical jokes as an innovative form of digital advertising – *prankvertising* disseminated by brands [12, p. 32].

J. Lindsay, Y. Jarrar, A. Awobamise, S. Nnabife, G. E. Nweke research pranks as an abusive social media trend – cloutlighting [13, 14].

K. McLeod suggests a mathematical formula where pranks = satire + performance act × media, in other words: playful critique performed within public sphere and multiplied by media [15, p. 1725].

R. E. Elmirzoev explores media pranks' constructive and destructive features under criminal law [16, p. 196]. S. G. Vatletsov studies pranks as a form of an invective [17, p. 14] and describes non-pecuniary damage caused by pranksters in private and public law [18].

The use of different term labels reflects the fact that media pranks are far from academic unity and thus needs further exploration. This is the basis of the present study. The objective of this article is to describe Russian media pranks as works of art or the art of hoax and locate practical jokes in the modern communication. With that in mind, the following research questions are proposed:

1. Does a professional media prank equal professional journalism?
2. Being borrowed from English, are terms *prank* and *prankster* understood the same in the Russian languages as in the original one?

3. What are the professional, sociological, and legal aspects of media prank?

4. What is psychology of pranksters' activity?

5. Where can media prank be located as a type of communication?

Novelty of the study is defined as an expansion of the theoretical material: here has been elaborated the term *media prank*; suggested its professional, social, and legal features; outlined psychology of pranksters' activity; since a discourse is considered as a form of social action, here has been schematized behavioral models of pranksters and their victims as *loyalty* and *alienation*. The proposed hypothesis is that media pranks and hoaxes are invective by its nature and they do their contribution into social atomization. The findings of this research may be applied in field of journalism, theory and practice of communication, and text linguistics.

The present research reflects a Critical Discourse Analysis approach [19], which involves a combination of linguistic, semiotic, and discourse analyses. In order to present a single perspective of media pranks it is an inter-disciplinarian and inter-textual study from sociology, psychology, and law.

The peculiarities of notions *prank* and *prankster* in the Russian discourse were revealed with the comparative analysis of their semantics in the Russian and English discourse.

The dataset under analysis was taken from online databases which are or were placed on the Internet platforms: *sniggle.net* (the cultural jammer's encyclopedia), *sharmuta.ru*, *prank.ru*, *prankru.net*, *banana.by*, *evilstar.ru*, *Vovan222prank*, *YouTube* and *rutube* (prank shows, interviews with Vovan and Lexus), *prankotadotcom* with Evgeny Volnov;

comedy shows on pranks: *VH1's 40 Greatest Pranks 4* produced by Hilary Spiegelman (2013);

movie on pranks: Yiuwing Lam *Prank* (2013) by Plan/RLJ Entertainment LLC;

book on pranks: Vovan and Lexus. *Po kom zvonit telefon* [For whom the telephone tolls]. Saint-Petersburg, Piter (2018).

On the basis of the literature review and dataset described above I state that *prank journalism* is the wrong term for the activity pranksters are involved in. Neither English nor Russian phrase *prank journalism* does not belong to the body of the terms which are used with a standard and conventional application in subject of professional journalism. These collocation is an oxymoron both in English as well as in Russian. *Prank* is an amusing, careless and deceiving *act*. *Journalism* is a professional, serious, accountable and truthful *institution*. Also, it is incorrect to compare the collocation *prank journalism* referring to the activity Vovan and Lexus regularly practiced (see: [3]) with Chris Good's story in *The Atlantic* entitled as *Prank Journalism at Its Best* (see: [20]). These are

different things. The text exemplifies the functioning of *prank journalism* as a stylistically motivated irony for a particular case of *deceit* without an intention of mockery.

According to M. Karpińska-Krakowiak and A. Modliński, *prank* is a ludicrous *event* or *act* done to entertain, amuse, or ridicule a victim who does not expect to be a subject of any mockery or comic situation [12, p. 32]. Moreover, Vovan and Lexus themselves find their methods professionally unethical [21] and appeal to students of journalism departments should rather seek for developing true journalistic skills than for playing provocative pranks. Otherwise it would cause a situation when *nobody would trust anybody* [22].

Stephen J. A. Ward claims that by existing journalistic standards, prank call is an unethical practice. But explaining how such standards apply in a world of news media and new practices is complicated. All in all, if you achieve the results who cares about the means? Journalism ethics does sometimes justify those reporters who use deceptive methods, such as lying to people about who they are, using hidden microphones or cameras. These are exceptional cases of great public interest and when there is no other way of obtaining a crucial information. Journalists might seek to minimize harm and legal risks. They consult editors and lawyers to make sure innocent third parties are not put in jeopardy. In any case, it demands accountability before the public [23]. Stephen Isaacs does not think that hoaxes present a problem. He finds it fairly amusing when media hoaxers pull off a stunt. He suggests that people simply ought to print corrections columns. When public admits an error, then it makes them more human (cited from M. Dery [9]).

Hence it follows that pranking and hoaxing dehumanize and devalue communication. For instance, in 2017, the pranksters called US Secretary of Energy Rick Perry. One of them introduced himself as head of Ukraine's government Vladimir Groisman. He ventured a business-like discussion of nuclear cooperation as well as current prices of oil and gas, Nord Stream 2, cyber attacks on US energetic systems, sanctions against Russia, and arranged visits. Later, the prank turned into a hoax of Ukraine's president Poroshenko who supposedly had invented a biofuel of hootch and manure. Then the impostors told that the odd product had already been presented to senator McCain and that a tanker with that biofuel had already been sent to Limpopo to support the rebels [24]. Limpopo is a province in South Africa. I guess, herein *Limpopo* rather refers to a fanciful country from a children's fairy-tale portrayed by a Russian writer K. Chukovsky and, thus increases its mockery effect.

I do not really think that mockery is the publicly wanted information. It rather contributes into

information noise and lasts as long as it is being transmitted than gives relevant facts. These data are close to flashes in the pan. Nevertheless, humor helps pranksters to take responsibility. At the same time fun entitles them to avoid guilt [25, p. 26]. J. Lindsay brilliantly describes pranksters' reasoning of their acts as a *narcissist's prayer*: That didn't happen. And if it did, it wasn't that bad. And if it was, that's not a big deal. And if it is, that's not my fault. And if it was, I didn't mean it. And if I did, you deserve it [13].

And there is one more aspect that might slack Russian pranksters' a moral culpability – the words *pranker* and *prank*. They are borrowed from the English language into Russian. As known, foreign linguistic signs provoke to manipulation with their semantics since their contents are abstract, i.e. capable of easy replacements of their referents [26, p. 496]. In other words, Russian pranksters no longer perpetrate misdemeanor offence *telefonnoye huliganstva* (*prank calls, phone scams*) but they do something different. *Prank* begins to sound like a buzzword especially for those who is not into the field. In comparison the usual for the English discourse word *prankster* due to the suffix *-ster* preserves its negative connotation. The Russian pranksters were shrewd enough to replace *prankster* for *pranker* which sounds neutral in the Russian discourse.

Furthermore, Russian word *prank* reflects only a part of the game. The other part of the deceitful tricks is expressed by the word *hoax*, an act intended to trick or dupe, something accepted or established by fraud or fabrication [27]. The person who carries out the tricks and deceits is a *hoaxer*. *Prank* and *hoax* are the words widely and interchangeably used in the English media. Although J. M. Bing points out that *hoaxes* and *pranks* are similar in that both involve deception but they differ in that *pranks* usually involve some type of humor or amusement and *hoaxes* generally not [9, p. 98], for example, a *bomb hoax*. At the same time, it is possible to see word combination a *bomb prank* in the English media, too.

In any case, pranks and hoaxes are malicious acts and usually subject to criminal and tort law since they are invective and damaging [17, p. 12]. Legally pranksters usually go light. They refer to protection by freedom of expression principle guaranteed by Article 10 of European Convention on Human Rights. Moreover, it is the petitioner who has to prove the prankster's malice aforethought. The court for instance may oblige that the pranksters should delete the recorded prank from the Internet outlet and pay a fine to their victims.

But pranks and hoaxes in media do abuse freedom of expression principle. On 26 April 1995, European Court of Human Rights ruled that journalistic freedom also covers possible recourse to a degree of exaggeration, or even provocation but such activity

shall not contradict article 10 of the Convention for Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. The Court pointed out that the freedom shall be subject to such formalities, restrictions, or penalties as are prescribed by law for the protection of health and morals, for the protection of the reputation or rights of others, for preventing the disclosure of information received in confidence [28].

Truthfulness, accuracy, objectivity, impartiality, fairness, respect for others, public accountability are standards that cannot be applied to pranksters. These elements are true not only to professional journalism, but to all modern activism. They are universal and embodied in *Global Charter of Ethics for Journalists*. Media pranks and hoaxes do not comply with the majority of these rules but, first of all, to section 8 which states that journalists shall respect the dignity of the persons and inform the interviewee whether the conversation and other material is intended for publication. Section 2 provides obligation that journalists should distinguish factual information from commentary and criticism. Section 9 indicates that journalists' disseminated information must not contribute to hatred or prejudice [29].

The malfunction of pranks and hoaxes become apparent in comparison to a good-natured fun. For instance, a joke is a spontaneous harmless reaction to the stimulus – an event or a person. According to Joey Skaggs (an outstanding media prankster, activist, artist, educator) a prankster uses trickery to humiliate or embarrass somebody, usually just for kicks [30]. Guerrilla Girls, also famous prank activists, claim that humor gets people involved [cited from M. Bing 10, p. 98] in the ideas pranksters want to deliver. Pranksters and hoaxers demonstrate, though at its lowest extent, their sadistic motivation [31, p. 90] since their perpetrators get satisfaction from provoking and riding roughshod over their victims' emotions. The hyperbolic version of a prank was depicted in movie *Prank* by Yiuwing Lam where a harmless prank had deadly consequences.

On the other hand, prank is a method of self-expression. Joey Skaggs, for example, has been using media in the way a painter uses a canvas since the seventies of the previous century. This is how he exposes media's prejudices, irresponsibility, and vulnerability. The Yes Men, one more prank duo, aim humor to raise awareness about problematic social and political issues. They all are labeled *culture jamming* activists. Pranks they perform are the forms of propagating subjective ideas to the society on national and international levels. Vovan and Lexus follow them and do the same things.

From social-cultural viewpoint, pranks have been recognized as a category of play, as they attempt to blur the boundaries between artifice and reality, to reverse the typical social order and hierarchy of

everydayness, they are unserious, make-believe, and involve magnitude of surprise [32, p. 323]. Tricks in media have become viral in the epoch of the post-truth when, in accordance with K. C. Martin, objective facts are less influential in shaping public opinion than appeals to emotional and personal beliefs (cited from Kroet [33]), and when an expert opinion and an idle person's opinion are being smeared, too [4, p. 40].

Thus, humor in media pranks thwart people from debates on serious issues in making the right decisions. Joey Skaggs, The Yes Men, Guerrilla Girls, Vovan and Lexus – they all try to find their own path to the truth playing law enforcement agencies. Vovan and Lexus even rename their activity *civil intelligence* since they discover the truth about those who make political decisions and have whole destinies of nations in their hands as well as they unmask con men in various spheres of life [34].

But I am certain the discoveries of culture *jamming* activists risk to deal with their wishful thinking, ill-judgment, and stereotyping. Then, there is something more than a sense of humor that really matters here. Pranksters test their victims' self-esteem, values, and worldviews. Pranks do assess and bias their victims who may accept the criticism and will have to retreat peacefully. Such victims have to correct their behavior in accordance with the pranksters' critical recommendations [18, p. 47]. It means that the subject and the object of the prank have confirmed their common values and thus have performed a sort of invective ritual of loyalty [17, p. 15]. In 2017 the US Special Representative for Ukraine Negotiations Kurt Volker when fooled by the pranksters admitted that they had had a fine sense of humor: "Some questions which they had asked me, the way they had asked me those questions... it was admirable" [35]. Those who share the pranksters' values call them best Russia's pranksters, Russia's alternative diplomats, litmus paper and male nurses of the society, accusative and investigative journalists, pranks journalists.

It goes without saying that not every person is ready to share the imposed values and the imposers' behavior and interpretation. It is needless to say that a victim may refuse to bear the disparagement humor. It provokes a conflict between the prankster and the victim where one party is always doomed to stigmatization and communication breakdown. Those who do not side with pranksters call them trolls, comedians, hooligans, villains, narrative punks, shame of (journalistic) profession, artistic terrorists.

And here I have come to the point which introduces the best term for *media pranks*. It is *cloutlighting*, a mixture of *clout* influence and *gaslighting* where *gas* is a prank [36, p. 139] and *gaslighting* is a form of psychological manipulation that seeks to sow seeds of doubt in a targeted individual or in members

of a targeted group, making them question their own memory, perception, and sanity; using persistent denial, misdirection, contradiction, and lying. It attempts to destabilise the victim and delegitimise the victim's belief [13]. This notion comes from the social media sphere. But in the epoch of post-modern and post-truth when modern media show a distinctive feature when professional and official news agencies neighbor with lay analytical Internet platforms. News outlets, social networks and video hostings influence each other and create a mixed worldview, then *political cloutlighting* is the best term which precisely identifies and describes the phenomenon under consideration inhere. *Political cloutlighting* is a systematic teasing of high profile people in mass media by baiting them with pranks and hoaxes in order to alienate their victims from society or misdirect people from solving true social issues.

Of course, pranksters show up in the media outlets which have owners who employ and pay them especially in *prankvertising*, professional pranks staged by advertising agencies, planned ahead of execution and with anticipated results [12, p. 32]. Practical jokes might get a utilitarian function with making money, getting followers, scoring popularity-driven metrics. Here I endorse S. Ewen's position who vividly described the phenomenon as "devaluation of the human in favor of the commodity" (cited from Dery [9]). "Of course, we get fees", Vovan and Lexus admit. They are professional pranksters and make their living with systematic perpetration of pranks. Now and then the stunt duo is suspected of links to Russia's security services which they have always denied [37, 38]. They reply: "We do our job without orders from the government. We act as private persons. It's not the position of the Kremlin, despite some government workers like it. Some people from opposition also like it" [38].

In any case, the utilitarian function of pranks and hoaxes is not the subject of this research. The focus of this study is the playful deceit in media as works of art.

In conclusion, pranks and hoaxes in media must not be referred to neither a brand new journalism nor a new tool of interviewing. They are good old tools of provocation and social alienation into "us and them". A media prank is a form of political cloutlighting. It belongs to culture jamming activism. Pranksters do not provide the society with information but bias negative social assessment of their victims. Practical jokes jam first the credibility of the news outlets then undermine the whole system of news gathering. The habit of fooling around people in media inevitably will lead to low professional standards and moral norms and thus become dangerous for those who demonstrate inferior or immature media

consumerism. We all should keep in mind that today it takes efforts to make us do more critical thinking and remember that there are unaccountable people who deliver an inaccurate agenda for anybody to trust nobody.

References

1. YouTube. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=tVo_wkxH9dU (accessed May 31, 2022).
2. Ministers warned after “prank” video call with Ben Wallace emerges – as UK blames Russia for hoaxes. *Sky News*, 2022, March 12. Available at: <https://news.sky.com/story/ministers-warned-after-prank-video-call-with-ben-wallace-emerges-as-uk-blames-russia-for-hoaxes-12572566> (accessed March 12, 2022).
3. Sukhodolov A. P., Kudlik E. S., Antonova A. B. Prank Journalism as a New Genre in the Russian Media Landscape. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* [Issues of Theory and Practice on Journalism], 2018, vol. 7, no. 3, pp. 361–370 (in Russian). [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2018.7\(3\).361-370](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2018.7(3).361-370)
4. Vdovichenko L. V. Fake news, prank as information challenges of the modern media environment. In: *Odin poyas – odin put’*. *Lingvistika vzaimodeystviya* [One belt – one way. Linguistics of interaction. Papers of International scientific conference]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2017, pp. 38–40 (in Russian).
5. Nizovkina E. N. Prank: definition of term, the history of the formation of prank-journalism. *Trudy Instituta biznes-kommunikatsii* [Works of The Institute for Business Communication], 2019, vol. 6, pp. 102–110 (in Russian). EDN: EQYRWR
6. Dementieva K. V., Nizovkina E. N. Prank as a new phenomenon in modern Russian journalism. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], 2020, vol. 7, no. 1, pp. 101–122 (in Russian). [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7\(1\).101-122](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7(1).101-122)
7. Duskaeva L. R., Shcheglova E. A. Perception of comic text-prank in the dialogue of network communication: Creating a problem. *Media Linguistics*, 2020, vol. 7, iss. 2, pp. 238–249 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.207>
8. Chernova S. V. “Prank” as a Speech Genre or Entertainment Discourse in Its Culturological Context. *Linguistics & Polyglot Studies*, 2016, no. 8, pp. 189–200 (in Russian).
9. Dery M. The Merry Pranksters and the Art of the Hoax. *The New York Times*. Available at: <https://www.nytimes.com/1990/12/23/arts/the-merry-pranksters-and-the-art-of-the-hoax.html> (accessed February 12, 2018).
10. Bing J. M. Gotcha: What Social Activists Can Learn from Pranksters. *Women and Language*, 2013, vol. 36, iss. 2, pp. 97–105. Available at: https://digitalcommons.odu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1006&context=english_fac_pubs (accessed May 7, 2020).
11. Harold C. Pranking rhetoric: “Culture Jamming” as media activism. *Critical Studies in Media Communication*, 2004, vol. 21, iss. 3, pp. 189–211. <https://doi.org/10.1080/0739318042000212693>
12. Karpińska-Krakowiak M., Modliński A. Prankvertising – Pranks as a New Form of Brand Advertising Online. *Modern Management Review (MMR)*, 2014, vol. XIX, no. 21 (3/2014), pp. 31–44. <https://doi.org/10.7862/rz.2014.mmr.31>
13. Lindsay J. Cloutlighting Is the Obnoxious and Abusive Social Media Trend That You’ve Probably Retweeted. *Metro*. Available at: <https://metro.co.uk/2018/11/27/cloutlighting-is-the-obnoxious-and-abusive-social-media-trend-that-youve-probably-retweeted-8181469/> (accessed July 25, 2022).
14. Jarrar Y., Awobamise A., Nnabuife S., Nweke G. E. Perception of Pranks on Social Media: Clout-Lighting. *Online Journal of Communication and Media Technologies*, 2020, vol. 10, iss. 1, e202001. <https://doi.org/10.29333/ojcm/6280>
15. McLeod K. Media Pranks: A Three-Act Essay. *International Journal of Communication*, 2011, vol. 5, pp. 1725–1736. Available at: https://www.researchgate.net/publication/298612272_Media_Pranks_A_Three-Act_Essay (accessed July 25, 2022).
16. Elmirezoev R. E. The features of the genre: online video publications “pranks”. *Mediaissledovaniya* [Media Research], 2018, no. 5, pp. 196–200 (in Russian).
17. Vatletsov S. G. A verbal aggression as an esthetics and ritual of identity. *Russian Speech*, 2020, no. 3, pp. 7–21 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/SO13161170004194-2>
18. Vatletsov S. G. On pranking and Prankers. *Yuridicheskiy mir* [Juridical World], 2018, no. 4 (256), pp. 46–49 (in Russian). EDN: UPMHOF
19. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. 2nd ed. New York, Routledge, 2010. 608 p.
20. Good Ch. Prank Journalism at Its Best. *The Atlantic*. Available at: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2011/03/prank-journalism-at-its-best/73002> (accessed June 25, 2022).
21. In BFU Vovan and Lexus shared their secrets of their success in telephone talks. *Wikinews*, 2020, 9 September. Available at: https://ru.wikinews.org/wiki/%D0%92_%D0%91%D0%A4%D0%A3_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D0%B5%D1%80%D1%8B_%D0%92%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD_%D0%B8_%D0%9B%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%83%D1%81_%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D1%81%D1%8C_%D1%81%D0%B5%D0%BA%D1%80%D0%B5%D1%82%D0%B0%D0%BC%D0%B8_%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%87%D0%BD%D1%8B%D1%85_%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D1%84%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85_%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2 (accessed November 5, 2020).
22. Vlasova E. Hooliganism or investigation? Students of the SevSU met the founders of the Russian prank-journalism. *Sevsu*, 2018, 21 September. Available at: <https://www.sevsu.ru/english/novosti/item/4527-khuliganstvo-ili-rassledovanie-studenty-sevgu-vstretilis-s-osnovatelyami-rossijskoj-prank-zhurnalistiki> (accessed September 21, 2018) (in Russian).

23. Ward S. J. A. Governor Walker and the Beast: Do Ends Justify the Means. *School for Journalism and Ethics*, 2011, March 12. Available at: <https://ethics.journalism.wisc.edu/2011/03/12/governor-walker-and-the-beast-does-justify-the-means> (accessed May 25, 2018).
24. Poryvayeva L. Prankers offered American minister “Poroshenko’s fuel” of manure. *Ridius*, 2017, 25 July. Available at: <https://www.ridius.ru/news/257684> (accessed on July 25, 2017) (in Russian).
25. Riedler B. *Sila tvoego vybora* [Understanding Yourself and Others]. Saint Petersburg, ID VES’, 2003. 224 p. (in Russian).
26. Vatletsov S. G. Bilingualism and Doublespeak. In: *Russian Sociology in the Period of Crisis, Critique and Change: The Papers of Russian Sociologists for the the 11th ESA Conference Crisis, Critique and Changes in Torino, Italy, August 28–31 2013*, Moscow, RSS, 2013. 1 CD ROM, Moscow – Torino, 2013, pp. 496–497.
27. Hoax. *Merriam-Webster*. Available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/hoax> (accessed June 21, 2022).
28. Judgment on Case of Prager and Oberschlick v. Austria, application № 15974/90. In: *Dissenting opinion of judge Martens, joined by judges Pekkanen and Makarczyk*. Strasbourg, European Court of Human Rights, 1995, 26 April. Available at: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:%5B%22Prager%20and%20Oberschlick%20v.%20Austria%20Application%20E2%84%96%2015974/90%22%22%22item-id%22:%5B%22001-57926%22%22%7D> (accessed May 22, 2019).
29. *Global Charter of Ethics for Journalists, adopted at the 30th IFJ Congress in Tunis on 12 June 2019*, completing the IFJ Declaration of Principles on the Conduct of Journalists, 1954. Brussels, International Federation of Journalism, 1919. Available at: https://www.ifj.org/fileadmin/user_upload/Global_Charter_of_Ethics_EN.pdf (accessed June 5, 2022).
30. Skaggs J. Interview by Joe Crisafi. *Joey Skaggs.com*, 2013. Available at: <https://joeyskaggs.com/wp-content/uploads/2013/12/Crisafi-Skaggs-Interview-final.2011.pdf> (accessed May 25, 2020).
31. Burriss C. T., Leitch, R. Harmful fun: Pranks and sadistic motivation. *Motivation and Emotion*, 2018, no. 42, pp. 90–102. <https://doi.org/10.1007/s11031-017-9651-5>
32. Karpińska-Krakowiak M. Consumers, Play and Communities – an Anthropological View on Building Consumer Involvement on a Mass Scale. *Polish Sociological Review*, 2014, vol. 187, iss. 3, pp. 317–331.
33. Kroet C. Post-truth enters Oxford English Dictionary. *Politico*, 2017, June 27. Available at: <https://www.politico.eu/article/post-truth-enters-oxford-english-dictionary/#:~:text=Post%2Dtruth%20is%20defined%20as,of%20Oxford’s%20U.S.%20Dictionaries%20division> (accessed March 23, 2020).
34. Lexus and Vovan confess that they deal with intelligence. *Parlamentskaya gazeta*, November 20, 2017. Available at: <https://www.pnp.ru/social/leksus-i-vovan-priznalis-cto-oni-zanimayutsya-razvedkoy.html> (accessed November 20, 2017) (in Russian).
35. Department of State appreciated the Russian prankers’ sense of humor. *RIA Novosti*, October 6, 2017. Available at: <https://ria.ru/20171006/1506340993.html> (accessed October 6, 2017) (in Russian).
36. Spears R. A. *Dictionary of American Slang*. Moscow, Russkiy yazyk, 1991. 528 p. (in Russian).
37. Mason R. Video Released Showing Russian Hoax Call with UK Defence Secretary. *The Guardian*, March 21, 2022. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2022/mar/21/video-released-showing-russian-hoax-call-with-uk-defence-secretary> (accessed March 21, 2022).
38. Burnett S. Kremlin or Pranksters? New Audio reveals Juncker and Morgherini Talked Policy in Russian Prank Call. *Euronews*, July 28, 2018. Available at: <https://www.euronews.com/2018/07/18audio-reveals-juncker-and-morgherini-talked-policy-prank> (accessed July 28, 2018).

Поступила в редакцию 02.09.2022; одобрена после рецензирования 11.11.2022; принята к публикации 30.01.2023
The article was submitted 02.09.2022; approved after reviewing 11.11.2022; accepted for publication 30.01.2023

Научная статья
УДК 070.423.1

Психологические вызовы внештатной журналистики цифровой эпохи

О. С. Мухина

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19

Мухина Ольга Сергеевна, аспирант, ассистент кафедры периодической печати и сетевых изданий, olga.mukhina@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8791-6086>

Аннотация. Окружающий нас цифровой мир вносит стремительные изменения во все сферы жизни. Технический прогресс сделал возможным переход значительного числа специалистов на удалённую работу и фриланс, а пандемия коронавируса ускорила этот процесс. Не стали исключением и журналисты, тем более что медиасфера является одной из наиболее популярных для фриланса. В то же время предпринимательские риски, социальная незащищённость, а также удалённость от профессионального сообщества влекут за собой и психологические вызовы, с которыми, как показывают и актуальные исследования, и наш анализ, не каждый медиафрилансер в состоянии успешно справиться. Мы проанализировали 200 материалов из открытых источников, описывающих старт и развитие карьеры отдельного медиафрилансера, а также добавили результаты лично проведённых опросов. Результаты показывают удовлетворённость большинства российских внештатных журналистов фрилансом. Вместе с тем значительное их число нуждается в дополнительных методах для выстраивания лично-рабочих границ, а также страдает от одиночества и профессиональной отчуждённости. Интересно, что западные исследователи отмечают успешность медиафрилансеров, далёких от традиционного понимания свободы на фрилансе, – тех, кто использует специализированные рабочие площадки и систему тайм-менеджмента. Среди российских медиафрилансеров, как показал наш анализ, более успешны те, кто, возможно, в силу темперамента и сформированных привычек просто не считает проблемой существующие для других индивидуумов психологические вызовы. Однако процент тех, кто сталкивается с психологическими проблемами на фрилансе, достаточно высок, чтобы обсуждать данную тему и изучать возможные решения.

Ключевые слова: внештатная журналистика, медиафриланс, внештатный журналист, журналист-фрилансер, медиафрилансер, удалённая работа, фриланс, цифровизация

Для цитирования: Мухина О. С. Психологические вызовы внештатной журналистики цифровой эпохи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 179–185. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-179-185>, EDN: GJOXYH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Psychological challenges of freelance journalism of the digital age

O. S. Mukhina

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 19 Mira St., Ekaterinburg 620002, Russia

Olga S. Mukhina, olga.mukhina@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8791-6086>

Abstract. The digital age introduces fast-paced changes into all areas of our life. Technological progress has made it possible for a significant number of specialists to switch to remote work and freelancing, and the coronavirus pandemic has accelerated this process. Journalists are no exception, especially since the media sphere is one of the most popular for freelancing. At the same time, entrepreneurial risks, social insecurity, as well as the distance from the professional community entail psychological challenges, which, as current research and our analysis show, not every freelance journalist is able to successfully cope with. We analyzed 200 texts from open sources describing the beginning and development of the career of freelance journalists, and also added the results of personally conducted surveys. The results indicate that the majority of the Russian freelance journalists are satisfied with freelancing. At the same time, a significant number of them need additional methods to build personal-work boundaries, and also suffer from loneliness and professional alienation. Interestingly, Western researchers note the success of freelance journalists who are far from the traditional understanding of freedom in freelancing – those who use specialized workspaces and a time management system. However, among Russian freelance journalists, as our analysis has shown, those are more successful who, perhaps due to their temperament and formed habits, simply do not consider psychological challenges, existing for other individuals, to be a problem. At the same time, the percentage of those who face psychological problems in freelancing is high enough to discuss this topic and explore possible solutions.

Keywords: freelance journalism, media freelance, contributing journalist, freelance journalist, media freelancer, remote work, freelance, digitalization

For citation: Mukhina O. S. Psychological challenges of freelance journalism of the digital age. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 179–185 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-179-185>, EDN: GJOXYH

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Сначала технический прогресс, повсеместная цифровизация, а затем и пандемия коронавируса сделали удалённую работу и фриланс привычной частью нашей жизни. Однако данный образ жизни и тип занятости со всех точек зрения – экономической, юридической, творческой, психологической и других – до сих пор считается «нетипичной работой» и в России, и в мире.

Вместе с тем фрилансеры занимают всё более заметную часть редакционного коллектива в медиапроизводстве. Многие исследователи в связи с этим отмечают, что журналистская работа становится всё более ненадёжной. Долгосрочная журналистская карьера заменяется краткосрочными контрактами, а эмоциональное выгорание и стресс становятся обычным явлением [1].

Внештатная журналистика стала популярной альтернативой трудоустройства в нынешнем медиаландшафте. Средства массовой информации часто полагаются на фрилансеров, чтобы сократить расходы. Хотя существующие исследования показывают высокую степень удовлетворённости работой среди профессионалов, фриланс – это позиция, сформированная противоречием между нестабильностью и автономией и часто связанная с экономической незащищённостью [2].

На наш взгляд, ключевым вопросом является добровольность выбора специалистом такого пути, как фриланс. Если индивид становится фрилансером по собственному желанию – например, ради получения большего контроля над трудовым процессом, автономии, гибкости в работе и прочего, то он чаще удовлетворён результатом. С другой стороны, если человек вынужден был перейти на фриланс по причине увольнения, декрета или проживания в регионе, где соответствующую вакансию в штате не найти, то такой «вынужденный фрилансер» (понятие само по себе противоречивое, ведь «free» – означает «свободный» (англ.)) зачастую совсем не рад такому образу жизни. Многие из них страдают от отсутствия социальных благ (отпусков, больничных), неравномерных непредсказуемых заработков, социального дистанцирования и одиночества, невозможности коммуницировать с коллегами и получать советы более опытных профессионалов. Исследователи называют это явление «принудительным предпринимательством» со стороны «фрилансеров поневоле» [3].

Российские исследователи также отмечают, что такой сотрудник часто не ощущает себя частью коллектива, подчёркивая значимость личных встреч для взаимодействия с коллегами и формирования корпоративной культуры [4, 5]. Другие указывают на растущую прекаризацию

журналистики, добавляя, что фрилансеры лишаются юридической, моральной, социальной и психологической защиты и поддержки от редакции и коллег [6, 7].

На Западе существуют профсоюзы для фрилансеров, внештатные отделения гильдии СМИ, соответствующие группы в социальных сетях, где журналисты-фрилансеры могут получить помощь, совет и поддержку [3]. В России это недостаточно развито, и абсолютное большинство медиафрилансеров работают в одиночестве, самостоятельно решая все возникающие проблемы.

Исследователи отмечают, что результатом предпринимательских вызовов, нестабильности и отсутствия социальной защищённости становятся постоянная неуверенность, неспособность планировать на долгосрочную перспективу и постоянная спешка в работе [8]. У многих медиафрилансеров возникают также проблемы с проведением чёткой границы между работой и отдыхом, и многие не могут ответить на вопрос, сколько часов в неделю они работают [9]. Совмещение работы и досуга является актуальной тенденцией среди внештатных журналистов [10].

Западные авторы отмечают полезность разделения рабочего и личного пространства (например, перемещаясь для работы в кафе), а также необходимость тайм-менеджмента [11]. Постоянные исследователи темы медиафриланса М. Norbäck и А. Styhre делают интересный и парадоксальный вывод: фрилансеры, которые сообщают об удовлетворённости своей работой и достаточных доходах, как правило, менее свободны в традиционном понимании фриланса. Успешные медиафрилансеры часто работают в специализированных фриланс-коллективах, где журналисты и другие фрилансеры делят офисное пространство. А вот «традиционные» фрилансеры, работающие полностью автономно, сообщают о низких заработках и чувстве изоляции и одиночества [12].

Вместе с тем, как показывают исследования отечественных авторов, большинство российских фрилансеров предпочитает работать дома – меньше половины выбирают кафе, библиотеку, офис или иные места [13].

Журналисты-фрилансеры являются в некотором смысле предпринимателями. Их успех зависит уже не только от их профессионализма в медиасфере, но также (возможно, в большей степени) от их предпринимательских навыков: способностей найти заказчиков и создать собственный бренд. Чтобы справиться с постоянной неуверенностью и другими негативными эмоциональными состояниями, некоторые медиафрилансеры пишут себе заметки, чтобы подбо-

рять себя, следят за событиями в Интернете, не связанными с работой, ставят себе еженедельные или ежемесячные цели в плане дохода [14].

В целом же, если говорить о психологическом комфорте, то отечественные исследователи чаще западных отмечают удовлетворённость фрилансеров [15]. Риснём предположить, что это связано с меньшими расходами в России. Интернет-пространство зачастую уравнивает доходы специалистов из разных регионов и даже стран, а вот расходы остаются разными, в связи с чем удовлетворённость фрилансера, проживающего в небольшой уральской деревне, в Москве или в европейской столице, сильно различается.

В настоящей статье мы решили проанализировать, как современные российские медиафрилансеры справляются с психологическими вызовами: какие проблемы для себя отмечают, как выстраивают лично-рабочие границы, ощущают ли одиночество и оторванность от профессионального сообщества.

В качестве базы для исследования мы нашли в открытом доступе в Интернете 200 текстов, посвящённых вопросам старта и развития карьеры отдельного медиафрилансера. Это были записи в личных блогах, посты в социальных сетях, эссе, интервью в СМИ. В этих материалах внештатные журналисты делились своим опытом на фрилансе, достижениями и проблемами.

Полученная таким образом информация обладает некоторыми ограничениями (медиафрилансеры, разумеется, освещали не все интересные нас вопросы, поэтому в каждом проанализированном пункте выборка несколько меньше), но и рядом преимуществ в плане объективности и непредсказуемости, поскольку авторы не были ограничены никакими рамками и заранее выданными установками – они освещали темы, которые считали наиболее значимыми для себя.

К обнаруженным материалам мы добавили результаты четырёх экспертных опросов, которые провели лично в 2020 г., таким образом, руководствуясь выборкой из 204 медиафрилансеров.

Поиск текстов мы осуществили с апреля по июль 2022 г., задействовав ресурсы поисковиков (результативными оказались только Google и Яндекс), социальных сетей (только сеть ВКонтакте оказалась эффективной), а также блогговых площадок Яндекс.Дзен и Живой Журнал.

Полученные материалы можно считать случайной выборкой (мы не делали дополнительных фильтров, собирая все тексты подряд только на основе заявленной тематики). Вместе с тем выборку можно (условно) считать и максимально полной, поскольку последние материалы были

найжены с большим трудом. Хотя, разумеется, надо сделать оговорку: Интернет – это, как известно, бездонное (и постоянно пополняемое) пространство, и никто не может утверждать, что нашёл 100% информации.

Добавим, что именно по вопросам психологических вызовов и проблем на фрилансе авторы найденных материалов высказывались, к сожалению, не так часто. Многие интересующие нас вопросы остались без ответов, либо их количество показалось нам недостаточным. Поэтому в качестве дополнения мы провели опросы в группе «Подслушано Копирайтинг» социальной сети ВКонтакте. Здесь надо оговориться, что в нашу цифровую эпоху границы журналистики как профессии размываются и включают в себя всё больше специалистов, далёких от «традиционной» журналистики. Во-первых, даже по российскому законодательству в понятие «журналист» включается не только собственно автор контента, но и другие специалисты, сотрудничающие с редакцией (ст. 2 закона о СМИ [16]), в том числе фотографы, операторы, редакторы и др. Если же говорить о пространстве Интернета, то в число медиафрилансеров есть смысл включить блоггеров и стримеров, давно завоевавших уверенные позиции в борьбе за внимание аудитории. Помимо этого, многие современные внештатные журналисты называют себя копирайтерами, рерайтерами, контент-мейкерами, сторисмейкерами и пр. Зарубежные исследователи медиафриланса в своих опросах также привлекали весьма широкий спектр профессионалов: некоторые из них называли себя «писателями» (англ. «writer», что в данном случае обозначает пишущего специалиста, а не автора художественной литературы), но не журналистами, хотя при этом получали национальные и международные премии по журналистике [17].

Основываясь на этом, мы также руководствовались довольно широким перечнем медиафрилансеров, а содержание публика «Подслушано Копирайтинг» свидетельствует о том, что его подписчики по факту занимаются именно журналистской деятельностью.

Первый вопрос, который мы сформулировали в рамках настоящего исследования, звучит достаточно глобально: какова в целом удовлетворённость медиафрилансом? В проанализированных нами текстах 157 индивидуумов в том или ином варианте давали понять, довольны ли они своим выбором образа жизни и заработка. Из них абсолютное большинство (93,63%) удовлетворены медиафрилансом.

Добавим, что в данном случае речь не об экономическом успехе (его мы анализировали

в отдельной публикации), а именно о психологическом состоянии, которое зависит не только от заработка, но и от других возможностей и преимуществ: например, свободы передвижения (*Свобода – это главное преимущество фриланса: я могу взять ноутбук и уехать в другую страну прямо сейчас* (Андрей)) или возможности уделять больше времени семье (*Мне удастся достаточно часто видеть сына и активно участвовать в его жизни* (Артём Суровцев)).

Вместе с тем надо сделать оговорку: редкий человек будет описывать (тем более публично) историю своего неуспеха. Поэтому неудивительно, но найденные нами тексты – это чаще всего положительный опыт. Как верно отметила одна из авторов, большинство восторженных историй – это так называемая ошибка выжившего. Когда во внимание берется только небольшой процент положительных исходов, хотя на самом деле они – погрешность, исключение, а не правило (Галия Алеева).

Следующий важный пункт – время работы. Как известно, фрилансеры чаще всего свободны в определении своего графика работы. Некоторые даже (так называемые совы) переходят на откровенно ночной образ жизни (*Я могу съездить в супермаркет утром и днем по всяким инстанциям, пока основная масса людей на работе. А вечером сесть за работу и работать до глубокой ночи* (Patchuli)).

Данного вопроса коснулись 58 человек. Мы добавили аналогичный вопрос в группе «Подслушано Копирайтинг», собрав там ещё 36 комментариев на дату проверки 18.08.2022 (https://vk.com/wall-123495637_704002). Таким образом, в общей сложности мы получили выборку из 94 человек.

Оказалось, что каждый пятый (20,21%) работает слишком много, чтобы в принципе говорить о каком-либо графике: *Я. Слишком. Много. Работаю. Поэтому спокойно могу дописывать текст в час ночи или продумывать концепцию нового лендинга. Конечно, это не есть хорошо, но с отдыхом в жизни бывают проблемы* (Юля Сапункова).

Тут надо добавить, что до недавнего времени (пока фриланс, благодаря цифровизации и пандемии, прочно не вошёл в нашу жизнь) штатные работники зачастую считали фрилансеров чуть ли не бездельниками. Однако, как показал наш анализ, больше половины медиафрилансеров (55,10%) работают больше 8 часов в день.

Вместе с тем неудивительно, что многие (45,74%) из тех, кто всё же трудится приближенное к норме количество времени, предпочитают свободный график, не создавая себе границ и правил: *Я предпочитаю работать, когда хочу*

работать, и отдыхать, когда устал, нормированного графика у меня нет. Иногда я работаю 2 часа в день, иногда 16 (Паша Молянов).

Однако 17,02% выстраивают для себя систему тайм-менеджмента:

Мой способ: обзавестись одной из подработок, которую нужно делать с утра пораньше. Это может быть работа на фирму с другим часовым поясом, штт новостного издания или просто утренняя редакция новостной ленты. Бодрая работа с раннего утра пробуждает лучше литра кофе (Алина Шубская);

Когда я испытываю проблемы с фокусировкой, включаю таймер Pomodoro и на 25 минут ухожу в работу. Это самая эффективная практика, ведь я знаю, что когда таймер прозвонит, у меня будет перерыв 5 минут – лучшее средство против прокрастинации (Андрей).

Столько же медиафрилансеров (17,02%) предпочитают соблюдать привычный для большинства людей офисный график и не выпадать из него: *Работаю с 10:00 до 18:00 по МСК с понедельника по пятницу. Ибо за 3 года на фрилансе поняла, что работать на таблеточки мне не нравится. Выгорела, восстановилась – теперь только так. В мессенджерах не отвечаю после 19.30, включён авиарежим* (Катерина Рябинина).

Одной из больших проблем на фрилансе является отсутствие лично-рабочих границ: специалист перестаёт понимать, где – дом, а где – офис. Может возникнуть ощущение постоянной, непрерывной работы.

В проанализированных текстах данную тему осветили 34 человека. Мы добавили к этому опрос в группе «Подслушано Копирайтинг» – на 18.08.2022 он собрал 40 комментариев (https://vk.com/wall-123495637_704879). Таким образом, мы получили выборку из 74 человек.

Из них две трети (63,51%) отметили, что их не отвлекает работа дома, а некоторым домашняя обстановка даже помогает: *Специально отвлекаюсь на домашние дела. Это у меня пятиминутка. Перерыв. С мыслями собираюсь, к следующему рывку* (Венера Ханова).

Однако для одной трети (35,14%) это серьёзная проблема: *Отвлекающие факторы отнимают до 5 часов рабочего времени (кот, чайник, бардак, просьбы домочадцев)* (Евгения Генералова).

Немногие (1,35%) отметили, что проблема существует, но она не настолько существенна для них.

В этих условиях некоторые специалисты предпочитают найти себе альтернативную площадку для работы, чтобы отделить домашнее пространство от рабочего и время отдыха от

рабочего времени. Реальными в российских условиях альтернативами могут быть коворкинги, антикафе, библиотеки или совместная аренда офиса с другими фрилансерами. Как уже отмечалось выше, такие варианты довольно популярны среди западных внештатных журналистов [8, 12], что позволяет им не только удерживать под контролем свой рабочий график, но и оставаться на связи с коллегами с возможностью проконсультироваться с более опытными специалистами и чувствовать себя частью профессионального сообщества.

В проанализированных текстах данный вопрос осветили 23 человека. Добавим к этому 40 респондентов из указанного выше поста группы ВКонтакте, поскольку он охватил и эту тему тоже. Таким образом, мы оперировали выборкой из 63 человек.

Как показал наш анализ, большинство российских медиафрилансеров (84,13%), несмотря на проблемы, не ищут других площадок для работы. Однако 15,87% из них находят для себя пространство вне дома: *Мозг привык, что дома надо отдыхать, а ты тщетно пытаешься выдать из себя тексты или макеты под шум стиральной машинки и дурацкие вопросы домашних. Фрилансеру нужно место, куда можно свалить и спокойно поработать* (Анастасия Резникова).

Есть и те, кто обладает счастливой способностью просто переключать свой мозг, но таких, конечно, меньшинство (*Я стараюсь вечером выходить из квартиры, и когда возвращаюсь, то дом из режима «офис» переходит в режим «отдых»* (Дарья Шипачева)).

Добавим, что лично-рабочие границы можно выстраивать не только с помощью разделения территории, но и чётко разделяя рабочее и личное время, в том числе жёстко отключая после определённого часа все средства связи. Возможно также завести два номера и адреса электронной почты: личные и рабочие, с отключением рабочих в период отдыха, а личных – во время работы.

Данного вопроса в проанализированных текстах коснулись 38 человек, и ещё 81 комментарий мы собрали на 18.08.2022 в группе «Подслушано Копирайтинг» (https://vk.com/wall-123495637_703905). Получилась выборка из 119 медиафрилансеров.

Большинство наших респондентов (63,87%) выстраиванием лично-рабочих границ не занимаются, предпочитая полное отсутствие каких-либо правил.

Каждый четвёртый (28,57%) выстраивает границы, разделяя личное и рабочее время, причём оно может быть разным:

Мой рабочий день начинается приблизительно в 22 часа (Мария Чернобровкина);

Я придерживаюсь правила «1 на 3». Это значит, что я им [детям] себя выделяю на час, играю, обучаю, гуляю, кормлю. Но следующие 3 часа я работаю (Елена Зиминая).

Каждый десятый (10,92%) разделяет личное и рабочее пространство: *Офисы, кафе, коворкинги. Я в библиотеку ухожу: 100 рублей абонемент на год, и все дела* (Дарья Гостищева).

Всего 3,36% респондентов жёстко регулируют данный вопрос при помощи средств связи: *С заказчиками элементарно отключением телефона в нерабочее время решается* (Маргарита Варенникова).

Добавим, что есть и те, кто использует несколько вариантов, чаще всего объединяя такие методы, как выстраивание лично-рабочих границ при помощи разделения и пространства, и времени: *Заказчикам на берегу всегда говорю, что работаю строго в офисном графике. После 18 просто не отвечаю на сообщения <...> С семьёй вообще проблем нет. Ушла в кабинет, дверь закрыла и всё. Нет меня* (Юлия Зайцева);

В проанализированных нами текстах встречались также реплики, касающиеся такой проблемы, как одиночество. Фрилансеры, как правило, работают сами по себе. Многие из них оторваны от профессионального сообщества, коллег и корпоративной жизни.

Вместе с тем в проанализированных текстах данной темы касались единичные ответы (их было всего 13), но она показалась нам важной для рассмотрения, поэтому мы провели соответствующий опрос в группе «Подслушано Копирайтинг», который на 18.08.2022 собрал 116 комментариев (https://vk.com/wall-123495637_703384). Объединив респондентов из этих двух источников и вычеркнув комментарии, мало относящиеся к теме, мы получили следующую статистику: большинство (77,36%) не страдают от одиночества на фрилансе, а многие даже рады ему: *Мне не нужны шутки с рядом сидящими коллегами, корпоративы, чаи в перерывах. Для меня это пустая трата времени и лишний напряг* (Элла Бородулина).

Однако практически каждый четвёртый (22,64%) страдает от одиночества на фрилансе: *Я скучаю по офису, хоть и интроверт. По общению, по необходимости наряжаться и краситься каждый день, совместным выходам куда-то с коллегами* (Ирина Селезнева).

В дополнение к уже указанным психологическим особенностям медиафриланса отметим и другие проблемы, на которые указывали

авторы проанализированных нами текстов, начиная с наиболее часто упоминаемых:

1) ощущение опасности и неопределённость: *Через пару месяцев стабильными в моей жизни оставались только рассветы, закаты и счета за съемную квартиру, которые приходили без задержек* (Галия Алеева);

2) ближайшее окружение не воспринимает всерьёз такую форму занятости, как фриланс: *Они почему-то считали, что я сижу дома и занимаюсь ничем. Некоторые беспардонно спрашивали, когда я уже устроюсь на «нормальную работу»* (Анна Романова-Колосовская);

3) отсутствие отпусков и больничных: *Тот факт, что фрилансеру нельзя расслабиться и даже поболеть нормально, конечно, давит на психику* (Дарья Шипачева);

4) нездоровый график сна: *Разрыв в часовых поясах между Азией и Соединёнными Штатами ещё больше усложнял мой график. Мне приходилось проводить интервью в 10 часов вечера, чтобы поговорить с экспертами из США, но в то же время мне приходилось быть на связи по электронной почте во время своих стандартных офисных часов* (Анонимный автор).

Итак, подводя итог нашего исследования, отметим, что фриланс может стать прекрасным решением для многих индивидуумов, а медиа-сфера прекрасно подходит для такого формата рабочих отношений. Как показало и наше исследование, и работы других авторов, большинство внештатных журналистов удовлетворены своим выбором образа жизни и способа заработка.

Конечно, надо принимать во внимание то, что одна из проанализированных авторов назвала «ошибкой выжившего»: в будущих исследованиях имеет смысл изучить деятельность начинающих медиафрилансеров со стажем менее года (в настоящей статье мы изучали по большей части опытных специалистов). Рискнём предположить, что процент удовлетворённости среди новичков будет резко снижен, а недовольных фрилансом окажется большинство. Автор настоящей статьи, будучи журналистом-фрилансером более девяти лет, на основе этого продолжительного включённого наблюдения может добавить, что первый год на фрилансе является пограничным: огромное количество фрилансеров возвращаются в штат в этот период, не выдерживая экономических и психологических издержек. Стаж более года свидетельствует о том, что специалист решил большинство проблем и, скорее всего, характеризует свой фриланс как успешный.

Вместе с тем, несмотря на общую удовлетворённость фрилансом, нельзя недооценивать существующие психологические особенности

и вызовы. Внештатные журналисты сталкиваются с беспрецедентными для себя условиями работы, с необходимостью выстраивать лично-рабочие границы в общении и с близкими, и с заказчиками. Наш анализ показывает, что для большинства это не является проблемой, однако больше трети создают для себя определённую систему для разделения условного «дома» и «офиса».

При этом каждый четвёртый страдает от одиночества и оторванности от профессионального сообщества на фрилансе. Здесь следует добавить, что журналистика – это творческая сфера, с высокими требованиями в вопросах профессиональной этики, и корпоративный дух, корпоративная культура, помощь коллег являются важным началом.

Несмотря на то что для большинства перечисленные моменты не являются проблемой, выявленный процент тех, кто сталкивается с недостатками фриланса в психологическом плане, достаточно высок, чтобы обсуждать данную тему и предлагать решения. Думается, что опыт успешных медиафрилансеров со стажем, как российских, так и западных (совместная аренда офиса, перенос работы в коворкинги или кафе, тайм-менеджмент), может оказаться весьма полезным для тех, кого привлекают преимущества фриланса, но кто не в состоянии справиться с его вызовами.

Список литературы

1. *Norbäck M. Maintaining a Freelance Career: How Journalists Generate and Evaluate Freelance Work // Journalism Studies. 2022. Vol. 23, iss. 1. P. 1141–1159. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2022.2073257>*
2. *Marín-Sanchiz C.-R., Carvajal M., González-Esteban J.-L. Survival Strategies in Freelance Journalism: An Empowering Toolkit to Improve Professionals' Working Conditions // Journalism Practice. 2021. <https://doi.org/10.1080/17512786.2021.1929414>*
3. *Salomon E. Digitizing freelance media labor: A class of workers negotiates entrepreneurialism and activism // New Media and Society. 2020. Vol. 22, iss. 1. P. 105–122. <https://doi.org/10.1177/1461444819861958>*
4. *Квасова Ю. П. Современные технологии трудовых отношений // Научное и образовательное пространство: перспективы развития : сб. материалов XVI Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 28 февр. 2020 г.) / редколл. : О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2020. С. 98–99. <https://doi.org/10.21661/r-530458>*
5. *Лымарева О. А., Козловская А. А., Жукова Н. Е. Роль корпоративной культуры в системе управления дистанционными сотрудниками // Экономика устойчивого развития. 2020. № 1 (41). С. 114–116. EDN: BZSDHW*

6. Черепанова Т. В. Журналистская профессиональная идентичность в условиях прекаризации медиатраслы // Ломоносовские чтения-2019 : материалы ежегодной науч. конф. МГУ (г. Севастополь, 3–5 апреля 2019 г.) / под ред. О. А. Шпырко, В. В. Хапаева, С. И. Рубцовой. Севастополь : Филиал МГУ в г. Севастополе, 2019. С. 85.
7. Виноградова К. Е. Журналистская деятельность в дистанционном формате: трансформация внутрифирменной коммуникации в период пандемии // Управление коммуникациями : сб. ст. Первой междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А. Н. Чумикова, Э. Э. Шульца. М. : Изд-во МГЛУ, 2022. С. 78–86.
8. Norbäck M. Glimpses of resistance: Entrepreneurial subjectivity and freelance journalist work // Organization. 2021. Vol. 28, iss. 3. P. 426–448. <https://doi.org/10.1177/1350508419889750>
9. Norbäck M. Back to the future of journalist work? Entrepreneurial subjectivity and freelance journalism in Sweden // Journalism. 2021. <https://doi.org/10.1177/14648849211033131>
10. Hayes K. The Networked Newsroom: Navigating New Boundaries of Work // Journalism Practice. 2021. <https://doi.org/10.1080/17512786.2021.1949627>
11. Canter L., Wilkinson E. Freelancing for journalists. London : Routledge, 2020. 222 p. <https://doi.org/10.4324/9780429027178>
12. Norbäck M., Styhre A. Making it work in free agent work: The coping practices of Swedish freelance journalists // Scandinavian Journal of Management. 2019. Vol. 35, iss. 4. Art. 101076. <https://doi.org/10.1016/j.scaman.2019.101076>
13. Дяченко А. А., Сорокина А. С. Фриланс как альтернативная форма занятости в период пандемии // Молодежный научный форум : сб. ст. по материалам СХХХ студентской междунар. науч.-практ. конф. Т. 19 (129). М. : ООО «Международный центр науки и образования», 2021. С. 59–65. EDN: XLPBUN
14. Gollmitzer M. Journalism ethics with Foucault: Casually employed journalists' constructions of professional integrity // Journalism. 2021. <https://doi.org/10.1177/14648849211036301>
15. Кошелев А. А. Специфика организации труда фрилансера: по результатам социологического исследования // Тенденции развития науки и образования. 2020. Т. 63, № 5. С. 126–128. <https://doi.org/10.18411/lj-07-2020-183>
16. О средствах массовой информации : закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 14.07.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
17. Josephi B., O'Donnell P. The blurring line between freelance journalists and self-employed media workers // Journalism. 2022. Vol. 24, iss. 1. <https://doi.org/10.1177/14648849221086806>

Поступила в редакцию 22.08.2022; одобрена после рецензирования 04.11.2022; принята к публикации 30.01.2023
The article was submitted 22.08.2022; approved after reviewing 04.11.2022; accepted for publication 30.01.2023

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 186–196

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 186–196

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-186-196>

EDN: FXALBL

Рецензия

УДК 811.161.1'23'28'32

Научное наследие профессора В. Е. Гольдина: о книге избранных работ ученого

Рецензия на: *Гольдин В. Е. Языковое сознание. Речевая коммуникация: Избранные работы* / сост. О. Ю. Крючкова, А. П. Сдобнова. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2020. 496 с.

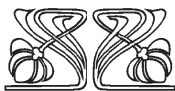
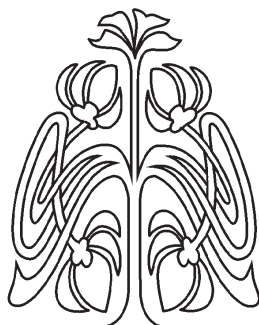
О. Ю. Крючкова , Е. В. Старостина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

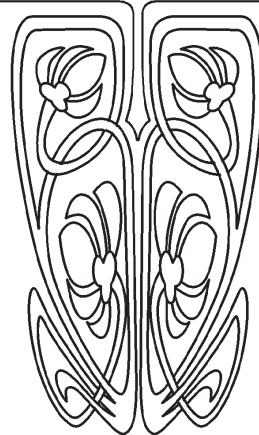
Крючкова Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, vpks@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2814-4095>

Старостина Евгения Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, sev79@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7532-2950>

Аннотация. Рецензия посвящена книге избранных работ профессора В. Е. Гольдина «Языковое сознание. Речевая коммуникация» (Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2020), подготовленной к изданию О. Ю. Крючковой и А. П. Сдобновой. Научные интересы Валентина Евсеевича Гольдина были чрезвычайно широки. В списке его научных работ – исследования по русской диалектологии, проблемам общей теории языка, речевой коммуникации, жанров речи, по проблемам психолингвистики и прикладной лингвистики. Это многообразие фокусов научного внимания нашло свое отражение и в книге его избранных трудов. В книгу вошли работы В. Е. Гольдина, относящиеся к трем важнейшим областям его научных интересов: ассоциативно-вербальная сеть носителя языка; проблемы речевой коммуникации; коммуникативная и корпусная диалектология. В композиции книги выражена идея о языковом сознании как глубинной когнитивной базе речевой коммуникации и, соответственно, о речевой коммуникации как вербальном воплощении языкового сознания. Такое понимание взаимоотношений языкового сознания и речевой коммуникации вытекает из всей совокупности научных исследований В. Е. Гольдина, является результатом обобщения научного наследия ученого. В публикации очерчена хронология развития научных интересов В. Е. Гольдина – от отдельных сфер речевой коммуникации к целостному ее осмыслению и далее к языковому сознанию. Такое развитие научного творчества исследователя позволило ему постепенно наращивать, укрупнять теоретические обобщения, строить их на прочной основе хорошо осмысленного конкретного эмпирического материала. Представлены наиболее значимые научные идеи В. Е. Гольдина: о принципах коммуникативной диалектологии; о построении, научном и культурном значении диалектных корпусов, о необходимости целостного изучения русской речи в совокупности всех её социально-функциональных разновидностей; о критериях эффективной культурно-языковой политики; проблемах изучения семантики общения; задачах жанроведения; о методике проведения ассоциативных экспериментов; ассоциативных словарях; об эвристическом потенциале вербальных ассоциаций и ассоциативных полей.

КРИТИКА
И
БИБЛИОГРАФИЯ

Ключевые слова: В. Е. Гольдин, избранные работы, русская диалектология, ассоциативно-вербальная сеть, речевая коммуникация, психолингвистика, корпусная лингвистика

Для цитирования: Крючкова О. Ю., Старостина Е. В. Научное наследие профессора В. Е. Гольдина: о книге избранных работ ученого // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 186–196. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-186-196>, EDN: FXALBL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Review's report

Scientific legacy of Professor V. E. Goldin: About the book of the scientist's selected works

Review for: Goldin V. *Linguistic consciousness. Speech communication: Selected works* / comp. O. Kryuchkova, A. Sdobnova. Saratov, Saratov State University Publ., 2020. 496 p. (in Russian)

O. Yu. Kryuchkova ✉, **E. V. Starostina**

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Olga Yu. Kryuchkova, vpks@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2814-4095>

Evgeniya V. Starostina, sev79@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7532-2950>

Abstract. The review is dedicated to the book of selected works by Professor V. E. Goldin, *Linguistic Consciousness. Speech Communication* (Saratov, Saratov State University Publ., 2020), prepared for publication by O. Kryuchkova and A. Sdobnova. The scientific interests of V. E. Goldin were extremely broad. The list of his scientific works includes studies on the Russian dialectology, problems of the general theory of language, speech communication, speech genres, the problems of psycholinguistics and applied linguistics. This variety of focuses of the scientific attention is also reflected in the book of his selected works. The book includes works by V. E. Goldin, related to the three most important areas of his scientific interests: the associative-verbal network of a native speaker, problems of speech communication, communicative and corpus dialectology. The composition of the book expresses the idea of linguistic consciousness as a deep cognitive basis of verbal communication and, accordingly, of verbal communication as a verbal embodiment of linguistic consciousness. Such an understanding of the relationship between linguistic consciousness and speech communication stems from the complexity of the scientific research by V. E. Goldin, and is the result of summing up the scientific heritage of the scientist. The publication outlines the chronology of the development of V. E. Goldin's scientific interests – from individual spheres of speech communication to its holistic understanding and further to linguistic consciousness. Such a development of the researcher's scientific work allowed him to gradually build up and enlarge theoretical generalizations, build them on a solid foundation of comprehensive specific empirical material. The review presents V. E. Goldin's most significant scientific ideas: the principles of communicative dialectology; the construction, scientific and cultural significance of dialect corpora, the need for a holistic study of the Russian speech in the sum of all its social and functional varieties; the criteria for an effective cultural and language policy; problems of studying the semantics of communication; tasks of genre studies; the method of conducting associative experiments, associative dictionaries, the heuristic potential of verbal associations and associative fields.

Keywords: V. E. Goldin, selected works, Russian dialectology, associative-verbal network, speech communication, psycholinguistics, corpus linguistics

For citation: Kryuchkova O. Yu, Starostina E. V. Scientific legacy of Professor V. E. Goldin: About the book of the scientist's selected works. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 186–196 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-186-196>, EDN: FXALBL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Научные интересы Валентина Евсеевича Гольдина были чрезвычайно широки. Многообразие фокусов научного внимания ученого отражено в книге его избранных работ «Языковое сознание. Речевая коммуникация», выпущенной издательством Саратовского университета в 2020 г. В книге собраны известные труды В. Е. Гольдина, относящиеся к трем важнейшим областям его научных интересов:

1. Ассоциативно-вербальная сеть носителя языка.
2. Проблемы речевой коммуникации.
3. Коммуникативная и корпусная диалектология.

Расположение глав (в книге они идут в такой последовательности) не отражает хронологического развития научных интересов ученого. В композиции книги выражена идея о

языковом сознании как глубинной когнитивной базе речевой коммуникации и, соответственно, о речевой коммуникации как вербальном воплощении языкового сознания. Такое понимание взаимоотношений языкового сознания и речевой коммуникации вытекает из всей совокупности научных исследований В. Е. Гольдина, является результатом обобщения его научного наследия.

В хронологическом плане путь исследователя шел от отдельных сфер речевой коммуникации к целостному ее осмыслению и далее – к языковому сознанию. Такое развитие научного творчества ученого позволило ему постепенно наращивать, укрупнять теоретические обобщения, строить их на прочной основе хорошо осмысленного конкретного эмпирического материала. Первые научные работы В. Е. Гольдина связаны с русской диалектологией. В 1967 г. он

защитил кандидатскую диссертацию «К вопросу о структурно-семантических различиях в диалектной лексике (на материале названий построек и их частей в русских говорах)» [1]. В процессе этой работы пришло понимание большой культурной ценности диалектной речи, глубокое понимание ее специфики. Все это ярко передано в серии «рассказов диалектолога», опубликованных в 1980-е гг. в научно-популярном академическом журнале «Русская речь». В «рассказах диалектолога» проявилась не только наблюдательность исследователя, но и настоящий художественный дар Валентина Евсеевича, талант замечательного рассказчика. Помещенные в книге избранные работы «рассказы диалектолога» доставят большое удовольствие всем, кто умеет наслаждаться точным, живым словом.

Диалектологической проблематике посвящена и защищенная в 1997 г. в виде научного доклада докторская диссертация «Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии» [2]. Научный доклад, опубликованный небольшим тиражом, очень скоро стал труднодоступным для многих желающих ознакомиться с ним. Теперь эта работа есть в книге избранных трудов.

Докторская диссертация Валентина Евсеевича стала итогом осмысления материалов многолетних диалектологических экспедиций под его руководством, заложила основы нового направления в науке о русских народных говорах – коммуникативной диалектологии.

Выделив три основные парадигмы диалектологического знания – структурную, функциональную и коммуникативную, В. Е. Гольдин определил специфику разных подходов к изучению диалектов. Он пишет: «Если в структурной парадигме диалект определяется прежде всего извне, через соответствующие явления и диалектные различия, то есть через соотнесение с инодиалектной речью, а функциональный подход добавляет к этому взгляду на сельскую народно-разговорную речь в качестве существенного такой внутренний аспект, как изучение стратификации диалектной речи, функционального ее варьирования, и еще один, особый внешний аспект – соотнесенность с другими стратами в составе функциональной парадигмы языка, – то в коммуникативной парадигме диалектологического знания рассматриваются прежде всего общие черты диалектов именно как диалектов. Это не значит, что территориальное варьирование речи не исследуется в рамках коммуникативной парадигмы. Оно исследуется, но как вариативное воплощение общедиалектных явлений» (с. 298).

Предложенный В. Е. Гольдиным подход к изучению диалектной речи позволил выделить общие диалектам принципы организации,

связать и объяснить речевые черты, представившиеся ранее разрозненными и изолированными. Один из таких генеральных принципов в концепции В. Е. Гольдина – «принцип совмещения в речи ситуации-темы и ситуации текущего общения». «Он проявляется в том, – пишет В. Е. Гольдин, – что компоненты текущего общения (реальное пространство и время общения, говорящий, адресат и слушатель, находящиеся в их поле зрения предметы, сама локуция и невербальные компоненты общения) используются как заместители компонентов ситуации-темы, служат их знаковым эквивалентом, основой установления референции речевых единиц» (с. 294). Описываемые ситуации изображаются в речи диалектоносителей как одновременные общению. Действием этого принципа определяются многие особенности диалектной речи.

В. Е. Гольдин подчеркивает: «...действие в речи принципа совмещения ситуаций, повидимому, никогда не могло быть абсолютным; ...этот принцип существует в диалектной речи как тенденция, но тенденция древняя и сильная, непосредственно обусловленная коммуникативной спецификой традиционного деревенского общения на диалекте» (с. 314); «его действие не замкнуто границами диалекта, оно может быть обнаружено и в других социально-функциональных разновидностях русской речи как следствие единства русского языка и значительного воздействия, которое оказали на него и продолжают оказывать русские народные говоры» (с. 316).

Принцип совмещения ситуации-темы с ситуацией текущего общения – это «результат принципиальной и наиболее последовательной разговорности традиционного общения на диалекте» (с. 313). Своим происхождением данная тенденция обязана «той информационной структуре коллектива, при которой непосредственное устное практическое речевое взаимодействие составляло единственный тип речевой коммуникации», главным содержанием которой были, по А. Б. Шапиро, «интересы данного момента» в широком смысле» (с. 313).

В. Е. Гольдин так обосновывал необходимость нового – коммуникативного – подхода к изучению диалектной речи:

- диалект – это самостоятельное коммуникативное средство, которое полноценно обслуживает традиционное русское деревенское общение, идеально приспособлено для этой коммуникативной сферы;

- диалект – это вербальное средство, в котором в значительной мере воплощены особенности традиционной народной культуры, ее ценности, восприятие мира носителями этого типа культуры.

Поэтому и изучение народной речи должно быть направлено: а) на раскрытие ее коммуникативных функций; б) особенностей ее организации (строения); в) на выявление специфики мировидения носителей диалекта, что, несомненно, воплощено в их речи.

Коммуникативная диалектология дополняет (не отменяет) сложившиеся ранее парадигмы диалектологического знания (в них достигнуты весьма значимые результаты, это всегда подчеркивал В. Е. Гольдин), направляет внимание на новые для диалектологии объекты исследования. К ним относятся:

- информационная структура общения на диалекте (например, характерный для диалектной речи набор речевых событий, речевых жанров, специфика реализации универсальных (общих для национальной культуры) речевых событий и жанров, событийные и жанровые «лакуны»);

- особенности текстовой деятельности на диалекте (особенности построения текстов, связанные во многом с социальной организацией диалектного коллектива);

- когнитивная сторона общения на диалекте (особенности картины мира носителей традиционной деревенской культуры, характер выражаемых в речи знаний, способы их речевого представления);

- место речи в составе деятельности носителей традиционной культуры и характер рефлексии диалектоносителей над речью;

- особенности сохранения речевой традиции, специфика трансляции ее во времени, характер прецедентных текстов диалектного общения.

В. Е. Гольдин по-новому определил сущность диалекта как особого языкового образования. Сущность диалекта, пишет В. Е. Гольдин, «заключается прежде всего не в отличиях одних говоров от других, а именно в признаках, объединяющих диалектную речь любых территорий бытования данного языка и при этом характерных не для всех языковых стратов, – в признаках, отличающих диалектную речь от литературной в первую очередь» (с. 299). Выделение и описание этих признаков и составляет специфический объект коммуникативной диалектологии.

Широкое признание получили работы В. Е. Гольдина, выполненные в русле коммуникативной диалектологии. Это такие работы начала 2000-х гг., как «Изобразительность диалектной речи» (2001); «Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения» (2002); «Понятийное ядро традиционного сельского общения» (2002); «Текст и знание в диалектной коммуникации» (2008, в соавт. с О. Ю. Крючко-

вой); «Повествование в диалектном дискурсе» (2009); «Устно-разговорная речь и обыденное сознание» (2016, в соавт. с О. Ю. Крючковой). Все они представлены в книге избранных работ.

В. Е. Гольдин подчеркивал, что коммуникативное изучение диалектной речи требует специальной организации научных источников: «...главным объектом наблюдений становятся связная речь и воплощенные в ней единицы общения, “тексты”» (с. 323). Таким образом, коммуникативная диалектология ведет к диалектологии корпусной.

Валентин Евсеевич стоял у истоков корпусной диалектологии в нашей стране. В 1990-е гг., когда впервые обсуждалась структура машинного фонда русского языка, он предложил концепцию электронного диалектологического текстового корпуса как основного ресурса для сохранения и изучения материала русских народных говоров [3].

Эта концепция послужила в дальнейшем основой крупного проекта – мультимедийного диалектологического корпуса, создаваемого в Саратовском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского коллективом Центра изучения народно-речевой культуры имени проф. Л. И. Баранниковой. В книге избранных работ представлены статьи и этого направления: «Диалектологический текстовый машинный фонд говора и исследование диалектных изменений» (1991), «Текстовый диалектологический корпус как модель традиционной сельской коммуникации» (2008), «Корпус русской диалектной речи: концепция и параметры оценки» (2011), «Параметры обработки текстов для русского диалектного корпуса» (2015), «Диалектный текстовый корпус: проблемы репрезентативности, сбалансированности, единиц хранения и выдачи» (2017) (последние четыре в соавторстве с О. Ю. Крючковой).

Интерес ученого к проблемам речевой коммуникации, ее социально обусловленной вариативности, возникший при изучении русской народной речи, приобрел более широкие очертания, вышел за границы одной формы существования языка. Глубокое осмысление русской диалектной речи, понимание многообразной социально обусловленной вариативности русской речи приводит ученого к мысли о необходимости целостного изучения речевой коммуникации – во всем разнообразии ее форм. Работы данного направления представлены во второй части сборника – «Проблемы речевой коммуникации».

В работе «Внутренняя типология русской речи и строение русистики» (2000) В. Е. Гольдин

развивает концепцию целостного изучения русского языка. «Современные исследования русской речи, – пишет он, – ведутся в большинстве случаев отдельно на материале каждой из её социально-функциональных разновидностей» (литературного языка, или его разговорной разновидности, или диалектов, или просторечия) (с. 153). Эту «социально-функциональную линию исследования типов русской речи», по мысли ученого, необходимо дополнить, «уравновесить» «сквозным» изучением языка, «идущим от самих языковых и речевых явлений и совершающимся на всем пространстве (материале) русской речи» (с. 159).

Валентин Евсеевич объясняет, почему такой целостный подход к изучению русской речи важен и необходим. Он пишет: «...русская речь не так жестко членится на отдельные варианты, как это нередко представляется», «от народных говоров до самых высоких сфер функционирования литературной речи тянутся разной длины и разной мощности связующие нити, скрепляющие единство русской речи»; «отдельные языковые личности могут одновременно владеть несколькими, в том числе функционально несовместимыми вариантами русской речи», «эти варианты образуют в речевой практике языковых личностей своеобразные системы, сплавы, контаминации» (с. 154, 161).

Как отмечает исследователь, разные языковые явления, рассмотренные «на материале речи в целом», т.е. «на материале всех разновидностей русской речи», могут оказаться типологически значимыми, предстать как явления, неодинаково реализуемые в разных социально-функциональных подсистемах русского языка, например, звукоподражание, разнообразные средства отсылки к известному (от разговорных частиц типа *-то* до книжных единиц типа *как известно* или *как говорилось выше*), функционирование лексики иноязычного происхождения и др. (с. 160). Неодинаковой относительной значимостью, своеобразием реализации могут обладать не только отдельные языковые единицы или их типы, но и коммуникативные формы речи, такие, как, например, выделенные Г. А. Золотовой репродуктивный, информативный, генеритивный, волюнтаривный и реактивный «регистры» (с. 330–331).

Идея целостности русского языка и «единства русистики как науки о русском языке», отказ от «литературоцентрической» концепции русского языка и русистики, при которой «лишь “высшая” форма языка, литературная, признается обществом культурной, ценной, современной и уважаемой, получает социальную поддержку»

(с. 156), имеют, по мысли ученого, важные социальные следствия, будут способствовать «выработке правильной политики общества по отношению к нелитературной речи и прежде всего – к диалектам» (с. 158).

Целостное осмысление русской речи, по мнению ученого, должно стать не только фокусом внимания исследователей, но ориентиром языковой политики, направленной на сохранение речевого разнообразия и богатства русской речи, основанной на толерантности к разным формам ее существования.

«Очевидно, демонстрацию необходимости, совершенства и богатейших возможностей русской литературной речи, – подчеркивает В. Е. Гольдин, – пора сочетать с научной пропагандой в обществе идеи коммуникативной целостности языка, функциональной и социальной важности всех его составляющих и одновременно – с идеей совершенно особой ценности для человека его исходной (родной, материнской, первичной) речи независимо от того, является ли эта родная речь просторечной, диалектной или литературной, а заботу о литературном языке нужно дополнять не менее действенной заботой о русском языке в целом» (с. 159).

Выраженная в этом рассуждении идея толерантности в отношении разных форм коммуникации развивается в статье «Толерантность как принцип культуры речи» (2003), где она приобретает очертания «общего принципа межличностного, межгруппового, межгосударственного и межкультурного взаимодействия» (с. 162).

Принципу толерантности должна отвечать, по мнению ученого, эффективная культурно-языковая политика, имеющая «по-настоящему практический характер». Ее суть состоит в следующем: «Точно направлять работу в области культуры русской речи при общей ее (работы) толерантности, с нашей точки зрения, в первую очередь означает сегодня требовать соблюдения норм литературной речи там и только там, где литературный язык на самом деле оказывается единственно возможным средством речевой коммуникации (сфера официальных форм общественно-политического и делового общения, сфера науки, сфера образования), допуская в иных сферах использование и других типов речи. Иными словами, не следует отождествлять культуру литературной речи с культурой русской речи в целом, как не следует отождествлять русский язык с его литературным вариантом.

Современная культурно-языковая политика будет в большей мере приближаться к идеальному сочетанию эффективности и толерантности, если поставит себе главными целями, во-первых,

давать обществу предельно объективную и полную картину его текущего языкового (речевого) состояния, включая все сферы общения, и, во-вторых, продемонстрировать функциональные достоинства и функционально слабые стороны всех сосуществующих вариантов русской речи, а не только литературного языка» (с. 168–169).

Принцип толерантности, по убеждению В. Е. Гольдина, должен стать и основой науки о культуре речи: «... дело науки о культуре речи...», – пишет он, – не только защищать литературный язык от влияния ... функционально и территориально ограниченных вариантов русской речи», «специалист в области культуры речи и нормализатор едва ли имеют право смотреть на русский язык лишь с точки зрения некоторых групп населения (например, с позиции говорящих на литературном языке) или учитывать языковые потребности лишь некоторых, хотя бы и очень важных коммуникативных сфер русского общества, ущемляя тем самым языковые права части населения» (с. 170, 171).

Языковой политике, толерантной к русским народным говорам, посвящена включенная в книгу избранных работ статья «Русские народные говоры как национальное богатство и необходимость новой культурно-языковой политики в России» (2010, в соавт. с О. Ю. Крючковой). Эта работа была отмечена дипломом лауреата Всероссийского конкурса интеллектуальных проектов.

Цикл исследований В. Е. Гольдина посвящен вопросам семантики общения, этикету как специальной знаковой системе, регулирующей общение. В 70-е – 80-е гг. XX в. вышли в свет получившие широкую известность монографии В. Е. Гольдина «Этикет и речь» [4], «Речь и этикет» [5], «Обращение: теоретические проблемы» [6]. Последнюю из названных работ читатель может найти в книге избранных работ.

Появившееся в ходе глубокого изучения сферы общения представление о семиотической сложности коммуникации, семиотической неоднородности речи, отказ «от узкоречевого» («собственно лингвистического») рассмотрения общения послужили основой для развития концепции «о принципиальном единстве коммуникативной и некоммуникативной деятельности людей» [7, с. 6].

На пересечении «коммуникативной и некоммуникативной деятельности» находится и категория жанра. В работе 1999 г. «Проблемы жанроведения», представленной в книге избранных трудов, изложена программа развития данной научной отрасли, названы ее актуальные проблемы: 1) параметризация жанровых форм

и установление системных отношений между параметрами; 2) создание классификаций и многоаспектной типологии жанров; 3) уточнение главных оппозиций в системе терминов жанроведения; 4) структуризация жанроведческих понятий в системе общелингвистических концептов; 5) исследование жанровых форм в историческом аспекте.

В конце 1990-х гг. в сферу научных интересов В. Е. Гольдина прочно входит психолингвистика. В центре его внимания оказываются проблемы изучения вербальных ассоциаций и языкового сознания носителей языка.

Ассоциативный словарь школьников Саратовской области, созданный под руководством В. Е. Гольдина, был действительно масштабным проектом. Работа над словарем началась в 1998 г. и продолжалась более 10 лет. Результатом интенсивной работы возглавляемой В. Е. Гольдиным научной группы стали новаторская электронная база данных ассоциативного словаря и изданный в 2011 г. двухтомный (в 3 книгах) «Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов» [8].

Словарь создан на основе свободных ассоциативных экспериментов, проводившихся со школьниками с 1-го по 11-й класс, проживающими в г. Саратове и других городах, поселках и деревнях Саратовской области. Важно то, что опрашивались не только городские, но и сельские школьники, что позволило в том числе изучать и сопоставлять языковое сознание школьников, живущих в разной местности (город, село, деревня).

Эксперимент, данные которого легли в основу словаря, проводился в течение 10 лет (с 1998 по 2008 г. включительно) в устно-письменном формате (устное предъявление стимулов и письменная фиксация реакций испытуемыми). Такой выбор формы эксперимента был обусловлен тем, что в нем принимали участие дети как старших, так и младших классов, которые еще не очень хорошо умеют читать и писать. В экспериментах со взрослыми испытуемыми часто выбирается письменно-письменный формат, а эксперименты с детьми дошкольного возраста проводятся в устно-устной форме. Словарь получился очень объемным. Стимульный ряд словаря включает 1126 вербальных единиц.

Весомым вкладом в развитие психолингвистики и ассоциативной лексикографии стали работы В. Е. Гольдина, выполненные на материале ассоциативного словаря школьников. Это работы, посвященные вопросам содержания ассоциативного поля, его смысловой организации, его

стандартности, таким важным теоретическим проблемам, как проблема соотношения «словарного» и «психолингвистического» значений слов, изучение возрастной динамики словесных ассоциаций.

За большим разнообразием ассоциативных реакций, получаемых на слово-стимул в массовых ассоциативных экспериментах, ученому удалось увидеть значимые общие закономерности строения ассоциативных полей, выявить общие модели реагирования на стимулы. Так, например, для ассоциативных полей существительных идентифицирующего типа (предметных имен) типична следующая структура, соответствующая иерархической организации знаний о поименованных феноменах: блок знаний о ситуациях, связанных с предметным словом-стимулом; блок знаний о человеке, людях, функционально связанных со стимулом; блок предметно-логического, классификационного характера (реакции, выражающие гиперо-гипонимические отношения, в том числе отношения соподчинения); блок реакций, выражающих рефлексивную над речью и языком (реакции-синонимы, реакции-толкования, грамматические характеристики стимула, прецедентные единицы, в том числе цитаты) (с. 17–18).

«Типичные блоки содержания создают универсальную основу, на фоне которой выявляется семантическая специфика конкретных полей предметных существительных. Эта специфика может состоять как в особенностях лексического заполнения слотов схемы, так и в особенностях соотношения выделенных блоков содержания в составе отдельных полей» (с. 18).

В целом содержание ассоциативных полей определяется в основном тремя важнейшими сферами ориентации: в неречевой действительности, в речевой коммуникации (идентификация ее участников, их мотивов, целей, действий, жанров, стилей, прецедентных текстов), в самом языке (идентификация его единиц, структур, в том числе устойчивых сочетаний и фразеологизмов), хотя необходимо учитывать, что «направление ассоциаций зависит от значительного количества разнохарактерных факторов, в том числе от принадлежности стимула к той или иной части речи и от типа явления, именуемого словом-стимулом» (с. 120).

Выделение и анализ не отдельных реакций, а именно классов реакций, т.е. изучение представленных в ассоциативных полях областей референции и соответствующих семантических категорий становится инструментом оценки степени стандартности / варьируемости, стабильности / изменчивости ассоциативных связей слов.

Степень стабильности ассоциативного поля имеет количественное измерение: «...наиболее стабильную зону ассоциативного поля стимула при 200 и большем количестве испытуемых образуют реакции, доля каждой из которых составляет не менее 5% всех реакций на данный стимул» (с. 116).

Наличие типовых структур ассоциативных полей свидетельствует также о том, что ассоциативное поле «отражает общие знания и потому может быть использовано для реконструкции коллективного представления о том фрагменте мира, с которым связано конкретное слово-стимул» (с. 13). В. Е. Гольдин пишет: «...языковое членение мира (система главных содержательных блоков представлений о мире) соотносится с типологией ассоциативных полей и структурой ассоциативно-вербальной сети в целом» (с. 68).

Ряд работ В. Е. Гольдина посвящен проблеме репрезентации картины мира в ассоциативно-вербальной сети. Одна из задач психолингвистики, считает ученый, – «представить разновидности ассоциаций в качестве взаимосвязанных сторон единого комплекса знаний, обеспечивающих ориентацию в мире» (с. 76). Предлагается и метод решения названной задачи. Это выявление фреймовой структуры поля, «итеративное заполнение фреймов исследуемых ассоциативных полей, в ходе которого включение нового материала в одних случаях диктует более дробную организацию схемы, а в других открывает возможность укрупнения уже установленных в ней слотов. Итеративность заключается в том, что фрейм, построенный на материале ассоциативных полей одной части отобранных для исследования стимулов, подвергается коррекции с учетом ассоциаций на стимулы другой части корпуса стимулов, а затем исследователь проверяет адекватность скорректированной схемы, вновь заполняя ее материалом тех ассоциативных полей, с которых начиналось исследование» (с. 76).

Материал ассоциативных словарей, как показано в работах В. Е. Гольдина, позволяет выявить специфику значений слов в «наивной» картине мира массового носителя языка, что не всегда отражают толковые словари, подменяя реальное содержание слова в неспециальной речи экспликацией научного понятия. Такое расхождение между представлениями о значении слова у массового носителя русского языка и словарными определениями блестяще раскрыто на примере сопоставления лексикографических толкований слова *животное* с его ассоциативными связями, зафиксированными ассоциативными словарями.

Так, с научной точки зрения к животным относятся не только человек, овца, собака, тигр, жираф и подобные существа, но и птицы, рыбы, змеи, насекомые и даже простейшие типа амёб – это животные, и от растений их отличают неспособность синтезировать питательные вещества из неорганических соединений, а также свойственная большинству из них активная подвижность. Подобное определение дают и толковые словари (БАС, МАС): «Всякий живой организм, исключая растения».

Однако, как отмечает В. Е. Гольдин, слово ‘животное’ значит для нас, по-видимому, что-то другое, «поэтому фраза “Животное подползло ближе” едва ли напомнит нам о жуках или змеях, а предложение “Животное взмахнуло крыльями и полетело” мы с трудом отнесем к бабочке, комару или даже птице; скорее, это напомнит нам что-то из области фантастики» (с. 27). Как показывают материалы прямых ассоциативных словарей, к типичным животным в массовом «наивном» сознании можно отнести тех из живых существ, которые названы в эксперименте не менее чем двумя испытуемыми. Это *корова, собака, слон, жираф, кот, кошка, медведь*. Все эти животные – млекопитающие.

Сопоставление традиционных словарных толкований и ассоциативных характеристик слова не следует, по мнению ученого, ограничивать поиском несовпадения данных, оно должно также обнаруживать не менее существенные сходства, не менее значительную их общность, обусловленную тем, что и системные значения слов, представляемые толковой лексикографией, и получаемый экспериментальным путем ассоциативный материал связаны с текстовой речевой практикой языкового коллектива. Это, в свою очередь, определяет методику сопоставления системных (словарных) значений и ассоциативных связей слов – обращение к речевому употреблению лексических единиц, корпусным данным.

Применение этой методики было показано исследователем на примере слов *громкий* и *тихий*. Как отмечает В. Е. Гольдин, в авторитетных толковых словарях основные значения прилагательных *громкий* и *тихий* представлены как противоположные: *громкий* – 1. «Сильно звучащий, хорошо слышный; противоп. *тихий*», *тихий* – 1. «Слабо звучащий, едва слышный; негромкий; противоп. *громкий*» (МАС). При этом их производные значения «сильно расходятся и не связаны взаимными отношениями противоположности... с одной стороны, узуальны сочетания *громкий скандал, громкая премьера, громкие фразы, громкие заголовки*, но не **тихий*

*скандал, *тихая премьера, *тихие фразы, *тихие заголовки* и, с другой стороны, приемлемы сочетания *тихий город, тихое течение, тихие слёзы*, но не **громкий город, *громкое течение, *громкие слёзы*» (с. 38–39).

Какие же данные дают нам ассоциативные словари? Как отмечает В. Е. Гольдин, по данным разных ассоциативных словарей (РАС, АСШС, СИБАС), первые 10 самых частотных реакций на стимул *громкий* (*голос, звук, крик, смех, разговор, стук, возглас, шум, музыка, плач, гром, звон, магнитофон*) соответствуют основному значению слова *громкий*, а не какому-либо из его производных.

Ассоциации на стимул *тихий* поразительным образом отличаются от реакций на стимул *громкий*, как пишет исследователь, «мы видим не просто другие реакции, что, конечно, предсказуемо, но совершенно другой тип отношения реакций к семантической структуре многозначного слова-стимула» (с. 41).

«Если в ассоциативном поле стимула *громкий* все десять наиболее частотных реакций отсылают к основному значению этого слова, то в поле стимула *тихий* лишь небольшая часть представленных в выборке частотных реакций ... прямо соотносится со словарным значением ТИХИЙ 1... Большая же часть реакций в выборке (реакции *вечер, день, ветер, омут, час, сон, дом, человек, мальчик, скромный, спокойный*) отсылают не к основному, а к производным значениям стимула *тихий*: словесные опоры, привлекаемые испытуемыми при осознании стимула *тихий*, вызывают представление, в котором ослаблена роль звукового компонента; это представление о чем-то спокойном, не интенсивном, не направленном вовне» (с. 41–42).

Таким образом, как отмечает В. Е. Гольдин, «в рассмотренном случае мы имеем не тождество отдельных компонентов различных по существу явлений (и конструктов), а именно соответствие между ними, не разрушающее их целостности, не ведущее к их отождествлению, но позволяющее выявлять такие их особенности, которые могли бы остаться незамеченными вне анализа, основанного на предположении о том, что соответствие между речевым употреблением лексики, словарным системно-логическим представлением значений и строением ассоциативных полей не может не существовать» (с. 48).

Ценные обобщения были сделаны В. Е. Гольдиным по результатам изучения возрастной динамики словесных ассоциаций школьников: «...каждый школьный возраст (младшие

школьники, средние, старшие) обладает своим комплексом устойчивых ассоциативных характеристик, и эти характеристики могут быть обнаружены» (с. 60).

Ученым отмечено общее направление возрастной динамики словесных ассоциаций – стабилизация лексических ассоциаций: «постепенному увеличению в ответах доли первой по частоте реакции соответствует в них постепенное уменьшение доли отказов от реагирования и доли единичных реакций» (с. 55).

Выделены динамические типы ассоциативных полей:

– тип стандартизации: основная динамика, характерная для данного типа полей, – стандартизация реакций;

– тип вхождения в словарь: характеризуется уменьшением доли отказов от реагирования, занимающих в младших классах первое место в ассоциативном поле стимула;

– тип усложнения ассоциативного поля: с переходом школьников из младших классов в старшие доля наиболее частой словесной реакции в ответах не возрастает, а уменьшается, растёт или по крайней мере не уменьшается разброс реакций;

– тип периферийного развития: отказы от реагирования во всех возрастных группах оказываются самыми частыми ответами на предъявленный стимул (с. 61–66).

В работах, собранных в разделе «Картина мира в ассоциативно-вербальной сети», показано, как данные русских ассоциативных словарей могут быть использованы при исследовании социокультурных и национальных особенностей языковой картины мира. По мнению ученого, «перспективен такой подход к изучению ассоциаций для установления картины мира, при котором языковое членение мира (система главных содержательных блоков представлений о мире) соотносится с типологией ассоциативных полей и структурой ассоциативно-вербальной сети в целом» (с. 68).

Как отмечает исследователь, «общие черты конфигурации полей разных стимулов могут быть следствием содержательной и/или функциональной близости самих стимулов» (с. 72). В качестве примера В. Е. Гольдин приводит поля стимулов, обозначающих транспортные средства. Они не случайно включают значительное количество реакций, обозначающих движение, хотя сами глаголы активного движения, представленные в этих полях, не обязательно будут одни и те же (ср.: поезд – *едет, ехает, идёт, ушёл, стоит, качается*; корабль – *плывёт, тонет, тонул, плавает, всплывает, стоит*).

С другой стороны, «расхождения в конфигурации ассоциативных полей могут указывать на содержательные и/или функциональные различия между соответствующими стимулами» (с. 73). Например, в ряде ассоциативных полей предметных имен существительных (названия животных, растений, одежды и др.) одними из самых частотных оказываются реакции-гиперонимы; однако в полях, именующих лиц по профессии, реакции-гиперонимы типа *профессия* или другие встречаются существенно реже.

Одним из наиболее важных выводов, к которым приходит В. Е. Гольдин, следует считать вывод о том, что «ассоциативные словари (в отличие от словарей толковых) не формулируют значений слов и не дают достаточных оснований для таких формулировок, но позволяют устанавливать с ф е р ы р е ф е р е н ц и и слов-стимулов, то есть определять те фрагменты мира, с которыми соотносится стимул в сознании испытуемых» (с. 75). Кроме того, «ассоциативные реакции отражают ту меру подробности картины мира, ту степень системности образов мира и то сочетание “наивных” и научных представлений о мире, которые в действительности существуют в сознании испытуемых и к овнешнению которых вынуждает испытуемых процедура эксперимента. Именно эта картина мира рассматривается в данном случае как естественная» (с. 75–76).

Большое научно-методическое значение имеют рассуждения В. Е. Гольдина об особенностях коммуникативного поведения участников ассоциативных экспериментов. Ассоциативный эксперимент исследователь определяет как естественную несоревновательную игру, воспроизводящую свойства обычной речевой жизни людей, как «естественный диалог в искусственных условиях» (с. 107). Коммуникативные особенности процедуры ассоциативного эксперимента обуславливают его эвристическую ценность: на ассоциативном материале можно изучать самые общие закономерности коммуникации – коммуникативные стратегии и реализующие их речевые тактики.

Здесь исследователь рассуждает о том, почему ассоциативный эксперимент можно рассматривать как диалог испытуемых с экспериментатором: «...в ответ на реплики-стимулы, обращенные к ним в ходе ассоциативного эксперимента, испытуемые должны для реализации коммуникативного контакта демонстрировать свое согласие взаимодействовать с предъявителем стимула и подтверждать понимание адресуемой им речи. О первом свидетельствует сам факт ответа на стимул, второе проявляется в содержании и форме реакций, которые до-

пустимо трактовать как демонстрируемые экспериментатору «опоры» понимания стимула... Для одних испытуемых такой опорой-идентификатором, свидетельствующим о понимании реплики-стимула, выступает, например, синоним или квазисиноним слова-стимула, для других – соответствующие гипероним, гипоним или согипоним, для третьих – функциональная характеристика денотата слова-стимула и т. д. При этом существенно, что при всем их разнообразии варианты опор, представленные в ответах испытуемых, в целом не случайны. Для каждого из логико-семантических типов слов-стимулов они образуют небольшой круг основных ассоциативных связей и стратегий идентификации, составляющих часть языковой компетенции членов лингвокультурной общности, а потому соответствующие им реакции адекватно воспринимаются экспериментатором и показывают ему, что испытуемый понимает реплику-стимул» (с. 101–102).

Также В. Е. Гольдин отмечает, что в ходе эксперимента, как и в речевой коммуникации, отвечающий опирается не только на содержание и форму инициативной реплики, но и на сложившийся у него образ партнера, т. е. в данном случае экспериментатора, на понимание его интенций и коммуникативных возможностей. У испытуемых складывается определенный образ экспериментатора, который может влиять на фиксируемые в эксперименте реакции. При этом коммуникативное сотрудничество в виде демонстрации речевой и информационной общности с экспериментатором – это самая общая стратегия речевых действий участников эксперимента. Она реализуется несколькими частными коммуникативными стратегиями и многообразными тактиками формально-структурной и содержательной поддержки стимулов. Например, это может быть стратегия противоречия экспериментатору, желание как бы спорить с ним (реагирование антонимами и оппозиатами), стратегия привлечения внимания к себе (реакции *мое, у меня, это я и под.*), стратегия оценивания денотатов стимулов и самих стимулов (реагирование оценочными реакциями), стратегия реагирования вопросами и под.

Ценным научным наследием являются работы Валентина Евсеевича, в которых подробно обсуждена специфика ассоциативной лексикографии, предложена типология ассоциативных словарей. Отмечено, что ассоциативные словари отличаются от большинства других лексикографических продуктов первичным характером включаемых в них данных, они «предоставляют пользователям материал,

минимальной степени подвергшийся обработке со стороны составителей и, следовательно, в наименьшей степени несущий на себе следы квалификационных и классификационных усилий составителей, их языкового вкуса, идейных установок и различного рода предпочтений» (с. 115). Характер ассоциативных словарей обусловлен их задачами: «Единственная задача ассоциативного словаря – представить в стандартном и легко обозримом виде факты, добытые в ходе свободных ассоциативных экспериментов. Интерпретация этих фактов – дело пользователя» (с. 116).

Оптимальной формой ассоциативного словаря, по мнению В. Е. Гольдина, является электронная база данных, поскольку словари такого типа «могут использовать недоступные прежде способы сортировки и фильтрации материала» (с. 129). В 1998–2008 гг. в Саратовском университете была создана в виде Access-приложения уникальная электронная база данных – «Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области» [9] (руководители проекта – В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова, инженер-программист – А. О. Мартыянов). АСШС позволяет осуществлять фильтрацию материала по возрасту, полу испытуемых, месту их проживания, типу учебного заведения, дате проведения эксперимента и некоторым другим признакам. В работах исследователя описана организация АСШС и его научный потенциал.

В последней научной работе В. Е. Гольдина (написанной в соавторстве с А. П. Сдобновой) «Проект "Ассоциативный словарь школьников: стабильность и динамика"» [10] обобщен опыт работы над изданным Ассоциативным словарем школьников, опыт исследований, проведенных на его материалах, и обоснована необходимость создания нового ассоциативного словаря школьников (версия 2.0), который мог бы стать источником дальнейших динамических исследований языкового сознания молодежи.

Валентин Евсеевич Гольдин ушел из жизни 9 ноября 2017 г. Но он не ушел из науки. Живо многогранное научное наследие замечательного ученого, в котором настоящее и будущие поколения исследователей находят и будут находить новые импульсы для развития научной мысли.

Список литературы

1. Гольдин В. Е. К вопросу о структурно-семантических различиях в диалектной лексике (на материале названий построек и их частей в русских говорах) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1967. 20 с.

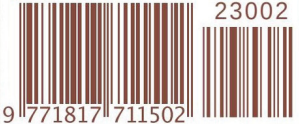

2. Гольдин В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии : дис. в виде науч. докл. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1997. 52 с.
3. Гольдин В. Е. К проекту текстового диалектологического подфонда Машинного фонда русского языка // Материалы III Всесоюзной конференции по созданию Машинного фонда русского языка / под ред. С. Ф. Гилязова, Ю. Н. Караулова. М. : Изд-во Московского ун-та, 1990. С. 92–103.
4. Гольдин В. Е. Этикет и речь. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1978. 112 с.
5. Гольдин В. Е. Речь и этикет. М. : Просвещение, 1983. 110 с.
6. Гольдин В. Е. Обращение: теоретические проблемы. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1987. 129 с.
7. Гольдин В. Е., Дубровская О. Н. Жанровая организация речи в аспекте социальных взаимодействий // Жанры речи. 2002. Вып. 3. С. 5–17. EDN: YNDDIT
8. Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов : в 2 т. / В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова, А. О. Мартьянов. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2011.
9. Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области: база данных на платформе MS Office Access. Версия 1.05.00 / сост. В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова, А. О. Мартьянов ; Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1998–2008.
10. Гольдин В. Е., Сдобнова А. П. Проект «Ассоциативный словарь школьников: стабильность и динамика» // Вопросы психолингвистики. 2017. № 4 (34). С. 174–187.

Поступила в редакцию 26.11.2022; одобрена после рецензирования 24.12.2022; принята к публикации 30.01.2023
The article was submitted 26.11.2022; approved after reviewing 24.12.2022; accepted for publication 30.01.2023

ISSN 1817-7115

23002

9 771817 711502

ISSN 1817-7115 (Print). ISSN 2541-898X (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Филология. Журналистика. 2023. Том 23, выпуск 2

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития

Серия: История. Международные отношения

Серия: Математика. Механика. Информатика

Серия: Науки о Земле

Серия: Социология. Политология

Серия: Физика

Серия: Филология. Журналистика

Серия: Философия. Психология. Педагогика

Серия: Химия. Биология. Экология

Серия: Экономика. Управление. Право

